

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2 (27)

СЕРИЯ

**«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит 2 раза в год

**Москва
2008**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

№ 2 (27)

**PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

**Москва
2008**

Редакционный совет:

<i>Рябов В.В.</i> председатель	доктор исторических наук, профессор, ректор МГПУ
<i>Атанасян С.Л.</i>	кандидат физико-математических наук, профессор, проректор МГПУ
<i>Геворкян Е.Н.</i>	доктор экономических наук, профессор, проректор МГПУ
<i>Русецкая М.Н.</i>	кандидат педагогических наук, доцент, проректор МГПУ

Редакционная коллегия:

<i>Радченко О.А.</i> главный редактор	доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков МГПУ, проректор МГПУ
<i>Викулова Л.Г.</i> заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор, зам. директора Института иностранных языков МГПУ по науке и международной деятельности
<i>Аликаев Р.С.</i> (г. Нальчик)	доктор филологических наук, профессор
<i>Афанасьева О.В.</i>	доктор филологических наук, профессор, декан факультета английской филологии
<i>Барышников Н.В.</i> (г. Пятигорск)	доктор педагогических наук, профессор
<i>Вострикова О.В.</i> секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Дубинин С.И.</i> (г. Самара)	доктор филологических наук, профессор
<i>Дюжикова Е.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Киров Е.Ф.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Курдюмов В.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Лягушкина Н.В.</i> ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Рыжова Л.П.</i> (г. Тверь)	доктор филологических наук, профессор
<i>Савицкий В.М.</i> (г. Самара)	доктор филологических наук, профессор
<i>Собянина В.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Сулейманова О.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Щепилова А.В.</i>	доктор педагогических наук, профессор, декан факультета романо-германской филологии
<i>Языкова Н.В.</i>	доктор педагогических наук, профессор

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

e-mail: Vestnik@mgpu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Баранова К.М.* Реформация и ее влияние на особенности становления американской колониальной культуры и литературы..... 8

Германские языки

- Ионина А.А.* Особенности современного текстового мышления. SMS-язык..... 15
- Михалёва Е.И.* Социокультурные особенности восприятия северных акцентов Англии 20
- Джанумов А.С.* Семантическая структура постпозитивного компонента *down* в составе фразовых глаголов..... 25

Романские языки

- Клейменова Н.М.* О взаимном влиянии французского языка метрополии и африканского варианта французского языка..... 31
- Рыжова Л.П.* Координация интерлокутивных действий в диалоге 37

Теория языка

- Яковлев Г.Ю.* Опыт прогнозирования перспектив развития социолингвистики как науки 43

Языковое образование

- Хованова С.Ю.* Формирование фонематического слуха у студентов начальной формы обучения 49

В творческой лаборатории ученого

- Интервью с доктором филологических наук, профессором М.М. Маковским (Провела С.Л. Фурманова) 54

Трибуна молодых ученых МГПУ

- Галлерт Д.Н.* Лексикографический и дискурсивный анализ имени существительного *fragrance* в современном английском языке.. 60
- Данилов А.С.* Мифологическое имя *Surtr* («Черный») в «Старшей Эдде», «Младшей Эдде» и сагах об исландцах 65
- Лось А.Л.* «Фокус эмпатии» в художественном повествовании на примере романа Даниэлы Стил «Закат в Сан-Тропе» 69
- Миттельман К.О.* Короткий рассказ как объект лингвистического и литературоведческого анализа 73
- Новичков П.Ю.* Метафоризация как актуальная задача современной лингвистики 79
- Олейник Е.В.* Особенности употребления терминов *sens* и *signification* во французской когнитивной лингвистике..... 85
- Смирнова М.А.* Германоязычные лингвистические островки на севере Италии 89
- Фетисова А.А.* Ассоциограмма как способ расширения объема словарного запаса учащихся..... 93

Критика. Рецензии. Библиография

- Тимашева О.В.* Энциклопедический словарь сюрреализма (Редакционная коллегия: Т.В. Балашова, Е.Д. Гальцова (отв. редакторы), А.Б. Базилевский, А.Ф. Кофман, Л.И. Тананаева). — М.: ИМЛИ РАН, 2007 98
- Избранные труды преподавателей Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ, опубликованные в 2007 году..... 102

Наши юбиляры

- Поздравляем Наталью Витальевну Языкову! 105
- Поздравляем Ольгу Васильевну Афанасьеву! 107

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

- «Языковое образование», 2008, № 2 (27)..... 109

CONTENTS

Literary Studies

<i>Baranova K.M.</i> Reformation and its Influence on American Colonial Literature	8
--	---

Germanic Languages

<i>Ionina. A.A.</i> Contemporary Text Thinking Features. SMS-language	15
<i>Mikhalyova Ye.I.</i> Sociocultural Features of Perception of Northern English Accents	20
<i>Dzhanumov A.S.</i> Semantic Structure of the Postpositive Component Down in Phrasal Verbs.....	25

Roman Languages

<i>Klymenova N.M.</i> On Mutual Influence of the French Language of Metropolia and the African Variant of French.....	31
<i>Ryzhova L.P.</i> Coordination of Interlocutive Actions in the Dialogue.....	37

Linguistics

<i>Yakovlev G. Yu.</i> An Attempt of Prediction of Sociolinguistics Development.....	43
--	----

Language Teaching Methodology

<i>Khovanova S. Yu.</i> Forming of Phonemic Hearing in Students of Elementary Level	49
---	----

In the Research Laboratory

Furmanova S.L. The Interview with M.M.Makovsky, Dr.Ph, Prof. 54

MCPU Young Scientists' Platform

Gallert D.N. Lexicographical and Discursive Analysis of the Noun
Fragrance in Contemporary English..... 60

Danilov A.S. Mythological Name *Surtr* «Black» in «The Elder Edda»,
«The Younger Edda» and Icelandic Sagas..... 65

Los A.L. Empathy Focus in Fiction by the Example of «Sunset
in St Tropez» by D. Steel 69

Mittelman K.O. The Short Story As a Subject of Linguistic and Literary
Analysis 73

Novichkov P.Yu. Metaphorization As a Relevant Goal of Contemporary
Linguistics 79

Oleynik Ye.V. The Usage of Terms *Sens* And *Signification* in French
Cognitive Linguistics..... 85

Smirnova M.A. German Speaking Areas in Northern Italy 89

Fetisova A.A. Associogram As a Way of Enriching Vocabulary 93

Critical Survey. Reviews. Bibliography

Timasheva O.V. The Encyclopaedia of Surrealism. — Moscow, 2007. 98

Anniversaries

Our Congratulations to N.V. Yazykova on Her Birthday! 102

Our Congratulations to O.V. Afanasyeva on Her Birthday! 105

IFL Professors' Publications 107

«MGPU Vestnik» # / Authors, 2008, № 2 (27) 109

К.М. Баранова

Реформация и особенности ее влияния на становление американской колониальной культуры и литературы

The article deals with the problems of Reformation and its influence upon American Literature of the colonial period. It offers analysis of Puritan beliefs and their reflection in literary works of the mentioned above period.

Несмотря на общий вектор развития современного общества и достаточно прочно сформировавшуюся концепцию глобализации, приходится признать, что наметившиеся тенденции к взаимоближению стран и культур, тем не менее, не являются абсолютными. До сих пор стереотипные представления заходят об определенных народностях и нациях, зачастую сохраняют свою власть.

Американцы — одна из самых молодых наций, которая за относительно короткое время серьезно эволюционировала и заняла достойное место среди других, имеющих более длительную историю. Типичный американец, почти повсеместно воспринимается как как гражданин своей страны, для которого определяющими выступают категории свободы, демократии, трудолюбия и материального достатка. Помимо этого, возможность осуществления американской мечты *from rags to riches* является для него аксиомой. С одной стороны, в жизни большинства американцев занимает религия важное место, а с другой — многие жители этой страны разделяют идею о том, что каждому следует строить свою судьбу, рассчитывая на самого себя, свой талант и способности.

По мнению исследователей американской литературы, «литературная история американской нации началась тогда, когда первый поселенец, обладающий впечатлительной натурой, остановился на мгновение и почувствовал, что находится под незнакомым небом, дышит совсем другим воздухом, что перед ним раскинулся Новый Свет, и он может полагаться только на собственные силы и Провидение» [3: с. 23].

Вера в Бога и Божественное Провидение была одной из наиболее значимых составляющих, которые легли в основу формирования американского характера и развития общества в целом.

Каким образом шло становление религиозных воззрений зарождающейся нации? Что происходило в первых поселениях североамериканского континента? Каким было мировоззрение тех европейцев, которые высадились на американский берег в начале XVII века? Ответы на интересующие нас вопросы можно получить, если обратиться к историческим корням средневекового религиозно-философского течения, которое в Европе получает наименование *Реформация*.

Его сторонники предложили, в первую очередь, реформировать христианскую церковь, а позднее — и само христианское вероучение. Призыв священников и богословов Северной Европы изменить многое в жизни церкви вызвал отклик у многих народов европейского континента. В конце XV — начале XVI веков недовольство римско-католической церковью и ее иерархами было всеобщим. Даже глубоко религиозные люди, посетившие Рим, возвращались из этого путешествия разочарованными и негодующими. Их гнев вызывала жадность пап и кардиналов. Живя в ослепительной роскоши, именно римские священнослужители призывали простых верующих к умеренности и воздержанию от излишеств.

Многих католиков возмущало существовавшее в то время право священников даровать прощение грешникам, покупающим себе отпущение грехов. Против индульгенций выступали и многие богословы. От критики этой традиции быстро перешли к осуждению папства и римско-католической церкви в целом.

Многие западноевропейские страны в этот период пытаются так или иначе освободиться от непомерных притязаний представителей высшей духовной власти Рима. В первую очередь, это касается слишком высоких денежных поборов в форме ежегодных податей, которые выплачивались Папе.

Эти причины вызывают желание реформировать католицизм и создать новое, последовательное и глубокое вероучение. В силу целого ряда исторических причин родиной Реформации становится Германия, а ее идеологом выступает профессор-монах Мартин Лютер (1438–1546). Он разрабатывает основы нового направления в религии, в котором рассматривает отношения человека и Бога, веры и разума, долга и свободы.

По мнению М. Лютера, церковь должна помочь верующему самостоятельно постичь смысл Библии, научить его читать Священную книгу. Лютеранская церковь отвергала посредников между Богом и людьми. Наставления католической церкви воспринимались как посягательство на свободу верующих. Мартину Лютеру удалось хотя бы частично решить сложнейшую задачу — примирить индивидуальное самосознание верующего с подлинным религиозным чувством.

Реформационное движение не смогло развернуться в полную силу в Германии: хотя М. Лютер подчинил свою церковь немецким князьям, не все они стали последователями его учения. В 1529 году среди аристократов проис-

ходит раскол. Часть из них выступает на стороне императора Карла, который призывает искоренить учение Лютера и вернуться в лоно католицизма. Соответствующее постановление императора вызывает протест четырнадцати князей-лютеран. *Протестантами* стали называть людей, поддерживающих Реформацию, выступающих на ее стороне. Последующие годы в Германии проходят в бесплодных попытках примирения враждующих сторон и поисках компромисса в отношениях с Папой Римским.

Однако такое положение дел не устраивало многих последователей Мартина Лютера. Одним из них был французский богослов Жан Кальвин (1509–1564), который придавал переустройству церкви гораздо большее значение, чем немецкие реформаторы. По его замыслу, новая церковь должна была одиозно строго бороться как против «папистов», так и против «философов», светских мыслителей, равнодушных к вопросам веры и готовых принять любую религию вплоть до языческой.

Ж. Кальвин считал «философов» даже более серьезными врагами, чем католиков. Он настаивал на отделении веры от знания. И возможно, сам того не желая, провел четкую грань между религией и наукой.

Кальвинистская церковь пользовалась правом самоуправления. В ней не было такой иерархии чинов и должностей, как у католиков. Каждая, даже самая маленькая община, решала свои проблемы самостоятельно, а руководили ею наиболее уважаемые люди-пресвитеры. Их выбирали члены общины и проповедники.

Весьма показательны богословские взгляды Ж. Кальвина. Он попытался ответить на вопрос, волновавший до него многих мыслителей, — насколько человек *свободен в выборе* своего жизненного пути. На его взгляд, судьба человека заранее *предопределена* Божественным Провидением. Однако человек не должен безропотно ожидать того, чему суждено произойти. Напротив, люди должны идти навстречу своей судьбе, им следует *трудиться*, быть активными в своей жизни, стараясь максимально проявить и реализовать способности, заложенные в них Создателем. Именно в этом, по мнению французского реформатора, и заключается служение Богу, именно в этом проявляется вера людей в Него.

Вместе с тем, Ж. Кальвин требовал воздержания и умеренности от своих сторонников. В проповедях богослова постоянно подчеркивалась мысль о том, что люди должны зарабатывать деньги не для развлечений, не для бездумной их траты. Бог дарует крупные состояния только тем, кто служит Создателю своим трудом, ибо работает и копит деньги для того, чтобы обрести себя в Царствии Небесном. Он был чрезвычайно строг в следовании данным постулатам и требовал их исполнения от верующих, что не всегда нравилось прихожанам. Но идеалы *труда, накопления и бережливости* были по достоинству оценены многими его последователями.

Основные идеи кальвинизма нашли своих сторонников и в Англии. Заметим, однако, что в этой стране Реформация начала осуществляться посредством королевской власти. Главной целью Реформации сверху было освобождение

от власти Ватикана и абсолютное подчинение английской церкви королю. Королевской власти было угодно обратить богатые церковно-монастырские земли в светскую собственность, принадлежащую монарху. В дальнейшем она превращается предмет торговли и спекуляций: часть секуляризованных земель была подарена феодалам-фаворитам, часть — продана дворянству и выходцам из буржуазии.

Формальным поводом к Реформации в Англии послужил отказ Папы Римского расторгнуть брак короля Генриха VIII с Екатериной Арагонской, чтобы тот мог вступить в новый брак с Анной Болейн, фрейлиной королевы. Развод был оформлен, но он был санкционирован не Папой, а английским парламентом. В 1534 году Генрих VIII издал специальный акт (Act of Supremacy), в котором король был объявлен главой англиканской церкви (The Church of England). Отношения с Ватиканом были окончательно разорваны. Правда, англичане не решаются на полный отказ от католических традиций: сохраняют некоторые церковные обряды, а также епископат в отдельных церковных областях. Новая английская церковь, отрицая главенство Папы, перестает быть абсолютно католической, но она еще не становится истинно протестантской. Англиканская церковь на первых порах занимает промежуточное положение между католицизмом и протестантизмом.

При Эдуарде VI (1537–1553) англиканская церковь значительно сближается с протестантизмом. В это время постулат об определяющей роли Божественного предопределения в жизни человека признается окончательно.

Тем не менее, самые ревностные из английских протестантов были недовольны такими, на их взгляд, половинчатыми реформами. Они полагали, что англиканскую церковь следует полностью очистить от остатков католицизма. Выразителей подобных взглядов начинают называть пуританами (от латинского «*purus*», английского «*pure*» — *чистый*). Несмотря на их борьбу за чистоту веры в Англии, англиканская церковь становится национальной в том виде, в каком существует, то есть сохраняя определенные элементы католицизма. Эта церковь превращается в опору государственной власти — абсолютной монархии. Однако в Англии в течение XVI века проводимая монархической властью политика была отмечена серьезными колебаниями в отношении католицизма.

В 1553 году на английский престол восходит католичка Мария Тюдор (дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской). В результате в стране отмечается насильственное возрождение католической веры. Королева не только восстанавливает и насаждает католицизм, но и начинает кровавую борьбу с протестантами. Особенно жестокому преследованию подвергаются пуритане. Мария Тюдор входит в историю как Мария Кровавая.

Ее правление не было продолжительным. В 1558 году к власти приходит Елизавета Тюдор (Елизавета I, дочь Генриха VIII и Анны Болейн). Наступает время расцвета Англии. Елизавета восстанавливает протестантизм, правда, в умеренной англиканской форме. Королева назначает епископов, оставляет им земельные владения, а также сохраняет за ними право заседать в парламенте.

В конце XVI века она издает целый ряд довольно суровых законов, направленных против католиков. В частности, за отказ признать верховенство королевской власти над англиканской церковью полагаются суровые наказания. Подобные действия, безусловно, вызывают массовое недовольство. В стране усиливаются антиабсолютистские настроения, и пуритане, преследовавшие исключительно религиозные цели, заключают союз с противниками монархического абсолютизма. В результате возникает оппозиция королеве Елизавете I и ее преемникам, Стюартам.

Конфликт усугубляется нерешенной проблемой церковного управления. Протестант Томас Картрайт предлагает ввести пресвитерианскую форму управления церковью, при которой, как было сказано выше, управление осуществляется системой пресвитерий (советов священников и мирян-старейшин), с целью избавить англиканскую церковь от контроля епископов, назначаемых короной и враждебных пуританам. Пуритане пытаются учредить тайные пресвитерии в официально признанной церкви.

Эти попытки подавляются Елизаветой в 80-е годы XVI века. Когда после ее смерти на престоле оказывается Яков I Стюарт (James I), пуритане подают новому королю петицию по тому же вопросу. Однако и эта попытка оказывается неудачной. Церковные иерархи не дают согласия на введение новых форм богослужения. Парламент подтверждает королевское верховенство над англиканской церковью.

Пуритане полностью порывают с господствующей религией и создают свои собственные церковные общины. При этом выделяются два направления. Более умеренное из них входит в историю под наименованием пресвитерианское. Его последователи пытаются установить в Англии единую кальвинистскую церковь. Второе направление — индипендентское, или сепаратистское, — более радикально. Сепаратисты стремятся освободить церковь от опеки короля и стать полностью самостоятельными.

Естественно, что подобные настроения вызывают крайнее недовольство властей, которые начинают проводить репрессии против инакомыслящих. Однако процесс Реформации необратим. Все больше и больше людей примыкает к пуританам, гонения против них приводят многих последователей этого религиозного течения в лагерь сепаратистов. К началу XVII века невыносимые условия жизни в стране для сторонников пуританства вынуждают их эмигрировать.

Часть из них в 1607–1608 годах отправляется в Голландию, другая на корабле «Mayflower» в 1620 году отплывает из Плимута (Англия) и достигает североамериканского континента, где поселенцы основывают свою колонию и называют ее Плимут по имени английского города. В Голландии и Америке протестанты пытаются создать благоприятные условия для осуществления свободного вероисповедания. Голландия выбрана пристанищем первой группой протестантов, в основном представителями английского среднего класса, потому что они поддерживают деловые связи с республиканской Голландией того времени и имеют все основания полагать, что их религиозно-политические воззрения найдут поддержку в этой стране.

Прожив в Голландии около двенадцати лет, глава пуританской общины решает переехать в Америку, так как условия жизни в Голландии весьма суровы. Как пишет У. Брэдфорд в своем дневнике, им трудно живется в этой северной стране из-за голода и нищеты. Зная, что их ждут такие суровые испытания и лишения, многие из тех, кто хотел бы присоединиться к переселенцам в Голландии, «предпочитали английскую тюрьму голландской свободе» [1: с. 39].

Решение о переезде из Голландии в Америку было принято большинством переселенцев, так как, по их мнению, очутившись на новой земле, они смогли бы там обрести и свободу, и материальное благополучие, которых им так не хватало в Голландии. В 1630-х годах многие пуритане эмигрировали из Европы и обосновались в Америке в колонии Массачусетского Залива. Хотя, в основном, эти пуритане были пресвитерианами, они обнаружили, что система пуритан-сепаратистов хорошо подходит к жизни в новых условиях. Следуя примеру колонистов из Плимута, они начали учреждать церковные общины, поддерживаемые общественными фондами.

Таким образом, первые европейские поселенцы в Америке были приверженцами религии, в которой они не желали видеть ничего общего с католицизмом и отвергали даже следы католической обрядности. Колонисты хотели быть свободными в своих религиозных проявлениях. Вера в Божественное Предопределение лежала в основе их мировоззрения. Будучи истинными последователями протестантизма, многие из них разделяли кальвинистские взгляды на невозможность свободы выбора человеком своего жизненного пути, ибо последний уже заранее выбран для него.

Однако, вслед за Кальвином, они считали, что строить свою судьбу необходимо, полагаясь на самих себя; трудиться на общее благо, при этом соблюдать умеренность во всем, от еды и одежды до атрибутов богослужения. Приехавшие в Америку поселенцы разделяли убеждения своих идеологов о необходимости быть бережливými, делать накопления и тратить их на служение Создателю. Они считали, что должны быть свободны в выборе вероисповедания.

Таким образом, можно заключить, что идеалы свободы, веры, труда и достатка, получившие свое развитие в произведениях американской литературы на протяжении всего периода ее существования, появляются не на пустом месте. Их фундаментом служат идеи европейской, преимущественно, английской, Реформации.

Становлению этих ценностей в большой степени способствовали те условия, в которых оказались колонисты на новом месте проживания. Небольшая группа людей, очутившись в неизвестных краях, могла рассчитывать лишь на самих себя, свой труд, свою веру, чтобы выжить и обрести религиозную свободу — цель, ради которой и было задумано это переселение. При этом прибывшие в Америку полагали, что они отмечены печатью избранности, так как именно они последовательно боролись за чистоту веры. На их взгляд, им, и только им, было предназначено построить в новой стране обитания особое общество — общество достойных людей, разделяющих общие религиозные убеждения. В даль-

нейшем это получит освещение в произведениях писателей XVII–XVIII веков: Джона Уинтропа (Gohn Wintrop), Эдварда Джонсона (Edward Gohnson), Джона-тана Эдварса (Gohnatan Edwards), Бенджамина Франклина (Bengamin Franklin) и других.

Следовательно, первые американские колонии в значительной степени были обязаны своим возникновением развитию европейского протестантизма и его появлению на североамериканском континенте. Именно в этом смысле можно говорить о том, что Реформация явилась одним из основных факторов, обусловивших особенности развития американской культуры и литературы.

Литература

1. *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. – М., 1987.
2. *Засурский Я.* Предисловие // Литературная история Соединенных Штатов Америки / Под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т.Н. Джонсона, Г.С. Кэнби. – Т. 1. – М., 1977. – С. 5–21.
3. Литературная история Соединенных Штатов Америки / Под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т.Н. Джонсона, Г.С. Кэнби. – Т. 1. – М., 1977.
4. The Harper Single Volume American Literature. – 3-d edition. – L., 1999.

А.А. Ионина

Особенности современного текстового мышления. SMS-язык

This essay explores the standards of the modern perception of the text and the detrimental effect of the media on children's thought and speech. The Short Message language, which is widely used in the Internet and mobile connection, provides a vivid reflection of this process in present-day English. The essay provides the main features of a short electronic text.

От преподавателей гуманитарных предметов средней и высшей школы все чаще можно услышать жалобы на снижение общего культурного уровня учащихся и уровня восприятия информации в частности. Современные дети не в состоянии запомнить и воспроизвести короткий текстовый отрывок (иногда даже одно предложение), сделать его анализ, выделить ключевые моменты. Очевидно отсутствие желания и навыка пользоваться книгой, справочным пособием, словарями. Другими словами, у сегодняшней молодежи катастрофически падает уровень **текстового мышления**, т.е. умения всесторонне воспринимать текст, анализировать его и интерпретировать.

Главной причиной культурной катастрофы, которая грозит нам, по мнению психологов, является, в основном, распространение **мультимедийных** технологий. Благодаря высокой скорости передачи информации современное информационное пространство стало необычайно емким: время ускорилося, а пространство сжалось. И с каждым годом этот процесс все усиливается. Всеобщая глобализация сочетается с универсализацией способов и средств передачи сведений. Нажав несколько кнопок, можно связаться с человеком на другом конце мира, можно «добыть» информацию любого характера, отослать ее, сделать снимок или видеосъемку, отпечатать кадры, послушать музыку и т.д. Иногда это возможно благодаря лишь одному носителю информации. И эти носители становятся все компактнее и универсальнее, а информация на них все объемнее. Современные технологии всячески поддерживают

этот интерес у населения, активно пропагандируются последние достижения на рынке компьютерных технологий. У психологов и социологов повальное увлечение и одержимость электронными «игрушками» получили название «*гаджетомании*» (от англ. *gadget* — приспособление).

На рубеже тысячелетий телефон, радио, телевидение, затем мобильная связь и, конечно же, Интернет обусловили высочайшую скорость прохождения информации, что вызвало ускорение общего темпа жизни. Экспериментально доказано, что человек XXI века стал говорить в два раза быстрее, чем современник, скажем, Л. Толстого. Всеобщее стремление к экономии времени и соответственно, языковых средств, привело к изменению мышления, в том числе текстового. Появилась так называемая «*клиповая*» культура и «*клиповое*» мышление. Информация, полученная с помощью компьютера, имеет свою специфику: она лишена основных свойств, присущих книжному тексту. Сведения подаются в сжатой, легкодоступной форме: в виде схем, таблиц, каталогов, картинок с подписями. Современные обучающие интерактивные программы позволяют добиться быстрых результатов, но не приучают к вдумчивой самостоятельной работе с текстом, к его анализу. Проще выбрать правильный ответ из трех или щелкнуть мышкой по ссылке, чем перечитывать несколько раз текст в поиске нужной информации. В результате текстовое мышление учащихся развивается крайне плохо, мозг отказывается извлекать информацию из текста самостоятельно и, как следствие, дети читают мало, неохотно или не читают вовсе. В основном восприятие текста происходит лишь на первом, **линейном** (содержательном), уровне оставляя за скобками второй — **подтекстовый** уровень прочтения текста. Особенно показательны в этом смысле **комиксы**. По мнению психологов, у детей, увлекающихся комиксами, нарушаются тонкие функции восприятия, анализа и интерпретации текста. «Комикс — это не литературный текст, а набор картинок с подписями, которые лишь внешне как будто связаны между собой по смыслу. Но на самом деле между ними нет глубинного внутреннего единства. Комиксы лишены подтекста, который обязательно присутствует в литературе и для понимания которого необходимы эмоциональные и интеллектуальные усилия. В комиксах не встретишь описаний природы, характеристик героев, в них нет косвенной речи, а прямая речь убога и примитивна, а часто и вовсе сводится к междометиям. В итоге ребенок не привыкает к душевной и интеллектуальной работе над текстом и уже просто не в состоянии справиться с чтением настоящей, серьезной литературы» [2: с. 92].

Особенно мощное влияние на содержание и структуру языка, конечно же, оказывает Интернет. Во всемирной сети существует своя культура общения, этикет (*netiquette*), персонажи (*computer geeks*, *mouse potatoes*, *screenagers (as teenagers)*, *newbies (or noobs)*, *technophobes*), и, конечно же, **язык, или Интернет-сленг**, имеющий свою терминологию и неологизмы [5: с. 10]. Его основные характеристики, естественно, распространились на возникшие позже текстовые сообщения по мобильной связи, так называемые SMS-сообщения.

Идея текстовых сообщений пришла в голову инженеру фирмы Vodafone Нейлу Папуорту. Под Рождество 1992 года он отправил первую SMS-сообщение *Merry Christmas-92*. Но только в 2000 году сотовые компании ввели услугу *Short Message Service*. К сегодняшнему дню этот способ общения является одним из самых распространенных. В США издан словарь SMS-языка. Краткий Оксфордский словарь включил его в особый раздел. На язык текстовых сообщений переведена Библия и «Илиада» Гомера с целью их популяризации. Сотни слов имеют SMS-эквивалент, SMS-язык стал вторым для миллионов людей, особенно для англоязычных пользователей.

Главный принцип Интернет-языка, как и текстовых сообщений, — максимум информации за минимальное количество ударов по клавишам — экономия усилий и времени. Отсюда — основные характеристики SMS-языка (SMS-language, chatspeak, txt, txtspk, txt talk).

Основные правила орфографии и пунктуации игнорируются.

1) Одна буква или цифра заменяет целое слово, например: *be – b*; *ate – 8*; *see – c*; *for – 4*; *are – r*; *to / too – 2*; *you – u*; *why – y*; *your / you are – ur*.

2) Одна буква или цифра заменяет слог, например: *activate – activ8*; *great – gr8*; *mate – m8*; *later – l8r*; *before – b4*; *therefore – there4*; *today – 2day*.

3) Изменение значения символов, например: *ss – \$*; *oo – %*; *–orr– – oz*; *sorry – soz*; *tomorrow – tomoz* (further – **2moz**).

4) Сокращение букв и пунктуационных знаков, когда

- исключаются гласные, при этом значение слова определяется по последовательности согласных, например: *between – btw*;

- исключаются артикли;

- исключается пунктуация, при этом преимущественно используется пробел и восклицательный знак;

- используется аббревиатура, например: «/» означает аббревиатуру: *with – w/t*; *something – s/t*;

- использование транскрипций сленга или диалектных вариантов, если они короче оригинального слова, например, вместо *because – cos*.

Наиболее распространенным средством сокращения слов в Интернет и SMS-языке являются **аббревиатура** и **акроним**. Аббревиатуры могут в значительной степени варьироваться в зависимости от интернет-групп, особенно в случае компьютерных игр *on-line*, где в каждой игре создаются свои аббревиатуры и акронимы. Среди наиболее распространенных назовем **TTY** (*talk to you later*), **BTW** (*by the way*), **IMHO** (*in my humble opinion*), **FYI** (*for your information*), **HAND** (*have a nice day*) и, наконец, **LOL** (*laugh out loud*). Последняя форма все чаще употребляется как слово-акроним вне текстовых сообщений, устно, произносимое по буквам.

Акронимы, которые часто путают с аббревиатурами, — представляют собой аббревиатуры, образованные «из начальных букв слов или словосочетаний» [1: с. 41], например: **NATO** (*North Atlantic Treaty Organization*), **DVD** (*Digital Videodisk*), **CD-ROM** (*Compact Disk Read-only Memory*) или **Web** (*World Wide Web*).

Сочетание вышеуказанных средств текстовых сообщений может значительно сократить целое предложение. Например:

ru goin pub 2nite — *Are you going to the pub tonight?*

hi m8 u k? i soz i 4gt 2 cal u lst nyt-y dnt we go c film 2moz (60 символов) — *Hi, mate. Are you okay? I am sorry that I forgot to call you last night. Why don't we go and see a film tomorrow?* (120 символов).

Вот фраза из школьного сочинения на тему «Как я провел лето» 13-летней школьницы из Шотландии: **We usd 2 go 2 NY 2C my sis & her BF**, которая на литературный английский переводится как: *We used to go to New York to see my sister and her boyfriend*. Все сочинение было написано на SMS-языке, что привело учителя в шоковое состояние [6].

Дистанционный характер общения и экономия времени обусловили специфический способ передачи эмоций и дополнительной информации в текстовых сообщениях-эмотиконах (англ. *Emoticons* < emotion + icon), которые в русском языке обозначаются словом *смайлики*. Вот наиболее употребимые символы с переводом [7]:

Выражение эмоций			
	Улыбаюсь.		Грущу.
	Смеюсь.		Злюсь.
	Подмигиваю, шучу.	:~V	Кричу.
:*)	Паясничаю; целую.	-O	Зеваю.
:~o	Wow!	:Q	Что?
	Хмурюсь, не?	:~&	Лишен дара речи.

Сегодня SMS стал не только средством общения (а также распространения рекламы, гороскопов, метеосводок, способа знакомства и т.д.), но и обучения языкам. М. Нилссон, преподаватель иностранных языков, а ныне президент лингвистического компьютерного центра, «революционизировал» всю методику преподавания иностранных языков, используя SMS-технологии. Факт, что современным людям катастрофически не хватает времени, так же верен, как и то, что они хотели бы владеть одним или несколькими иностранными языками. Используя свой опыт, он создал SMS-курс, с помощью которого каждый сможет выучить иностранный язык, только лишь читая текстовые сообщения, посылаемые на мобильный телефон [4].

Масштабы распространения и значимость SMS-языка для общения, с одной стороны, делают его предметом лингвистических исследований, с другой стороны, вызывают тревогу, как у психологов, так и у филологов, считающих, что язык текстовых сообщений способен разрушить основы языка, прежде всего английского. Однако, как пишет английская исследовательница Д. Айтчисон, о значимости и объеме изменений можно судить спустя лишь 30 лет и более. Ощущение, что язык «болен» не ново: каждое десятиле-

тие XX века чистота английского языка оказывалась под угрозой. Главными лингвистическими «преступниками» объявлялись пресса, радио, телевидение, Америка, а в последние десятилетия — Интернет и мобильная связь. Медийные средства лишь «схватывают» новые языковые формы и расширяют сферу их употребления [3: с. 18]. По мнению английского социолингвиста П. Траджила, английский язык, как и любой другой язык, стремится к сохранению своей структуры: он как «термостат», постоянно саморегулируется. Кроме того, человеческий мозг обладает неким врожденным свойством сохранять языковую структуру всегда и везде [7: с. 1].

Действительно, изменяемость — универсальная характеристика любого живого языка (не изменяются такие языки как, например, латынь). И следует согласиться с британскими социолингвистами в том, что эти изменения неизбежны. Новые реалии в современном языке (в том числе язык Интернета и SMS) требуют от ученых, прежде всего, оптимистичного взгляда, пристального внимания и новых исследований.

Литература

1. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М., 2003.
2. *Штейн А.* Как приучить ребенка читать. — М., 2006.
3. *Aitchison J.* The Media Are Ruining English // Language Myths. — London, 1998. — P. 11–25.
4. Learning by SMS. — <http://www.learning-by-sms.com>
5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. — London, 2002.
6. SMS language. — <http://en.wikipedia.org>
7. *Trudgill P.* The Meanings of Words Should Not Be Allowed to Vary or Change // Language Myths. — London, 1998. — P. 1–6.

Е.И. Михалева

Социокультурные особенности восприятия северных акцентов Англии

The author analyses dialect variation in England from the point of its sociocultural aspect. Cultural stereotypes, associations and judgments of the North and the South of England lead to ranking of the accents on the pleasant — unpleasant dimension. Perceived differences result in evaluation of the speaker.

Несмотря на тенденции диверсификации языка, самобытность отдельных географических регионов сохраняется. Английский язык сегодня имеет не только главный нормативный вариант, но и локальные и диалектные варианты, которые активно используются и отражают современные процессы демократизации общества, подтверждая тезис о том, что язык — это зеркало общества [2]. Например, в каждом графстве Великобритании существует свой вариант английского языка, отличающийся от литературного английского определенными фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями. Наиболее ярко межвариантные различия проявляются на сегментном уровне и наблюдаются при анализе всех основных компонентов фонетического строя.

Известно, что исходные географические, исторические и экономические условия определяют различия в психологии и культуре того или иного народа. В результате возникают специфические национально-культурные традиции, образ жизни, семейный уклад, стереотипы поведения и восприятия.

В Великобритании, говоря о различиях в культуре, стандартах жизни и, что самое главное, в диалекте, используются формулировку «деление на Север и Юг» («The North-South divide»). Эта граница не отмечена на картах и до сих пор существуют разногласия по ее расположению. Такие ментальные карты основаны на том, как говорят люди, и касаются вопросов вариативности языка. С лингвистической точки зрения, население Англии разделено более или менее равномерно между севером и югом. Следовательно, около половины жителей Англии говорят в какой-то степени на северном диалекте, исключая небольшое количество людей, использующих RP (Received Pronunciation) [13: с. 349].

Север и Юг характеризуются двойным противоречием, примерами которого служат противопоставления «теплого» и «холодного», «старого» и «нового», «богатого» и «бедного». Необходимо отметить, что Север, в основном, воспринимается негативно, в отличие от более «высокомерного» Юга

Англии. Север, в свою очередь, описывается как нечто чуждое, иное, неизведанное. Отличительной особенностью жителей Йоркшира, например, является их скупость, но в то же время дружелюбие. В средствах массовой информации, карикатурах, шутках, рекламе используется большое количество метафор, метонимий и стереотипов, которыми характеризуются сам Север и его жители. Для многих даже сегодня северная часть Англии и рабочий класс являются своего рода синонимами. Дискриминация севера заключается в том, что центр государственной силы, монархии и культурный центр располагается на юге Англии.

Самое раннее описание северных акцентов английского языка представлено в переводе «Полихрониона» Хигдена (*Higden's Polychronicon*), сделанного в 1380 году жителем Корнуэлла Дж.Тревисом: «All the language of the Northumbrians, and especially at York, is so sharp, slitting and frotting and unshaped, that we southern men can barely understand that language. I believe that is because they are near to strange men and aliens [i.e., Scots]... that speak strangely» [11: с. 9] («Язык нортумбрийцев, особенно в Йорке, очень неприятен для восприятия, как будто бы режущий и не имеющий определенной формы, который мы, жители юга, можем едва ли понимать. Мне кажется, это потому, что они (говорящие с северным акцентом) живут ближе к чужестранцам (т.е. шотландцам)... которые очень странно говорят»).

Таким образом, прослеживается тенденция рассматривать некоторые формы языка как «правильные», поскольку, помимо лингвистического сообщения, голос и речь несут информацию о территориальной и социальной принадлежности говорящего, его эмоциональном состоянии, его отношении к собеседнику, высказыванию и ситуации в целом, о его физиологических, психических, психологических и интеллектуальных особенностях [4]. Язык играет ведущую роль в создании стереотипов. О.А. Леонтович считает, что сформированные стереотипы устойчивы и искаженно отражают принадлежность носителей диалектов к различным группам. В своей монографии автор выявляет причины стереотипизации на коммуникативном уровне. Основные факторы связаны с произносительной стороной речи: это акценты, манера произнесения, особенности интонации, темп речи [1: с. 239].

Сложную и изменчивую языковую ситуацию в Великобритании можно свести к упрощенной схеме. Британский исследователь А. Уилкинсон выделяет три уровня акцентного престижа. К первому уровню он относит *Received Pronunciation*, некоторые иностранные акценты, а также шотландский и ирландский литературный язык, т.е. «приемлемую» и рекомендуемую систему. Второй уровень включает в себя британские региональные акценты «традиционных» консервативных сельских диалектов, близких к исчезновению. «Испорченный искаженный» диалект характеризуется самым низким престижем и свойственен носителям акцентов в крупных промышленных городах [9].

А.Е. Павленко отмечает, что подобная языковая схема определяет языковую картину в общественном сознании [3: с. 53]. Как подчеркивает П. Град-

гилл, подобное деление и противопоставление «приемлемых» и «неприемлемых» диалектов характерно для урбанизированной Великобритании. Он указывает на то, что такое субъективное восприятие речи проявляется, например, в образовательной сфере. Не действительные способности учащихся, а впечатление, которое производит речь на учителей, может послужить решающим фактором при вынесении ими оценки [10]. Еще академик Л.В. Щерба писал: «Даже изошренное ухо слышит не то, что есть, а то, что привыкло слышать, применительно к ассоциациям собственного мышления» [7].

На основании исследований и экспериментов, проведенных британскими фонетистами, было доказано, что диалекты все еще несут на себе негативный оттенок в классовом обществе. Отношение к человеку строится на базе оценки его речи. Вертикальная стратификация общества приводит к социальной стратификации языка [13]. Негативное отношение к использованию нестандартных форм языка, акцентов и диалектов выражается представителями британского общества — носителями стандартных форм языка.

Проведя анализ документальных передач о языке, мы нашли доказательство тому, что говорящие с региональным акцентом положительно оцениваются слушателями с точки зрения эстетики звучания. В свою очередь, носители форм RP вызывают негативную эмоционально-оценочную реакцию со стороны представителей низших слоев общества. Бытует мнение, что стандартный диалект является «навязанным обществу» в силу социальных и культурных причин, поэтому в Великобритании остро стоит проблема идентификации личности через речь. Считается, что акцент человека — это часть его «Я» [5: с. 23]. Однако существующий риск со стороны социальных учреждений вынуждает носителей региональных акцентов переучиваться акцентам более высокого статуса.

В Великобритании был проведен эксперимент на эстетическую оценку голосов по шкале «приятный – неприятный», который показал, насколько ответы были социально обусловлены. Задача заключалась в том, чтобы расположить десять акцентов по порядку — начиная от самого приятного до самого неприятного.

Так, аудиторы, говорящие на британском варианте английского языка, отдали предпочтение RP, «нейтральному» типу произношения, с точки зрения приятности, надежности, дружелюбия и искренности: на юго-востоке страны различие между местными диалектами и орфоэпической нормой — наименьшее, они носят только социальный и стилистический характер. Акценты, расположенные в конце списка, были акцентами урбанистических районов. Средние позиции в списке занимали акценты сельских местностей [7: с. 134].

Основываясь на результатах эксперимента, можно сделать вывод, что существующие ассоциации, связанные с вариантами языка, объясняют выбор участников эксперимента. Коннотации, которые несут на себе городские акценты, отталкивают реципиентов, в то время как провинциальные акценты, ассоциируемые с положительными эмоциями, привлекают. Таким образом, выбор англичан в качестве «некрасивых» акцентов Бирмингема и Лондона

не означает того, что они действительно неприятные. Американские респонденты, которые не узнают бирмингемский акцент (*Brummie*) при прослушивании и которые ничего не знают ни о городе, ни о его местоположении, не находят этот акцент неприятным.

В то время как представители других региональных диалектов английского языка отмечают «приятность» звучания Йоркширского диалекта, многие иностранцы отрицательно воспринимают данный вариант языка. Жители из Норфолка характеризуются как скучные, медлительные — такие же, как и их речь. Ливерпульский акцент (*Scouse*) расценивается представителями других территориальных акцентов как деградирующий акцент, такой же, как и сам город, в котором высокий процент безработицы. К. Уотсон [12: с. 57] рассуждая о статусе этого акцента в XX веке, говорит, что благодаря группе «Битлз» и популярным телешоу, ливерпульский английский сделался одним из наиболее узнаваемых на Британских островах, но вместе с тем в опросах традиционно занимает в иерархии «популярных» акцентов одно из последних мест. Однако в статье газеты «The Guardian» («Scousers Put the Accent on Success» David Ward, «The Guardian», 22 Sept. 2000) ливерпульский акцент рассматривался как «приветливый и дружелюбный» и не являющийся барьером для бизнеса, что послужило причиной возросшей востребованности носителей этого акцента в *call*-центрах города. Несколько лет спустя в газете «The Independent» в статье, с названием, говорящим само за себя («How to Make It in Business: Don't Have a Regional Accent» Ian Herbert Smith — «The Independent», 29 Dec. 2005) была дана противоположная точка зрения на статус современного ливерпульского английского. Корреспондент утверждал, что 64% опрошенных в исследовании считают, что носители этого акцента неудачливы в бизнесе. Негативные ассоциации с г. Бирмингем или с графством Западный Мидлендс, где расположен этот город, а также интонация этого акцента явились причиной предвзятого мнения бизнесменов к ливерпульцам (данные опроса, проводимого независимой консультационной корпорацией («Aziz Corporation»)).

Кроме того, нами был проведен анализ публицистической программы Би-Би-Си «A Variety of Accents» с точки зрения отношения подростков, выходцев из разных регионов Великобритании, к разным языковым вариантам. Каждый из восьми участников интервью согласился с тем, что принятое произношение считается правильным, присутствующая неловкость при общении с *posh people* влияет на их желание изменить свой акцент, так как классовая система все еще продолжает навешивать ярлыки и выносить суждения о людях по их речи. В настоящее время каждый пытается избавиться от особенностей акцента и перейти к более нейтральному типу произношения.

В то же время основная мысль, выраженная участниками интервью, заключается в том, что акцент создает имидж человека и является его наследием, и каждый должен говорить так, как он говорит, поскольку его речь естественна для него.

Основными источниками давления на диалекты считают средства массовой информации, социальные изменения, географическую мобильность населения, систему образования, а также социальное отношение. Специалисты предупреждают, что диалекты в ближайшее время заметно изменятся, «деградируют», и поэтому призывают к возможно полному фиксации их актуального состояния. Они настаивают на необходимости защиты и сохранения лингвистического многообразия, так как утрата языка или диалекта является обеднением того пути, который прошло человечество, и может восприниматься как посягательство на права человека людей, говорящих на данном языке или диалекте [8]. По мнению А.Е. Павленко, «в процессе преодоления негативных стереотипов в отношении к исконному языку важнейшая роль принадлежит школе, которая, в основном, эти стереотипы и сформировала, а также административно-правовой системе и отчасти церкви» [3: с. 214].

Литература

1. *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005.
2. *Меркурьева В.Б.* Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах: отношения комплементарности и изоморфизма: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Иркутск, 2005.
3. *Павленко А.Е.* Региональный язык и его статус (на материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – СПб., 2003.
4. *Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. – М., 2006.
5. *Шевченко Т.И.* Социальная вариативность английской интонации: учебное пособие для студентов III–IV курсов в/о и д/о. – М., 1986.
6. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – М., 2004.
7. *Andersson L-G., Trudgill P.* Bad Language. – London, 1992.
8. *Barbour St.* Accents, Dialects and Languages: National Differences in the Evaluation of Language Varieties // *Sociolinguistics*. – 2002. – № 14. – P. 5–10.
9. *Giles H., Powesland P.F.* Speech Style and social evaluation. – London, 1975.
10. *Trudgill P.* Sociolinguistics. An Introduction. – Harmondsworth, 1974.
11. *Wales K.* North and South: An English Linguistic Divide? // *English Today* 61: journal. – [Cambridge]. – 2000. – Vol. 16, № 1 (January). – P. 4–42.
12. *Watson K.* Phonological Resistance and Innovation in the North-West of England // *English Today* 86: journal. – 2006. – Vol. 22, № 2 (April). – P. 55–61.
13. *Wells J.C.* Accents of English: Vol. I. An Introduction. Vol. II. The British Isles. – Cambridge, 1982.

А.С. Джанумов

Семантическая структура постпозитивного компонента *down* в составе фразовых глаголов

The undertaken analysis of phrasal verbs points out the schematic meaning uniting the various senses of the particle *down* and their contribution to the whole combination of the verb and the particle. Most non-literal meanings are seen in terms of metaphoric extensions which can be arranged in meaning clusters resulting in a semantic network (scheme 1).

Цель данной статьи — выявление семантических связей между значениями постпозитива *down* в составе фразовых глаголов. Фразовый глагол обычно определяется как идиоматичное сочетание глагола и предлога (*cry over something*), глагола и отделяемой частицы (*run up the flag, run the flag up*), глагола и неотделяемой частицы (*run up a debt*), или двойного сочетания глагола с частицей и предлогом (*face up to problems*). Термин **частица** (particle) используется преимущественно в работах зарубежных лингвистов, в то время как в отечественном языкознании этот термин обозначает класс служебных слов. Поэтому в данной статье мы будем использовать термин **постпозитивный компонент** или, сокращенно, **постпозитив**, который был предложен Н.Н. Амосовой [1: с. 130]. Английский перевод данного термина **postpositive** употребляет М.Я. Блох в «Теоретической грамматике английского языка» [3: с. 218], рассматривая данную языковую единицу как принадлежащую к определенному функциональному классу частиц и сопоставимую с предлогами и союзами.

Фразовые глаголы широко используются как в письменной, так и в устной речи. Они представлены в различных функциональных стилях и являются типичными и характерными сочетаниями для современного английского языка. Однако в большинстве работ при семантическом описании фразовых глаголов используется традиционно предлагаемое (как, например, в толковых словарях) простое перечисление нескольких десятков значений. Учитывая особенности функционирования фразовых глаголов в английском языке, можно сказать, что такое перечисление, в принципе, предполагает неограниченное количество значений. В данной статье мы выделяем прототипическое значение постпозитивного компонента *down* и рассматриваем особенности его спецификации и переосмысления, что позволяет показать цельность и закономерность в семантической

структуре исследуемых языковых единиц. Мы также рассматриваем фразовые глаголы как языковые единицы с мотивированным значением в отличие от их традиционного отнесения к немотивированным фразеологизмам [6: с. 308–309]. Образование фразовых глаголов носит закономерный характер, основанный на метафорическом переосмыслении значения постпозитивного компонента, что позволяет классифицировать фразовые глаголы с точки зрения их семантики. Используя терминологию Лакоффа и Джонсона [8: с. 14], связь между различными значениями фразовых глаголов можно рассматривать как одно из проявлений так называемой «ориентационной метафоры», играющей значительную роль в формировании концептуальной системы человека. Для обозначения подобного явления Е.С. Кубрякова использует термин «когнитивная метафора»: «Когнитивная метафора (концептуальная метафора) — одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [5: с. 55]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного и социального опыта). В процессах познания эти сложные непосредственно не наблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами» [5: с. 56]. Также следует отметить, что в когнитивном направлении семантические структуры характеризуются по отношению к знаниям о действительности, объем которых неограничен. Семантические структуры отражают не только содержание ситуации, но и то, как организовано и истолковано это содержание. В когнитивной модели языка метафора занимает не периферийное, а центральное место, и большинство исследований выделяет множество различных метафорически переосмысленных значений для каждого предлога или постпозитивного компонента, не пытаясь объяснить то схематическое значение, которое их объединяет. Напротив, в грамматике Р. Лангакера [9: с. 74–85] подчеркивается продуктивность описания значения языковых единиц с помощью семантической сети, которая показывает, что все значения слова не случайны и не произвольны, а семантически связаны между собой. Таким образом, каждое значение может образовать одно или несколько новых, в конечном счете, образующих **цепь** (chain) или **сеть** (network) значений языковой единицы. Следует отметить, что идея цепочечной организации значения плодотворно изучалась и отечественными лингвистами, в частности, Ю.Д. Апресяном [2: с. 182]. В то же время Е.В. Рахилина указывает: «Важнейшей задачей когнитивной семантики оказывается описание типов или способов перехода от одного значения к другому. ...Сеть или цепочка значений для когнитивной семантики — это только начало теории полисемии; самое главное — возможность если не предсказать, то объяснить разнообразие значений» [7: с. 384].

Таким образом, в семантической структуре постпозитива *down* можно выделить следующие группы значений, которые можно представить в виде списка:

1. Движение вниз:

1.1 Перемещение объекта в пространстве (в сочетании с конкретным существительным):

1.1.1 сверху вниз

*The space capsule came **down** in the Pacific Ocean.*

1.1.2 на юг

*My friend is coming **down** from Scotland this weekend.*

1.1.3 к низовью реки, вниз по течению

*I rowed **down** the river / **down** river to its mouth.*

1.1.4 от центра к периферии; из столицы, университета, в провинцию

*I have to go **down** to the country to see my aunt.*

1.2 Изменение характеристики по определенной шкале:

1.2.1 Уменьшение (в сочетании с конкретным существительным)

1.2.2 количества

*The number of students in full-time education in the town has gone **down** from 5000 last year to 4800.*

1.2.3 объема

*Put your foot into cold water to help the swelling go **down**.*

(в сочетании с абстрактным существительным)

1.2.4. физической характеристики (температуры, веса, громкости и т.д.)

*I wish my weight would go **down**.*

*Could you turn the music **down** a little, please?*

1.2.5 уменьшение стоимости

*In an hour of bargaining, we got the price **down** (from £300) to £95.*

1.2.6 интенсивности действия, активности процесса

*Let the fire burn **down**.*

1.2.7 доведение до состояния или положения, близкого к исчезновению

*The storm had died **down** by evening.*

1.3. Ухудшение:

1.3.1 эмоционального состояния, здоровья

*He's been feeling very **down** since his wife went away.*

*Poor Susan went **down** with flu just before Christmas.*

1.3.2 мнения, оценки чего-либо, кого-либо; осуждение

*He went **down** in my opinion when he started trying to be an actor as well as a singer.*

1.4 Неуважение, пренебрежение

*Graduates may look **down** on these people, but who is getting the jobs?*

1.5 Отставка, понижение в чине, ранге

*The chairman was forced to step **down** due to ill health.*

1.5.1 переход в низшую инстанцию

*He handed the case **down** to one of his subordinate officers.*

2. Изменение положения из вертикального в горизонтальное:

2.1 из стоячего в лежачее или на коленях (в сочетании с одушевленным существительным)

*Why don't you lie **down** on the sofa for a while?*

2.1.1 засыпание

*I usually lie **down** for an hour after lunch.*

*I bedded **down** on the couch for the night.*

2.2 бездеятельность, остановку чего-либо

*The computer will be **down** for an hour while a new terminal is added to the network.*

3. Ассоциативные значения с соответствующими глаголами:

3.1 фиксировать в письменном виде

*I'll write/copy/put it **down** now in my diary so I won't forget.*

3.2 продавать за наличный расчет

*If you pay £100 **down** and the rest within six months, you can have it for £250 in total.*

Более наглядно взаимосвязь значений постпозитива *down* можно представить в виде семантической сети, в которой сплошные стрелки указывают на **спецификацию** значения, а прерывистые — на **расширение значения**, т.е. на метафорическое переосмысление (см. схему 1).

Закономерность и мотивированность метафорического переосмысления постпозитивного компонента подтверждается наличием синонимических и антонимических рядов, включающих в свой состав значительное число фразовых глаголов. Отметим, что антонимия, связанная с направленностью действий и признаков, предполагает некоторую шкалу, с которой соотносится динамическая ситуация. Как правило, такой тип антонимии называется **векторной** [4: с. 176]. В качестве примера можно привести антонимическую оппозицию постпозитивов *up* и *down*, обозначающих увеличение (*up*), или уменьшение (*down*) чего-либо (см. таблицу 1).

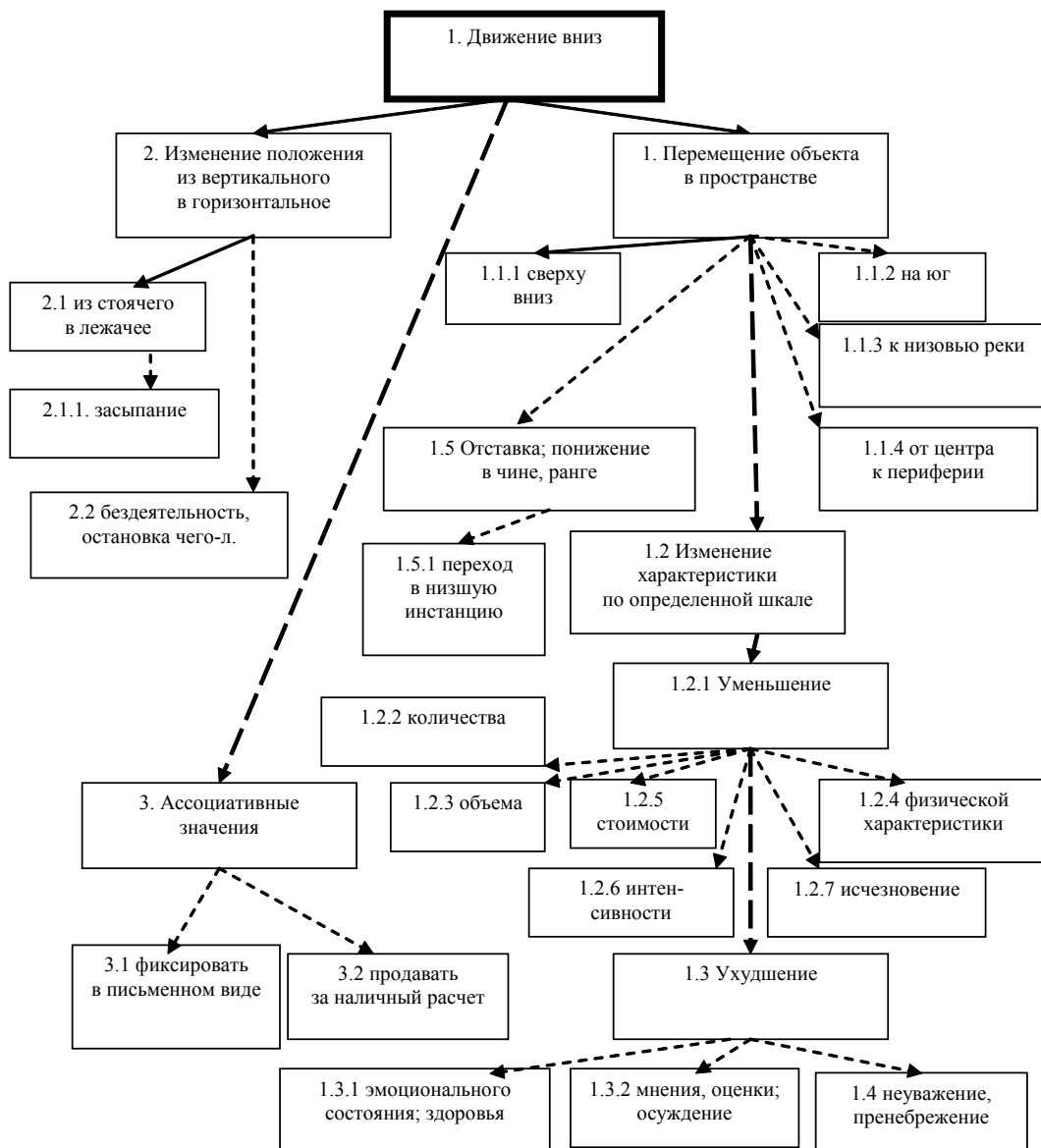
Таблица 1

Антонимическая оппозиция постпозитивов *up* и *down*

Увеличение (<i>up</i>)						
количества	объема	скорости		громкости	стоимости	интенсивности
1. bank	1. puff	1. bustle	6. shoot	1. ham	1. add	1. blaze
2. build	2. step	2. buck	7. speed	2. sing	2. ante	2. burn
3. bulk	3. surge	3. hurry	8. work	3. speak	3. bid	3. flame
4. bump	4. swell	4. carve	9. change	4. talk	4. bring	4. flare
5. push	5. well	5. quicken	10. gear		5. go	5. fire

Схема 1

Схематическая организация значения постпозитива *down*

Продолжение таблицы 1

Уменьшение (<i>down</i>)					
количества		объема	громкости	стоимости	эмоциональ- ной напря- женности
1. cut	8. round	1. boil	1. pipe	1. beat	1. cool
2. damp	9. run	2. break	2. turn	2. bring	2. calm
3. dampen	10. scale	3. bring		3. go	3. quiet(en)
4. die	11. slow	4. grind		4. come	4. settle
5. move	12. thin	5. let		5. knock	5. simmer
6. narrow	13. tone	6. pare		6. mark	6. wind
7. play	14. water				

Итак, на основании вышеприведенного анализа можно утверждать, что регулярный характер спецификации и метафорического переосмысления прямого (прототипического) значения постпозитивного компонента является характерным для фразовых глаголов.

Литература

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л., 1963.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М., 1995.
3. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М., 2000.
4. Кронгауз М.А. Семантика. – М., 2001.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1997.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. — М., 1996.
7. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика. – М., 2002. – С. 370–389.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980.
9. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. 1. – Stanford, 1991.

Н.М. Клейменова

О взаимном влиянии французского языка метрополии и африканского варианта французского языка

The article discusses some aspects of interactions between the culture of France and that of French-speaking Africa and addresses the lexical peculiarities of the African variant of the French language. The article reports on various Africa-originated borrowings that enriched significantly the language of the motherland.

Все чаще внимание лингвистов привлекают статус французского языка за пределами Франции и особенности французского языка в Америке, Африке и Азии. Наши современники, изучая французский язык, получают возможность общения не только с европейцами, но и с представителями самых разных культур. Каждый, кто осознает себя франкофоном, стремится приобщиться к мировой сокровищнице культуры с помощью французского языка и знания его особенностей за пределами Франции. Особенности африканского варианта французского языка (далее — АВФЯ) глубоко изучались в трудах таких отечественных ученых, как В.Т. Клоков, В.Г. Гак, А.И. Чередниченко и др.

Как свидетельствует В.Т. Клоков, уже пройден тот этап, когда любое отклонение от норм языка метрополии считалось ошибкой [3: с. 8]. Специалист по неологии М. Ленобль-Пенсон пишет, что языки, как и цивилизации, влияют друг на друга и взаимно обогащаются. Происходит обмен мыслями, предметами и словами [12: с. 5].

Отмечая особенности французского языка в Африке, подчеркнем тот факт, что благодаря проникновению европейской культуры и языков на африканский континент происходит существенное взаимное обогащение двух непохожих культур и цивилизаций. В бывших французских и бельгийских колониях Африки, которые называются «зоной экспансии», французский язык, не являясь родным для населения, играет роль языка администрации, обучения и совместной культуры. Как указывает В.Г. Гак, две трети афри-

канских стран (22 африканские страны) используют французский язык как официальный либо как основной иностранный язык и как средство международного общения [2: с. 3].

Отношение к французскому языку в бывших колониях неоднозначно. По сведениям ученых научно-исследовательского института «Institut de recherche sur l'avenir du français», опубликовавших «Atlas de la langue française» («Атлас французского языка») в странах, где французский язык используется наиболее активно, он далеко не всегда имеет официальный статус. Например, страны Магриба (Тунис, Алжир, Марокко) являются намного более франкофонными, чем Мали или Буркина-Фасо, хотя в первых французский не имеет официального статуса и делит с арабским статус языка обучения и языка, изучаемого большинством школьников как иностранный, тогда как во вторых он является единственным официальным языком и языком обучения [5: с. 53].

Как свидетельствует справочник «Etat de la francophonie dans le monde», на Островах Зеленого Мыса, в Гвинее-Бисау, в Сан-Томе и Принсипи, где португальский стал официальным языком, французский язык является языком общения и иммиграции. Это относится и к Экваториальной Гвинее, где официальным языком считается испанский. В других странах (Мали, Центральноафриканская Республика) статус французского языка как официального не препятствует тому, что местное население воспринимает его как язык элиты. В особенности это имеет место в Мали, где он вызывает враждебное отношение как язык колонизаторов и используется только правящими верхами. В Буркина-Фасо, Камеруне и Конго, напротив, французский ценится как дающий возможность социального продвижения, национального сплочения и открытости миру. В Кот-д'Ивуар и в Гвинее, где французский язык ассоциируется скорее не с Францией, а со странами Восточной Африки, он расценивается как наиболее практичный язык-посредник, служащий для общения разноязычного населения. Подчеркнем, что на территории одной африканской страны может употребляться много языков и диалектов, поэтому необходимость в языке-посреднике очевидна [8: с. 28].

Итак, с одной стороны, французский язык дает возможность обучения и карьерного роста, а, с другой — он ассоциируется у коренных африканцев с идеей притеснения, порабощения и расизма. Неслучайно африканский писатель-франкофон Амаду Курума в одном из своих романов назвал французский язык языком белых, колонизаторов и расистов [9: с. 233].

Для того чтобы рассмотреть проблему взаимного влияния французского языка метрополии и АВФЯ, обратимся к анализу трех произведений африканских писателей-франкофонов, чью известность подтверждают словари «Littératures francophones d'Afrique de l'Ouest» [14: с. 70–73, 207] и «Littératures francophones d'Afrique Centrale» [13: с. 60–61]. Это — романы Амаду Курума (Буркина-Фасо) «Allah n'est pas obligé» («У Аллаха нет обязательств»), Галиксты Бейала (Камерун) «La petite fille du réverbère» («Маленькая девочка под уличным фонарем») и Амаду Ампате Ба (Буркина-Фасо) «Oui mon commandant!» («Есть, полковник!»).

Эти произведения повествуют о взрослении и становлении личности детей (в первых двух названных романах) и молодого человека 22 лет. Вступающие в жизнь юные существа встречаются на своем пути белых колонизаторов и выражают свое отношение к ним и к их языку. Для маленькой девочки, героини романа Галиксты Бейала, французский язык является единственной возможностью получить образование и как-то преуспеть в жизни:

Je vais travailler pour faire honneur au pays, entrer en sixième et remporter mon certificat d'études primaires [7: с. 48–49].

Для героя Амаду Курума, мальчика народности малинке, французский язык — не более чем средство передачи информации. Он использует его для того, чтобы белые смогли представить все ужасы войны, пережитые им, и увидеть бедственное положение африканских детей. Себя самого и свой французский язык он характеризует как *petit nègre*:

Pas parce que suis black et gosse. Non! Mais suis petit nègre parce que je parle mal le français [9: с. 9].

АВФЯ существенно отличается от французского языка метрополии как произношением, так и грамматикой, лексическим строем. Мы объясняем это тем, что французский язык входит в сложное взаимодействие с языками разных семей (например, нило-сахарской, койсанской, афразийской, нигеро-конголезской) и не является родным для населения [1: с. 72–89]. Большинство африканцев, использующих французский язык, — билингвы, причем многие из них владеют не двумя, а тремя и более языками. Их ментальность существенно отличается от европейской, что позволяет говорить о «загадочной африканской душе», особенностями которой объясняются многие языковые явления. Кроме того, отметим ценность африканской культуры для жителей Африки, использующих язык метрополии. Так, маленькая героиня Галиксты Бейала начинает учить французский язык, чтобы осуществить мечту своей любимой бабушки — воссоздать погибшую камерунскую деревню. Бабушка Галиксты восклицает:

Cet enfant a été conçu pour satisfaire mon désir de reconstruire mon Royaume!

Девочка, несмотря на все жизненные трудности и неудачи, становится лучшей ученицей (*la première lycéenne du quartier*) [7: с. 33]. В свою очередь, Амаду Курума, говоря о своем первом, самом известном романе «*Les soleils des indépendances*», подчеркивал, что он свободно использовал слишком косный французский язык и ломал его, чтобы воссоздать непередаваемый африканский ритм [10: с. 2].

При таком сдержанном отношении к французскому языку становится понятным стремление к использованию в АВФЯ большого количества заимствований. Причем, заимствования происходят не только из местных языков, но и из арабского, например: *imam, marabout* — исламский святой; *cafre* — отвергающий мусульманскую веру. Это обусловлено тем, что большая часть населения названных стран — мусульмане. Имеются заимствования из испанского, португальского и английского, поскольку эти языки принесены колонизаторами.

По мнению В.Г. Гака, африканский материал демонстрирует сложный путь приспособления европейского языка к местной внелингвистической действительности — к оригинальной природной и социальной среде, в силу чего во французском языке Африки даже за исконно французскими словами нередко скрываются иные реалии, иная этническая психология [2: с. 3]. Так, в романе Амаду Курума мальчик рассказывая о своем дяде белым читателям объясняет свое настроенное и негативное отношение к этому вечно пьяному и драчливому человеку, в первую очередь, тем, что тот, согласно африканским обычаям, после смерти своего старшего брата, отца мальчика; должен обязательно взять в жены его мать:

Issa est mon oncle, c'est comme ça on appelle le frère de son père. C'est à mon oncle Issa que devait appartenir maman après le décès de mon père, c'est lui qui devait automatiquement marier ma mère. C'est là la coutume... [9: с. 30].

Разумеется, европеец или канадец, произнося слово *oncle*, не имеет в виду подобные родственные обязательства.

Основные заимствования из местных языков, фигурирующие в АВФЯ, касаются особенностей природы и быта, столь отличных от европейских. Это и обозначение продуктов питания: *igname* (иньям) — слово, пришедшее из испанского языка через языки мандинго или волоф и называющее клубневое растение, важный продукт питания африканцев, а также *manioque* (маниок, или маниока, маниот, кассава) — важнейшая культура, завезенная португальцами из Америки и являющаяся символом благополучия, достатка. Так, например, Галикста Бейала, описывая сватовство к своей матери и к ее старшей сестре, говорит, что женихи приходили к ним в дом с мешками, полными иньяма:

Les qualités des deux filles de Grand-mère traversèrent les montagnes et parvinrent jusqu'aux confins du pays... Des candidats se présentèrent, braillardards ou timides, collets montés ou débraillés. Tous différents mais unis dans la même quête d'amour. Ils apportèrent des sacs d'ignames, qu'ils jetaient aux pieds de Grand-mère [7: с. 22].

В силу другого климата и других обычаев много заимствований употребляются также для обозначения одежды. Это и *boubou* (бубу, уже известное европейцам; Le Petit Robert дает пояснение, что это — длинная туника, которую носят африканцы [15: с. 244]), и *pagne* (набедренная повязка), и *djellaba* (длинное платье с капюшоном), и *samaras* (легкие и недолговечные пластмассовые сандалии, которые камерунцы выразительно называют *les sans confiance*). Для обозначения нижней одежды африканский вариант свободно пользуется возможностями французского словообразования: *les sous-boubou*.

Многие заимствования описывают специфическую веру и обряды африканцев. Так, любой африканец, особенно во время военных действий, стремится заручиться поддержкой и защитой фетиша или талисмана *grigris* (это слово известно и европейцам [15: с. 1048]). Человек, который умеет изготавливать эти фетиши, — один из самых богатых и уважаемых в деревне, на-

делен особой силой: ему ведомо, какие жертвы необходимо принести богам. Характерно, что для обозначения его профессии африканцы соединяют слово *grigris* с английским словом *man* (*un grigriman*):

Le Liberia était un pays fantastique. Son métier à lui... était un boulot en or là-bas. On l'appelait là-bas un grigriman. Un grigriman est un grand quelqu'un de là-bas [9: с. 44].

Подчеркнем, что многие африканские или арабские заимствования, известные благодаря АВФЯ, широко используются во франкоязычной Европе. Такие блюда, как *couscous* и *tajine* (мясо или лепешка с овощами) воспринимаются как французские. Доказательством «укоренения» слова *couscous* служит французский неологизм *couscoussier* — специальная глубокая кастрюля для приготовления кускуса. Заимствование *couscous* и французское новообразование *couscoussier* зафиксированы в авторитетном словаре *Petit Robert* [15: с. 578]. Широко известны европейцам и обнаруживаются в словаре *Petit Robert* и такие заимствования, как *babouin*, *tsé-tsé*, *kola*, а также масличное дерево *karité*, плоды которого, обладающие омолаживающим и смягчающим эффектом, стали применяться косметологами [15: с. 205, 2700, 467, 1442].

Таким образом, взаимодействие двух очень непохожих культур является исключительно полезным для франкофонов как африканского континента, так и для жителей метрополии. Французский язык Европы обогатился благодаря африканским заимствованиям, а знание европейцами африканских реалий подчеркивает в наше время высокую культуру человека. Отношение африканцев к французскому языку сложно и неоднозначно. Это язык-посредник, благодаря которому разноязычное население может общаться, а также получать образование и делать карьеру. Но в то же время французский язык и культура могут представлять угрозу для местных, менее распространенных, языков и для местной культуры. Именно поэтому, желая сохранить языковую специфику, при написании произведений на французском языке высокообразованные африканские писатели свободно включают в свои произведения слова и выражения родного языка. При этом они придерживаются тех языковых норм, которые приняты в АВФЯ, а не в языке метрополии.

Литература

1. Атлас языков мира. — М., 1998.
2. Гак В.Г. Вступление к словарю В.Т. Клокова // Словарь французского языка в Африке. — Саратов, 1996. — С. 3–5.
3. Клоков В.Т. Словарь французского языка в Африке. — Саратов, 1996.
4. Клоков В.Т. Французский язык в Африке: Лингвокультурологическое исследование. — Саратов, 2000.
5. Atlas de la langue française. — Paris, 1995.
6. Bâ A.H. Oui mon commandant! — Arles, 1996.

7. Beyala C. La petite fille du réverbère. – Paris, 1998.
8. Etat de la francophonie dans le monde. – Paris, 1997.
9. Kourouma A. Allah n'est pas obligé. – Paris, 2000.
10. Kourouma A. Les Soleils des indépendances. – Paris, 1968.
11. La francophonie dans le monde. – Paris, 2004–2005.
12. Lenoble-Pinson M. Anglicismes et substituts français. – Paris, 2001.
13. Littératures francophones d'Afrique Centrale. – Paris, 1995.
14. Littératures francophones d'Afrique de l'Ouest. – Paris, 1994.
15. Robert P. Le Petit Robert. – Paris, 2005.

Л.П. Рыжова

Координация интерлокутивных действий в диалоге

From the point of view of processes of communication the coordination of interlocutive actions is central in the interaction theory: any performance of speech is a collective practice of its different participants which use the language means allowing them to provide management of the current discourse.

Исследования в области прагматики речи привели к накоплению в этой сфере значительного объема эмпирических данных и теоретических положений. Сегодня мы говорим о двух относительно оформившихся и взаимосвязанных направлениях в рамках прагматики речи — анализе дискурса и конверсационном анализе. Основанные на общих посылах прагматической лингвистики, эти направления обладают своей методологией и эпистемологией, собственным исследовательским потенциалом. Тем не менее, достижения обоих направлений внутри прагматики, имея свои достоинства и недостатки, дополняют друг друга и находятся в процессе постоянного развития и становления.

Французский вариант анализа дискурса и конверсационного анализа существенно сближается с зарубежными теориями (теория речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля, теория конверсационных максим и «логики разговора» П. Грайса, функциональная модель коммуникации Р. Якобсона, этнография речи и коммуникации Д. Хаймса, Дж. Гамперца, теория интеракции Э. Гоффмана, микроструктурный анализ интеракции Г. Сакса, Е. Щеглова, Г. Джефферсона, Дж.М. Синклера, Р.М. Култхарда и макроструктурный анализ В. Каллмайера и Ф. Шютце, диалогичность и полифония М.М. Бахтина). При этом во многом заимствуется их методология и терминологический аппарат. Однако эта теория остается верной сложившимся еще в XIX в. национальным традициям расширительного толкования содержательной стороны языковых единиц и филологического анализа текста под решающим влиянием интеллектуальной среды.

Широкое и неоднозначное понимание термина *дискурс* во французской лингвистике [1: с. 61–72], а также изучение различных форм речевого взаимодействия, «когда ситуативные, контекстуальные, интонационные факторы играют важную роль» [10: с. 471], определяют использование методологии конверсационного анализа и анализа дискурса в исследованиях устной и письменной, диалогической и монологической речи с точки зрения прежде всего их *интерактивной структуры*.

Интеракция, вслед за Э. Гоффманом, рассматривается как «такой класс событий, которые имеют место во время совместного присутствия и в силу этого совместного присутствия. Дальнейший поведенческий материал складывается из взглядов, жестов, положений и языковых высказываний, которые каждый не прекращает вводить, намеренно или нет, в той ситуации, в которой он находится» [5: с. 7]. В процессе коммуникативного взаимодействия различные его участники — интерактанты — «оказывают *взаимное воздействие* друг на друга: говорить — значит взаимодействовать, и взаимодействовать, участвуя в диалоге» [9: с. 17]. Коммуникативно-прагматический подход предполагает рассмотрение интеракции как единства межличностных отношений, потому что жизнедеятельность любого языкового сообщества определяется, в первую очередь, способностью к коммуникативному взаимодействию, первичной формой которого является речевое взаимодействие, а целенаправленное использование языка характеризуется *диалогичностью*, т.е. любой дискурс создается коллективно, значение любого высказывания является результатом совместной (кооперативной) деятельности. Таким образом, коммуникативное взаимодействие может быть определено как коллективная деятельность по созданию смысла, как деятельность, включающая использование эксплицитных или имплицитных *переговоров* (*négociation*), которые должны способствовать достижению поставленной цели [9: с. 28–29].

Одним из основополагающих понятий, характеризующих процессы интеракции и прочно вошедших в метаязык прагмалингвистических исследований, стало понятие *кооперации*, или *кооперативности*, заимствованное из кооперативной теории игр, социальной психологии, этнометодологии. Этому в значительной степени способствовало провозглашение П. Грайсом принципа коммуникативного сотрудничества, согласно которому следует говорить так, чтобы разговорный вклад соответствовал совместно принятой цели и направлению обмена коммуникативными действиями, в который включены говорящие, а также стадии этого обмена [6: с. 45].

Заложенная в приведенном определении интерсубъективность (совместно принятая цель и направление обмена коммуникативными действиями) обуславливает саму возможность взаимодействия людей и выступает как общее условие интеракции, осуществляемой в соответствии с правилами поведения (разговорными максимами), которые определяют то, что участники интеракции должны делать, чтобы действовать (например, используя язык) осмысленно / разумно / рационально, т.е. понятно [4: с. 113]. Известно, что в процессе обмена коммуникативными действиями его участники, имея определенные намерения, преследуют свои собственные цели, и действия партнеров характеризуются определенным интенциональным смыслом: каждый участник интеракции, выполняя свою коммуникативную роль (говорящего или слушающего) и произнося то или иное высказывание, имеет намерение управлять сознанием получателя информации, воздействовать на него.

Принцип кооперации реализуется в четырех категориях, или «конверсационных максимах»: *Количество, Качество, Релевантность (Отношение) и Способ (Образ действия)* — и рассматривается как условие и как тип интеракции двух или более разумных деятелей, во-первых, принимающих друг друга во внимание, во-вторых, стремящихся, по крайней мере, к одной общей цели [2: с. 54]. Это — фундамент успешного, прежде всего, бесконфликтного общения, на основе которого партнеры по коммуникации, распознавая и понимая личностно обусловленные интенциональные смыслы друг друга в социальном контексте, согласовывают смысловую направленность своих коммуникативных действий в их ситуативном контексте. В этом смысле употребление термина «кооперация» аналогично употреблению термина «координация», так как координация предполагает взаимную зависимость принятия решений и взаимную ориентированность действий партнеров на достижение поставленной цели. Следовательно, наиболее важным аспектом координации коммуникативных действий и необходимым условием успешного взаимодействия является понимание партнерами по интеракции взаимозависимости целей, которые они преследуют, т.е. совпадение интенционального и интерпретируемого смыслов.

Это дает право утверждать, что в рамках интеракционистского подхода принцип координации индивидуальных действий, или принцип кооперации, вписывается в общий антропологический принцип, который Ганс Хёрман назвал «*принципом постоянства смысла*» и который можно рассматривать как индивидуальный когнитивный коррелят принципа кооперации [7, 8], метатеоретического по своей сути концепта универсальной и лингвистической прагматики.

Принцип постоянства смысла связан с явлением *интеракциональной синхронизации* (интеракциональной синхронии, интерсинхронизации), которая имеет место в любой момент и на любом уровне процесса интеракции. Действия говорящего и ответы слушающего синхронны в том смысле, что они связаны друг с другом особым образом. Наиболее наглядным примером феномена интеракциональной синхронизации является функционирование «речевых ходов», потому что в целом оно подчиняется принципу, согласно которому молчание или одновременное говорение собеседников во время разговора очень непродолжительны. Более того, следующий говорящий начинает говорить сразу же после того, как остановится предыдущий говорящий, но еще до окончания фразы он начинает двигаться так, что его движения ритмически согласуются со словами говорящего. Интерсинхронизация коммуникативного взаимодействия описывается через категории симметричности, одновременности, последовательности и дополнительности. К. Керброт-Орекьони группирует их следующим образом: (1) *одновременность и симметричность* (оба партнера одновременно улыбаются друг другу); (2) *одновременность и дополнительность* (улыбка слушающего сопровождает приятные слова говорящего, который не улыбается); (3) *последовательность и симметричность* (слушающий улыбкой реагирует на предшествующую улыбку говорящего); (4) *последовательность и дополнительность* (слушающий улыбкой реаги-

рует на ранее сказанные приятные слова своего собеседника) [9: с. 17, 21–23]. Таким образом, для любого коммуникативного процесса характерна взаимная и постоянная детерминированность поведения его участников. И с того момента, как два (или более) человека вступают во взаимодействие и соглашаются быть партнерами или соперниками, и даже противниками, они *вместе сотрудничают, содействуют*, беря слово или слушая на протяжении всего этого взаимодействия, каким бы оно ни было, мирным или конфликтным.

Следует подчеркнуть, что понятие кооперации включает и координацию таких индивидуальных действий партнеров, которые не исключают соперничества, соревновательности, и полемика или самая острая ссора разворачиваются согласно принципу кооперативности, сотрудничества. Такие действия, как прерывание другого, вклинивание в разговор, отказ другому в предоставлении слова и т.п. показывают, что говорящий, включаясь в речевой обмен спокойно или эмоционально, вежливо или грубо и резко, пытается оказать воздействие на своего собеседника, в чем-то его переубедить, с чем-то не согласиться. Таким образом, предвидя возможные действия партнера, он, так или иначе, реагирует на предполагаемое поведение собеседника. В этой связи заслуживают внимания сигналы сотрудничества, указывающие на агональный (agonal) или миметический (mimétique) типы общения [3: с. 28, 149–174].

Агональный характер общения проявляется в желании партнеров господствовать в процессе интеракции, занимать лидирующую позицию, побеждать. Это необязательно ссора, конфликт. С агональным типом общения превосходно согласуется самая учтивая галантность и вежливость. Поэтому выбор темы разговора, борьба за взятие или удержание речевого хода являются стратегиями, в наибольшей степени благоприятствующими возникновению и развитию агональной интеракции. Это борьба за влияние, и именно здесь в наибольшей степени проявляется функция воздействия. К сигналам *агонального* типа относятся сигналы типа *mais, mais non, moi je..., moi j'sais pas moi..., mais on peut pas dire..., ah non quand même! Oh non pas du tout...*, т.е. сигналы, обеспечивающие в целом функции *дифференциации, дистанцированности, противопоставленности, исключения*. В этом случае говорящий утверждает свою индивидуальность относительно других участников коммуникативного процесса, реализуя дифференцирующую функцию языка.

Миметический (не мимикрический) тип общения проявляется всякий раз, когда партнеры по интеракции обнаруживают общность взглядов, интересов, мыслей, когда они получают удовлетворение, осознавая свою похожесть. Он обусловливается желанием говорящего завоевать симпатию собеседника, его расположение: проявляя любезность, мы ждем того же от собеседника; «сохраняя его лицо», мы ожидаем такой же ответной реакции от своего собеседника. Желание «завоевать» партнера берет верх над желанием одержать победу в словесном поединке. К сигналам *миметического* типа относятся такие сигналы, как: *ben tu vois, ben tu sais, oui bien sûr, sans doute, c'est vrai, ben évidemment, absolument, c'est comme ça* и т.п. Другими словами, эти сиг-

налы свидетельствуют о признании другого и обоснованности его точки зрения, о разделении его взглядов и интересов, о сходстве мнений и позиций; это сигналы призыва к согласию и сотрудничеству. Тем самым подтверждается принадлежность говорящего к данному кругу общающихся. В процессе коммуникации эти сигналы выполняют интегративную функцию.

Д. Андрэ-Ларошбуви отмечает, что в естественных условиях протекания интеракции редко имеют место только агональный или миметический тип общения, они либо чередуются, равномерно следуя друг за другом, либо представлены в интеракциях в разных пропорциях. Это показано в следующем диалоге (курсивом выделены сигналы агонального типа общения, жирным шрифтом — миметического):

A: C'est un peu... fatigant de-d'se dire que... qu'ça sert à rien **hein tu vois?**

B: *Mais ça c'est p't'et'seulement ton impression, non?*

A: *Chais pas mais... Tu comprends, j'essaie d'pas r'faire les trucs comme mes parents, **hein**, seulement **crois-moi**, c'est pas facile **hein!** C'est pas en faisant l'contraire, *quand même!* Un gosse, **crois-moi**, s-s'est-ca en fait des questions auxquelles on... on répond comme on peut, des-des-des problèmes qu'on essaie de résoudre... Bon toujours mal naturellement...*

B: *Non quand même, t'exageres quand même, ton gosse a pas l'air malheureux, **j't'assure!***

A: Malheureux non, **bien sur**, oh lala! *C'est plutôt moi qui... Alors peut-être... J'veux dire, **tu as raison hein**, j'meu... j'me monte la tête... Enfin pas tous les jours, **t'en fais pas hein.***

Анализируя данный диалог, Д. Андрэ-Ларошбуви подчеркивает, что агональные и миметические сигналы здесь тесно переплетаются и скорее дополняют друг друга в рамках данного диалога-размышления, чем противопоставляются [З: с. 154–155]. Эти вербальные сигналы интеракционной синхронизации маркируют кооперативный характер взаимодействия со стороны обоих партнеров: сигналы агонального типа, выделенные курсивом, указывают на различное понимание проблемы каждым из собеседников; но, пытаясь убедить в этом другого и добиться взаимопонимания, оба собеседника используют сигналы миметического типа.

Наличие этих сигналов значимо для процессов интеракции, так как именно с их помощью различные партнеры по общению дают знать друг другу, что они рассматривают и осознают себя в качестве действительных собеседников. Это необходимое, но не единственное условие того, чтобы потенциально коммуникативная ситуация становилась актуально коммуникативной и оставалась таковой. Необходимо также, чтобы собеседники постоянно согласовывали свои коммуникативные действия в рамках той системы прав и обязанностей, в которую они включаются с момента начала интеракции, причем их действия (фатические и регулятивные) не являются независимыми друг от друга. Собеседники с двух сторон обеспечивают управление этим совместным процессом и оба несут ответственность за его успех или неудачу, т.е. становятся «со-ведущими» интеракции.

Таким образом, с точки зрения процессов взаимодействия людей координация интерлокутивных действий имеет первостепенную значимость, занимая центральную позицию в теории интеракции. Это указывает на то, что всякое исполнение речи, будучи далеким от просто формы выражения мысли, является коллективной практикой, где разные участники используют наборы средств, позволяющие им совместно обеспечивать управление производящимся дискурсом.

Литература

1. Рыжова Л.П. Эволюция предмета прагматики во французском языкознании // Язык и дискурс. – Тверь, 1997. – С. 61–72.
2. Allwood J. Linguistic Communication as Action and Cooperation: A Study in Pragmatics. – Göteborg, 1976.
3. André-Larochebouvy D. Introduction à l'analyse sémio-linguistique de la conversation. – Paris, 1979.
4. Bange P. Analyse conversationnelle et théorie de l'action. – Paris, 1992.
5. Goffmann E. Interaction ritual. Essays on face-to-face behavior. – New York, 1967.
6. Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. III. Speech Acts. – New York, 1975. – P. 41–58 (trad. française: Logique et conversation // Communication. – 1979. – № 30. – P. 57–72).
7. Hörmann H. Meinen und Verstehen: Grundsätze einer psychologischen Semantik. – Frankfurt; M., 1976.
8. Hörmann H. Einführung in die Psycholinguistik. – Darmstadt, 1981.
9. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales. – T. 1. – Paris, 1990.
10. Moeschler J., Reboul A. Dictionnaire encyclopédique de pragmatique. – Paris, 1994.

Г.Ю. Яковлев

Опыт прогнозирования перспектив развития социолингвистики как науки

The modern philosophy and science got a wide experience of representing the Language as objective process; so, if to use the experience to analyze sociolinguistics matters, it occurs that they are structures, formed by the nature of the Language and may be described via the categories of ‘modus’, ‘dictum’ and ‘address’.

Не вызывает особых сомнений тезис о том, что ответить на вопрос о сущности языка — значит прояснить соотношение языка с бытием (действительностью), обществом (социумом) и познанием (сознанием, мышлением). Понятно, что в разное время данный вопрос неодинаково интерпретировался в зависимости от общих методологических установок и совокупности достоверных знаний о языке и его связях с «неязыковыми» явлениями.

Тем не менее, нельзя не отметить, что особый статус языка всегда отделился в различных формах мировоззрения. Опыт анализа философских, лингвофилософских и собственно лингвистических работ показывает, что, к примеру, в западной Античности¹ язык репрезентировался либо как совокупность «автономных» структур модусов (у софистов), диктумов, текстов (у античных материалистов) или идей, представлений, «адресов» (у Платона). В Средневековье язык рассматривался как системно-диалектическое сочетание этих структур (у реалистов, номиналистов и концептуалистов), в Новое и Новейшее время — как единый трехструктурный комплекс (у И. Канта, О. Конта, Э. Гуссерля). Подчеркнем, что на настоящем этапе некоторые направления современной философии (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер) описывают язык как некую сущность, на фоне которой проявляют себя все остальные явления объективного и субъективного миров.

¹ Термин «Античность» в данном контексте берется в полном значении: «Ограничительное употребление терминов «Античность», «античный» установилось у народов Европы в силу того, что греко-римское общество было единственным древним обществом, с которым они были связаны непосредственной культурной преемственностью» [8: с. 6].

Основываясь на вышеупомянутых достижениях философской и научной мысли о центральном месте языка в восприятии, осознании, интеллектуальной реконструкции всего «открытого» для коммуниканта, мы можем утверждать, что для поиска «базового метода» науки о соотношении, к примеру, языка и общества (в русле социолингвистики и лингвосоциологии), очевидно, необходимо системное применение новейших данных о языке, полученных в различных формах мировоззрения. На наш взгляд, до сих пор это не было целенаправленно реализовано и, как следствие, может составить актуальность данной статьи.

В современном языкознании доказывается, что язык представляет собой не только структуру (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр), но и процесс (Г. Шухардт, К. Фосслер). Обзор работ западных и российских социолингвистов и социологов языка показывает, что идея о языке как процессе целенаправленно не верифицировалась в их работах. В условиях того, что современные течения структурализма (постструктурализма), модернизма (постмодернизма), созданные на основе воззрений о языке как структуре, практически исчерпали свой когнитивный потенциал, применение альтернативных методов реально необходимо.

Как известно, методологическим фундаментом интерпретации соотношения языка и общества в мировой науке стали теории О. Конта, Г. Спенсера и Г.В.Ф. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса, получившие свое развитие на Западе (К. Пайк, А. Грамши, У. Лабов) и в СССР (позднее — России) соответственно. Основными достижениями западной социолингвистики принято считать доказательство имманентности существования языка и общества, советской (русской) — обоснование их взаимодополнения.

Так, в частности, в XX в. западная социолингвистическая мысль строилась на научной платформе структурализма, основные положения которого разрабатывались в Пражской (В. Матезиус, Р.О. Якобсон), Французской (А. Мейе, Ш. Балли) и Американской (Л. Блумфилд, Н. Хомский) школах, позволяющих интерпретировать язык как системно функционирующее, социально определенное и определяющее социум, генеративное целое соответственно. Отечественная наука, рассматривая вопрос о соотношении языка и общества (Б.А. Ларин, Л.П. Якубинский, В.М. Жирмунский, Е.Д. Поливанов; А.Д. Швейцер, Ю.Д. Дешериев, Л.Б. Никольский, Е.А. Земская, Л.П. Крысин, Э.Г. Туманян), основывалась на диалектическом материализме и описывала язык как комплексное материально-идеальное явление, проявляющее себя в процессах порождения (восприятия) речи и ее социализации.

Как видим, в XX в. в результате формирования мировой науки в целом и науки о языке и обществе в частности, ученые пришли к выводу о включенности «доязыкового» (психического, психолингвистического), собственно языкового (текстового) и социального (адресно ориентированного) в единую сущность языка; более того — признали его нестатическим, функционирующим, генеративным целым, т.е. оказались на пороге признания языка процессом (как следствие, структурой) и экзистенциальной средой (затем — средством общения).

Справедливости ради отметим, что параллельно с парадигмами идеализма и позитивизма, идеи о языке как экзистенциальной среде разрабатывались в феноменологической философии (Э. Гуссерль), фундаментальной онтологии (М. Хайдеггер) и философской герменевтике (Х.-Г. Гадамер). Язык как процесс рассматривался в лингвистической философии (Л. Витгенштейн) и прагматической лингвистике (Дж. Остин).

Таким образом, опыт философского и лингвофилософского анализа, аккумулированный на настоящем этапе, позволяет говорить о языке как процессе и экзистенциальной среде, что, собственно говоря, и будет являться для нас отправным пунктом исследования.

Мы исходим из того, что (1) «...этот феномен (язык — Г.Я.) имеет свои корни в экзистенциальном устройстве разомкнутости присутствия. Экзистенциально-онтологический фундамент языка есть речь» [10: с. 160–161], (2) «...язык появляется только там и тогда, где возникает динамика бинарных форм...» [4: с. 5].

В контексте вышеизложенного можно утверждать, что единственным методом изучения языка, в структурах которого пребывает коммуникант, общество, человечество, будет лингвофилософское (в принципе, — лингвистическое) моделирование через категории, к примеру, опыта (диктума) «моего» пребывания (модуса) в языковой процессуальности (системе «внутримодусных, внутриязыковых» представлений, адресов).

В данном контексте социолингвистика (лингвосоциология) интерпретируется не как междисциплинарное направление, созданное на стыке языкознания и социологии, а как наука о некоем едином объекте — языке социума, представляющем собой следствие пребывания его носителей в динамике единого языкового процесса (в онтологическом ключе): «...социолингвистика изучает весь комплекс проблем, отражающих двусторонний характер связей между языком и обществом» [12: с. 60], «научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества» [11: с. 481].

Такая интерпретация не противоречит теориям, описывающим «имманентность» и «взаимодополнение» в качестве детерминант существования языковых и социальных процессов (структур), однако репрезентирует их как производные по отношению к языковой процессуальности (в гносеологическом аспекте), ставит знак равенства между языком и обществом.

Мы полагаем, что язык реализует себя и (именно поэтому) может быть описан через свои структуры, которые объективно существуют, но могут выражаться эксплицитно («ярко») или имплицитно («завуалированно»): так, к примеру, национальные (этнические) языки по динамике проявления могут быть разделены на языки:

- с выраженными модусом и адресом (без «прорисованного» диктума, «аморфной» текстовой структурой, изоляцией как детерминантой);

- с выраженными модусом и диктумом (четкой логикой построения текста, агглютинацией как сущностной чертой);
- с диктумом и адресом (детальным описанием адреса, «логичностью» и «внешней» связностью текстов).

По аналогии можно предположить, что на фундаменте идеи о процессуальной и экзистенциальной сущности языка, реализующем себя через модус, диктум и адрес, все социолингвистические процессы (структуры) могут быть представлены как частные проявления языка и систематизированы относительно (1) адреса («языковая ситуация», «языковая политика», «языковой статус»), (2) модуса («речевое поведение», «социально-коммуникативные системы» и «их функции»), диктума («литературный язык», «диалект», «социолект» и др.).

В свете вышеизложенных идей о языке в широком понимании можно считать доказанным, что он представляет собой не сумму национальных (этнических) языков, их диалектов, идиолектов и т.д., а по сути процесс, частные проявления которого признаются «моими» либо «чужими»; по форме — перманентный «сдвиг» в реализации своих структур, субъективно именуемых просторечием, диалектом, литературным либо национальным языком. Ср., к примеру: «...подсистема с учетом понятия социальной значимости — структурированная совокупность разноуровневых лингвистических единиц и грамматических конструкций с тождественной социальной значимостью, используемая определенной группой людей для построения текстов, отражающих часть совокупности смыслов данного языка» [5: с. 73], «язык как архисистема полностью покрывает все частные системы, которые отражаются в формах существования языка. Каждая из экзистенциальных форм внутрискруктурно является самостоятельной системой, способной удовлетворить коммуникативные потребности обслуживаемого ею социально-детерминированного общества» [9: с. 19].

Как результат утверждаем, что взаимная координация деятельности, социальное взаимодействие есть, во-первых, процесс направленного (адресного) прояснения структур бытия (действительности) для построения своего «авторского» текста (совершения соответствующего действия). Во-вторых, подлинная динамика языка проявляет себя не на уровне предложения или текста, а на уровне порождения коммуникативно оформленного высказывания, т.е. построения текста в системе модус (коммуникант, языковая личность, мой опыт пребывания в структурах языка) и адрес (совокупность «моих» представлений относительно другого коммуниканта). В-третьих, социолингвистика и социопсихолингвистика будут науками, вскрывающими назначение языка того или иного социума в призме общих языковых процессов, описывающими обусловленность социальных статусов, иерархий определенными текстами и ответственностью за их (не-)генерирование.

Можно говорить о том, что проблема «языкового кода», «языковой вариативности», «языковой нормы» вскрывается не на уровне текста и стоящей

за ним семантической картины, а на уровне полной модели языкового процесса. В сущности, любая реализация языка предопределена коммуникантом, исходя из опыта его пребывания в динамике (структурах) идеального языкового процесса, что, как следствие, находит свое уникальное (не допускающее вариантов) выражение.

Язык суть бытие. Совокупность «частных» представлений (адресов) о языке (бытии) — мир, в котором существует коммуникант. Язык, следовательно, является фундаментом «личного» присутствия в том или ином социуме, основным фактором социализации личности. Ср.: «фундаментальные понятия социума, социалемы и лингвемы... выступают в качестве трех осей ординат, на которые опирается социальная история языка во всем ее объеме» [2: с. 13]; «...в контексте познавательных проблем лингвистики создание теории речевого общения — это формирование понятийного аппарата, наиболее целесообразно и адекватно организованного для анализа экстралингвистического контекста функционирования речевых высказываний» [7: с. 13], «...лингвистика дает возможность определить метафункциональную сущность человека через способность к осознанию своего языкового круга и пониманию своей и чужой культуры. Быть человеком — значит преодолевать границы, сохраняя ценности своей культуры в мультикультурном мире» [3: с. 364].

Кратко обобщим результаты проведенного нами исследования:

1) обоснованная в современных философии и науке идея о языке как объективном процессе и экзистенциальной среде может быть использована в качестве методологической основы проведения перспективных социолингвистических (социопсихолингвистических) исследований;

2) на основе методологии лингвистического процессуализма социолингвистика интерпретируется не как междисциплинарное направление, созданное на стыке языкознания и социологии, а как наука о некоем едином объекте — языке социума, представляющем собой следствие пребывания его носителей (проводников) в динамике единого языкового процесса;

3) очевидно, что язык суть фундамент «личного» присутствия в том или ином социуме, основной фактор социализации личности; взаимная координация деятельности, социальное взаимодействие могут быть признаны процессом направленного (адресного) прояснения структур бытия (действительности) для построения своего «авторского» текста (совершения соответствующего действия);

4) глобальность постановки проблемы — изучение соотношения языка и общества и прогнозирование перспектив развития социолингвистики как науки — определяет необходимость проведения, скорее всего, серии исследований, подтверждающих необходимость смены методологии социолингвистических (социопсихолингвистических) исследований от (пост) структурализма к процессуализму и обоснованность изучения социолингвистического (социопсихолингвистического) как следствия пребывания в структурах языкового процесса.

Литература

1. Белл Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. – М., 1980.
2. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М., 1982.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
4. Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. – М., 1999.
5. Никольский Л.Б. Синхронная социоллингвистика (теория и проблемы). – М., 1976.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
7. Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения: научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 1992.
8. Тронский И.М. История античной литературы. – М., 1983.
9. Туманян Э.Г. Язык как система социоллингвистических систем. Синхронно-диахроническое исследование. – М., 1985.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб., 2002.
11. Швейцер А.Д. Социоллингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С.481-482.
12. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социоллингвистику. – М., 1978.
13. Юсселер М. Социоллингвистика. – Киев, 1987.

С.Ю. Хованова

Формирование фонематического слуха у студентов начальной формы обучения

The article reviews peculiarities of phonemic awareness when learning a foreign language. It points to most typical mistakes that students make in the course of studies while articulating English sounds. Finally the article shows how to successfully incorporate different exercises into your class work to improve phonemic awareness, listening and other skills vital for learning and living.

Фонематическим называется слух, позволяющий различать звуки речи. Он формируется в течение жизни и зависит от речевой среды обитания. Хорошее знание иностранного языка предполагает выработку новой системы фонематического слуха. Способность к обучению иностранным языкам, в свою очередь, определяется фонематическим слухом, который влияет также на грамотность письменной речи.

Одной из проблем, которая стоит перед студентами начальной формы обучения английскому языку, является развитие речи, включающее умение четко произносить звуки, различать их, а также владеть артикуляционным аппаратом. Не вызывает сомнения тот факт, что основы развития фонематического слуха закладываются в самом раннем детстве, а основы такого вида слуха, связанные с изучением иностранного языка — на самых первых занятиях. Таким образом, на начальном этапе изучения английского языка в вузе речь идет уже о *дальнейшем формировании и развитии* фонематического слуха. Преодоление не совсем развитого фонетико-фонематического навыка достигается путем целенаправленной работы по коррекции как фонематического слуха, так и звуковой стороны речи в целом.

Особенностью передачи звуков в начальный период их усвоения является неустойчивость артикуляции и произношения. Однако благодаря слуховому контролю двигательный образ звука соотносится, с одной стороны, с образцом, которым является произношение преподавателя, а с другой — с собственным произношением обучаемого. Различение этих двух образов лежит

в основе совершенствования артикуляции и произношения звуков студентом. Правильное произношение возникает только тогда, когда оба образа совпадают [1: с. 21]. Р.Е. Левина, в свою очередь, замечает, что акт произношения в норме следует рассматривать как завершение акустического процесса, направленного на выделение соответствующего звука и его различия среди других. Уточним, что четкие фонематические представления о звуке возможны только при правильном его произнесении [2: с. 78].

С развитием логопедической науки и практики, физиологии и психологии речи стало очевидным, что в случаях нарушения артикуляторной интерпертации слышимого звука может в разной степени ухудшаться и его восприятие. Другими словами, студенты правильно слышат только те звуки, которые умеют правильно произносить.

В результате анализа занятий по практической фонетике нами были выявлены наиболее типичные ошибки, которые допускают студенты при артикуляции английских звуков.

1. Замены звуков или их отсутствие. Сложные по артикуляции звуки заменяются простыми по артикуляции, например: вместо межзубного /Г/ произносятся /f/ или /s/, вместо /D/ произносится звук /z/; вместо /х/ произносится звук /e/, вместо губно-зубного /v/ часто произносится губно-губной звук /w/ или наоборот. Замена одного звука другим по артикуляционному признаку создает условия для смешения соответствующих фонем. Причем, в большинстве случаев отдельные звуки в изолированном положении студент произносит правильно, однако в потоке речи эти звуки отсутствуют или заменяются другими.

Трудности различения близких звуков, принадлежащих разным фонетическим группам, приводят к их смешению при чтении и на письме. Чаще всего оказываются несформированными навыки произнесения именно межзубных звуков.

2. Замены произнесения дифтонга монофтонгом и наоборот. Очень часто вместо дифтонгов произносятся монофтонги, например, вместо /qV/ произносится /P/, или вместо дифтонга /eI/ произносится монофтонг /e/. Это, на наш взгляд, вполне объяснимо, поскольку в русском языке дифтонги отсутствуют. Однако другими причинами таких замен является недостаточная сформированность фонематического слуха или его нарушения. Такие нарушения, где одна фонема заменяется другой и искажается смысл слова, называют *фонематическими*.

3. Искаженное произношение одного или нескольких звуков. Звонкие звуки очень часто замещаются парными глухими (особенно в конце слова). Оглушение конечных звонких согласных является типичным для русского и нетипичным для английского языка. Недостаточно четко противопоставлены пары мягких и твердых звуков, другими словами, происходит частая палатализация согласных звуков, что опять же не является типичным для английского языка.

Причиной искаженного произнесения звуков обычно является недостаточная сформированность артикуляционной моторики или ее нарушения. Это *фонетические* нарушения, которые не влияют на смысл слов, но, вместе с тем, требуют не меньшего внимания со стороны преподавателя.

Предвидение и знание трудностей при звукопроизношении помогает определить методику работы со студентами. При фонетических нарушениях большое внимание уделяют развитию артикуляционных навыков, при фонематических проблемах акцент делается на развитии фонематического слуха.

Кроме перечисленных особенностей произношения и фонематического восприятия у студентов с недостаточно развитым фонематическим слухом наблюдаются: общая смазанность речи, нечеткая дикция, даже некоторая задержка в формировании лексического и грамматического словаря.

Рассмотрим задачи и варианты организации элементов занятий по практической фонетике, направленные на формирование фонематического слуха. Все типы работы отражены в активно используемом нами учебнике «Phonetic Smile» [3].

1. Организационный момент.

На начальном этапе урока важным является создание положительного настроя на учение, пробуждение интереса к познанию новых звуков, а также коррекция психофизических функций. Организационные моменты проводятся в разных вариантах: сюда могут включаться релаксационные, артикуляционные упражнения и упражнения на дыхание.

Релаксационные упражнения помогают снять повышенное мышечное напряжение. Артикуляционные упражнения улучшают работу лицевых мышц, способствуют подвижности артикуляционного аппарата. Упражнения на дыхание помогают овладеть техникой правильного дыхания, что, в свою очередь, является основополагающим при овладении английской речью. Психофизическая гимнастика способствует раскрепощению студентов, проявлению своего «я».

2. Характеристика звуков по артикуляционным и акустическим признакам.

Прежде чем приступить к произнесению того или иного звука студенты знакомятся с характеристикой звука по артикуляционным и акустическим признакам. На данном этапе реализуются следующие задачи:

– уточняется артикуляция — положение губ, языка при произношении изучаемого звука;

– уточняются акустические признаки звуков, мягкость и твердость;

– находится образное сравнение звука.

3. Произношение изучаемых звуков в словах и слоговых сочетаниях.

Следующий этап занятия предполагает произнесение звука изолированно, а затем в сравнении со всеми артикуляционно или акустически близкими звуками. Большое внимание уделяется уточнению дифференциации гласных звуков, от четкости произношения которых, прежде всего, зависит внятность речи и анализ звуко-слогового состава слова. Например:

˘mlstq

˘llzqd

˘bltq – ˘betq

˘viktq – ˘vektq

Если в упражнении вводится какое-либо фонетическое явление, то оно описано в отдельной табличке и предлагается на отработку. Например:

Practice Focus. Main phonetic feature:

positional length of vowels (позиционная долгота гласных): Долгота как кратких, так и долгих гласных зависит от их положения в слове. Наиболее долгими ударные гласные являются в открытой конечной позиции, несколько короче перед звонкими согласными и еще короче перед глухими согласными.

• *Listen, and practise reading the words with the sound /i:/.*

pJ – pJz – pJs

dJn – tJn

IJg – IJk

bJ – bJd – bJt

vJl – fJl

IJv – IJf

4. Формирование фонематического восприятия.

Работа по формированию фонематического восприятия начинается с развития слухового внимания и слуховой памяти. Неумение вслушиваться в речь окружающих является одной из причин неправильного звукопроизношения. Мы предполагаем, что студент может приобрести умение сравнивать свою собственную речь с речью преподавателя или носителя языка. Для достижения этой цели нами предлагается ряд упражнений, направленных на узнавание звука на слух. Студентам предлагается прослушать пары слов и отметить то, которое они слышат; в ряде случаев записать его в транскрипции:

Listen to the recording and tick the word you hear.

/dId/

/di:d/

5. Соотнесение написания слова с его звуковой формой.

Не менее важным является умение соотносить звучание слова с его буквенным изображением. Это умение также требует тренировки. Например, в таких упражнениях:

Match the written word with the sound form.

1. evil

b) /`i:vl/

2. steal

e) /ki:/

3. key

g) /gi:s/

4. geese

h) /sti:l/

Find the odd one out in the following examples. Note the difference in the vowel sound.

1. Easter – meter – letter – beaver

Важно помнить, что на занятии по практической фонетике английского языка решаются такие вспомогательные задачи, как:

- развитие воображения и творческой фантазии;
- развитие словотворчества;
- развитие мелодико-интонационных и просодических компонентов.

Преподавателем используются задания с известными чистоговорками (куда относятся скороговорки, считалочки, короткие ритмичные детские стишки) и поэтическими произведениями — диалогами и стихами, которые насыщены изучаемыми звуками, занимательны и доступны. Кроме того, все вышеназванные виды заданий многообразны по интонационным характеристикам (вопросительным и восклицательным).

6. Работа с транскрипцией.

Для дальнейшей отработки чтения слов представляются целесообразными задания, направленные на транскрипцию слов и перевод наиболее распространенных слов на русский язык. Например, в таком упражнении:

Working with the Pronunciation Dictionary provide the transcription of the words in the table. Be sure you know the meaning of the words.

1. Easter		3. police	
2. eve		4. yeast	

Одним из наиболее важных моментов урока является многократное повторение звука в рамках одного упражнения. Такими упражнениями, в которых собраны все сложности произнесения того или иного звука, являются контрольные упражнения (*Test exercises*). Именно они предлагаются как для особой отработки, так и для итогового контрольного чтения отдельных слов, словосочетаний и предложений.

Занимаясь со студентом, преподаватель обязан помнить, что проговаривание всего фонетического материала должно происходить с обязательным выделением тренируемого звука голосом, другими словами, произноситься утрированно. Весь звуковой материал преподаватель должен проговаривать громко, четко, медленно и добиваться такого же результата от студента.

Важно помнить, что все ошибки студентов должны исправляться корректно: не следует передразнивать студента, высмеивать его, так как это может спровоцировать снижение речевой активности (вплоть до полного молчания в группе), замкнутость, отрицательное отношение студента к преподавателю, к обучению в целом.

Процесс формирования фонологического слуха возможен только при повышенном внимании студента к речи окружающих и своей собственной. Естественно, что такая работа требует от преподавателя терпения, такта, собранности и постоянной изобретательности.

Литература

1. Журова Л.Е., Эльконин Д.Б. К вопросу о формировании фонематического восприятия у детей дошкольного возраста. – М., 1963.
2. Основы теории и практики логопедии / Под ред. Р.Е. Левиной. – М., 1969.
3. Твердохлебова И.П., Хованова С.Ю. *Phonetic Smile*: учебное пособие по практической фонетике для студентов факультетов английской филологии (1 курс). – М., 2007.

**В ТВОРЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО**

**Интервью
с доктором филологических наук,
профессором М.М. Маковским**

Марк Михайлович Маковский — известный российский филолог, специалист в области общего, теоретического языкознания, индоевропеистики и лингвистической типологии, германистики. Доктор филологических наук, профессор. Заслуженный работник культуры РФ. С 1956 г. работает в академическом журнале «Вопросы языкознания». Работает профессором кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГПУ. Интервью с профессором М.М. Маковским провела зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГПУ **С.Л. Фурманова**.

СФ: *Марк Михайлович, расскажите о Вашем детстве, о том, как Вы, будучи ребенком, заинтересовались языками.*

ММ: Я родился в Москве в семье служащего. С пятилетнего возраста бабушка начала обучать меня двум языкам — французскому и немецкому. Когда же я оканчивал школу, отец приглашал ко мне для занятий крупнейших ученых-филологов — профессора А.И. Смирницкого, профессора И.Р. Гальперина, профессора М.М. Гухман. С детства я был склонен к размышлениям: мое внимание особенно привлек феномен языка, над сутью которого я очень рано задумался и продолжаю размышлять до сих пор. Окончив Московский государственный лингвистический университет (ранее — Институт иностранных языков), я поступил в аспирантуру.

СФ: *Марк Михайлович, расскажите о начале научной деятельности.*

ММ: Моим научным руководителем был известный российский языковед — профессор Э.А. Макаев. Моя кандидатская диссертация (1955 г.) посвящена исследованию категории вида в готском языке. Анализ, проводившийся на основе сопоставления готского и греческого текстов, показал, вопреки известной теории В. Штрайтберга, что префиксация (в частности, с помощью префикса *ga-*) не меняла видовой характер глагола (об этом можно также посмотреть в моей статье «К проблеме вида в готском языке» // Ученые записки I Московского института иностранных языков, т. XIX. — М., 1957).

Однако впоследствии мое внимание было обращено больше в сторону лексики и семантики. В своей книге «Теория лексической аттракции» (1971)

я пытался вскрыть некоторые внутренние процессы в лексико-семантической системе языка и, в частности, характер соотношения формы и значения слова. Эта линия исследования была продолжена в моей книге «Лингвистическая комбинаторика» (1988) и в книге «Системность и асистемность в языке» (1980). Наряду с этим я очень увлекся английской диалектологией (см. мою книгу «Английская диалектология» (1980)) и английским сленгом (см. мою книгу «Современный английский сленг» (1982)).

СФ: *Вами написано около 20 монографий и более 250 статей. Но особое место среди ваших трудов занимает монография «Лингвистическая генетика». Не могли бы Вы остановиться на ней подробнее?*

ММ: Анализ фактического материала показал, что за внешним существованием слова в языке неизменно стоят «скрытые» генетические процессы. Это краткое чередование более сильных и более слабых внутрисемиотических импульсов, реализуемых в рамках определенных фоно-морфо-семантических формул. Наблюдается следующая антиномия: наложение ограничений (constraints) на те или иные участки языковой цепи — это основной катализатор генетического развертывания, снятие этих запретов неизменно ведет к подавлению определенных участков генетической цепи.

В моей книге показано, что языку присущи явления доминантности и рецессивности, а также дано развернутое определение понятия *языковой ген*, особо рассматривается характер внешних и внутренних кодов в языке и их соотношение. В 1969 году я защитил свою докторскую диссертацию «Сравнительно-историческая диалектография английской лексики», в которой делается попытка разработки процедуры анализа диалектной характеристики слов древних языковых памятников на основе диахронической экстраполяции.

Кроме того, я много занимался критикой древних текстов и исследованием достоверности слова в древнеанглийских глоссах.

СФ: *Большая часть Вашей научной деятельности связана с этимологией. Полагаю, что здесь помогает любовь к древним языкам, ведь, Вы владеете греческим, латинским, знаете готский, тохарский, хеттский.*

ММ: Да, это так. Я опубликовал два этимологических словаря — «Большой этимологический словарь современного английского языка» (2005) и «Этимологический словарь современного немецкого языка» (2004). Кроме того, был опубликован «Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках» (1996), где я пытался показать, что основной семантической диадой, легшей в основу большинства значений в языках индоевропейского ареала, является диада «рассекать / гнуть».

Как известно, основным инструментом этимологического анализа вплоть до последнего времени оставались так называемые фонетические законы. Однако вполне понятно, что сопоставление только формы слова без учета значений — непродуктивно, поскольку слово — это единство формы и значения. Мною был предложен ряд новых методик этимологического анализа: 1) отбрасывание табуирующих отрицаний (*ve-, ne-, se-, le-, me-*) и табуирующих

преформантов в слове; 2) учет древней символики; 3) учет семантических закономерностей (см. мою работу «Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев» (3-е изд., 2008). Важно также признать так называемые лексико-семантические параллели. Я сформулировал целый блок семантических законов в индоевропейских языках (см. журнал «Вопросы языкознания» (6/2002) и (2/2007)).

СФ: Не могли бы Вы привести некоторые примеры этимологизации?

ММ: Конечно. Например, в хеттском языке мы находим слово *idalu* в значении «плохой». Следует иметь в виду, что значение «плохой» часто соотносится со значением «гореть; огонь». Ср. др.-сев. *eldr* «огонь» (типологически ср. и.-е. **bha-* «гореть», но англ. *bad* «плохой»; и.-е. **pel-* «гореть», но русск. *плохой*; и.-е. **kel-* «гореть», но русск. *зло, злой*). Понятие же огня обычно связано с понятием сверхъестественной силы (ср. ирл. *laidir* «сила»), а понятие силы — с понятием кожи (ср. нем. *Leder* «кожа»). Однако, следует учитывать, что со значением «плохой» тесно связано значение «двигаться» (движение от Центра): ср. гот. *ga-leiþ-an* «двигаться».

Язычники делили год на две части — лето (теплое время возрождения природы) и зиму (холодное время умирания природы). При этом год представлялся в виде свернутой змеи, кусающей свой хвост: половина свернутой змеи была светлой (лето), а другая половина — темной (зима). Ср. осет. *az* «год»; но др.-инд. *ahi* «змея», др.-инд. *ahar* «день, свет»; осет. *ans* «год», но лат. *angius* «змея»; бретонск. *aer* «змея», но шведск. *år* «год», англ. *year* «год», нем. *Jahr* «год»; и.-е. **at-/*ad-* «год», но также «змея»; ср. далее др.-англ. *sumar* «лето < и.-е. **seu-* «гнутья, свертываться в клубок» (но также «горящий, светлый»: букв. «извивающийся как огонь») + курдск. *mar* «змея»; англ. *winter* «зима» (гот. *wintrus* «год»), но др.-англ. *wan* «темный (ср., однако, и.-е. **en-*: нем. *winden* «свертываться в клубок») + и.-е. **ter-* «змея» (ср. тох. *terwe* «змея», др.-англ. *teter* «червь, змея», латышск. *tarps* «червь»); др.-русс. *лето* «год» соотносится с др.-сев. *liðr* «змея»; литовск. *metai* «год» соотносится с и.-е. **mat-* «змея» (латышск. *matonis* «water-snake»); русск. *год* связано с чешск. *had* «змея», (ср. также англ. диал. *gad* «радуга»: радуга — олицетворение змеи). Понятие божественного (верхнего) времени в древности связывалось с образом змеи: ср. и.-е. **er-* «змея» (гот. *waurms* «змея»), но также «время» (греч. *ωρα* «время»); др.-сев. *leið* «время», но др.-сев. *liðr* «змея»; тох. *A gel* «змея», но др.-англ. (с преформантом) *sil* «время»; др.-инд. *kala* «время», но осет. *kalm* «змея». Интересны некоторые древние метафорические названия животных, основанные на опрощении двух корней: ср. и.-е. **kqen-* < и.-е. **keu-* «гореть, огонь» + и.-е. **en-* «схватить» (согласно древним представлениям собака украдала огонь у богов и передала его людям); и.-е. **ekos-* «конь» < и.-е. **ek-/*ak-* «змея» + и.-е. **es-* «двигаться» (Крылатый Конь в древности уравнивался с крылатым Змеем: типологически ср. бретонск. *aer* «змея», но др.-рус. орб «конь»).

Корова (и другой скот) в древности считалась огненным божеством: ср. и.-е. *g^hou- «корова, скот»; но нем. *Gott* англ. *god* «бог»; русск. *корова* (и.-е. *ker- «гореть»), но др.-инд. *sura* «бог»; и.-е. *deu- «корова, лань», но лат. *deus* «бог»; русск. *бог*, но валлийск. *buwch* «корова», бретонск. *buoc'h* «корова». С другой стороны, понятие коровы как огненного божества связано с такими понятиями, как змея, рыба, а также насекомое (огненные символы): ср. др.-инд. *ahi* «корова», но также «змея»: ср. с преформантами лат. *p-ecus* «скот», болг. *м-ака* «скот»; перс. *m-ahi* «рыбы»; также тох. *A l-ak* «рыба», др.-англ. *f-acg* «камбала» (рыба), (и.-е. *ak-/ag- «гореть»); ирл. *ferb* «скот», латышск. *vērsis* «бык», но гот. *waurms* «змея»; лат. *caper* «козел», но и.-е. *ka-beiro «бог», нем. *Käfer* «жук», осет. *kaef* «рыба». Ср. далее: польск. *żuk* «бык», но русск. *бык*; русск. *пчела* < *бычела*: *бык*; лат. *vacca* «корова», но др.-англ. *wicg* «насекомое», нем. диал. *Rupp* «корова»; но польск. *robak* «червь»; н.-ирл. *eallach* «скот», но др.-инд. *ali* «пчела».

Контаминация корней и значений наблюдается в словах со значением «хлеб». Как известно, в первобытном обществе хлеб изготавливали следующим образом: размолотое зерно заливали водой и оставляли на солнце. Однако в связи с культом Огня и Солнца значение «огонь» обростало различными значениями сакрального характера. Ср. нем. *Brot* «хлеб», но литовск. *burtai* «колдовство», «чудо»; гот. *hlaifs* «хлеб», но др.-инд. *kalpa* «ритуал»; лат. *panis* «хлеб», но др.-инд. *pan* «wunderbar sein, bewundern»; греч. *σιτος* «хлеб, хлеб на корню», ср.-ирл. *aran* «хлеб»; но др.-англ. *arian* «почитать божество»; литовск. *duona* «хлеб» < и.-е. *dau- «гореть, жечь», но и.-е. *deu- «religiös verehen»; хет. *zuwa* «хлеб»; но хет. *siwas* «бог».

Слова со значением «хлеб» могут соотноситься с фаллическими значениями: ср. нем. *Brot* «хлеб»; но нем. *brüten* «рожать, размножаться», лат. *forda* «беременная»; хет. *halka*, русск. *злак*, но англ. диал. *cleck* «рожать». Поскольку, по поверьям язычников, центр деторождения находится в голове, понятно соотношение значения «хлеб» со значением «разум» (значение «разум» обусловлено еще и тем, что хлеб приравнивался к божеству) ср. англ. *bread* «хлеб», но англ. *brood* «думать»; ирл. *mann* «хлеб», но и.-е. *men- «разум»; греч. *ἄρτος* «хлеб»; но лат. *ratio* «разум». Хлеб приносился в жертву богам: ср. тох. *A talke* «жертвоприношение», но русск. *толокно*; др.-англ. *bledu* «хлеб на корню», но гот. *blot* «жертвоприношение»; нем. *Roggen* «рожь», но греч. *ρῆζω* «приносить в жертву». Ср. P. Borgen. *Bread from Heaven*, Leiden, 1965; Н.Е. Jacob. *Six thousand years of bread. Its holi and unholy history*. Garden City (New York), 1944; Д.В. Страхов. Терминология и семантика славянского бытового и обрядового хлебопечения: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986.

Муравей, как и другие насекомые, в древности символизировал солнечное божество. Латинское слово *formica* «муравей» соотносится с др.-англ. *dyrs* «великан» > «божество» (типологически ср.: англ. *ant* «муравей», но др.-англ. *ent* «великан»); перс. *diwak* «жук», но лат. *deus* «бог»; нем. *Käfer* «жук», но и.-е. *kaberiro «бог». Ср. также тох. *A tarm* «разум» (вселенский разум > божество), чешск. *dreň* «сердцевина» (ось мироздания), а также литовск.

derme «гармония, порядок» (> «божество»): и.-е. **dharm-* «сильный, крепкий» (лат. *firmus*) > лат. *formido* «страх»: франц. *formidable* «страшный, ужасный». Муравей-божество выступал также в роли Оракула: ср. лат. *in-formare*: *in-formatio*: ср. литовск. *tarti* «говорить» (букв. «сплестать звуки, сплестать слова: и.-е. **dharm-* «соединять, сплестать»). Слова со значением «насекомое» — огненные символы (сплетение языков пламени). Лексемы со значением «гореть» в индоевропейском могут одновременно означать «издавать звуки» (ср. и.-е. **bhā-* «гореть» и «издавать звуки»): ср. др.-англ. *wicga* «жук» < и.-е. **□ek-* «гореть» (др.-в.-нем. *wahan* «гореть»), но также и.-е. **□ek-* «издавать звуки»; англ. *tyrl* «муравей», но гот. *merjan*.

СФ: *Поэт и переводчик Вячеслав Куприянов написал как-то:*

*Творящий лирику
В эпоху эпоса
Творящий трагедию
В эпоху оды
Творящий человека
В эпоху толпы
Творящий свое
В эпоху освоенного
Творящий странное
В эпоху расчисленного
Творящий
В эпоху сотворенного
Среди дозволенных чудес
Вечно творит недозволенное чудо.*

Лингвист, творящий в XXI веке, — какое чудо творит он? К чему он стремится? И так ли нужно это чудо в нашем постинформационном обществе?

ММ: Если говорить об этимологии, то любое серьезное этимологическое решение для этимолога — это, безусловно, чудо. Для меня Наука вообще — это чудо: то или иное наблюдение ставит дальнейшие вопросы, и ученый вечно пребывает в ожидании нового Чуда!

СФ: *Лингвист, занимающийся этимологией, конечно, имеет дело со словами. Но Вы, ссылаясь на Вовенарга, пишете: «Истина менее изношена, чем слова, потому что не так доступна». Значит ли это, что слова теряют свою ценность? И что есть Истина для Вас, Марк Михайлович, как для ученого, так и для человека?*

ММ: Это верно! Этимолог может перебрать огромное количество слов в поисках архетипа, но так и не найти истину! Вообще я считаю, что в каждой науке столько истины, сколько в ней математики.

СФ: *Для мира ученых, для лингвистического сообщества, безусловно, важна тема преемственности поколений, связи Учителя и Ученика, передачи научного опыта и формирования мировоззрения Человека и Гражданина.*

Что Вы можете сказать о Ваших учителях: академике РАН О.Н. Трубачеве, профессоре Э.А. Макаеве, академике РАН В.М. Жирмунском, академике А.Ф. Лосеве? Какое влияние они оказали на молодого ученого М.М. Маковского? Насколько, на Ваш взгляд, необходимо для начинающего лингвиста наличие Школы, возглавляемой сильной, харизматичной личностью?

ММ: Я испытал большое влияние своих учителей и очень благодарен им. Знаменитый ученый-классик А.Ф. Лосев приобщил меня к проблемам мифологии и символики. Блестящий эрудит Э.А. Макаев открыл передо мной широкие горизонты науки, научил меня упорно работать, привил мне любовь к науке, которая осталась на всю жизнь. Академик О.Н. Трубачев ввел меня в таинственный мир этимологии, научил меня самостоятельно делать этимологические исследования и быть критичным к своим разработкам. Академик В.М. Жирмунский показал мне важность использования данных лингвистической географии при этимологических исследованиях. Для меня принципиальную важность имела лингвистическая школа профессора Э.А. Макаева, представителем которой я себя считаю.

СФ: Какая работа Вам дается легче: организованная, упорядоченная, размеренная или спонтанная, непредсказуемая? Как выглядит научная лаборатория профессора Маковского?

ММ: Наука для меня равносильна дыханию, жизни. В. Залетаев писал: «Лишь творчества трепещущая нить ведет сквозь мглу, даруя право жить». Я всегда работаю — дома, в метро, на улице, даже во сне! Мои учителя научили меня ставить проблемы и обязательно решать их. Я не мыслю себя без лингвистики, которая поддерживала меня в самые трудные времена моей жизни.

СФ: Марк Михайлович, не могли бы Вы рассказать нам о том, что было опубликовано Вами за последние годы и о Ваших творческих планах.

ММ: В течение последних лет я опубликовал статью «Мифопоэтические этюды» // Вопросы языкознания. – 2007. – № 2; статью «Следы язычества в индоевропейских языках» // Юбилейный сборник в честь проф. В.В. Левицкого. – Черновцы, 2008; статью «К онтогенезу языковых процессов» // Юбилейный сборник к 90-летию академика РАН Н.Ю. Шведовой. – М., 2008. В конце 2008 года выйдет из печати моя книга «Индоевропейская этимология». Я давно уже работаю над составлением этимологического словаря французского языка.

СФ: Марк Михайлович, спасибо за интервью. И позвольте пожелать Вам творческих успехов и научных откровений на Вашем пути к Истине.

Д.Н. Галлерт

Лексикографический и дискурсивный анализ имени существительного *fragrance* в современном английском языке

The article introduces the results of the discourse and lexicographical analysis of *fragrance* functioning in contemporary English. Based on the data given in reliable lexicographical sources the prototype characteristics of the noun are defined and proved by the analysis in the discourse which also reveals new unexpected tendencies of this noun functioning.

В данной статье рассматриваются только случаи употребления субстантива *fragrance* в значении «аромат, приятный запах» *The rose has a delicate fragrance* [13: с. 688]. В этом своем значении данное имя существительное функционирует в речи и как исчисляемая, и как неисчисляемая единица.

В пределах исследованного материала было отмечено 408 контекстов, иллюстрирующих особенности функционирования субстантива *fragrance*, полученных путем сплошной выборки из более чем 30 тысяч страниц художественных, публицистических, научных текстов и статей, приведенных в глобальной сети Интернет. При этом в 378 контекстах это описания **приятных** ароматов (*a pleasing fragrance of her hair, a glorious fragrance of the summer garden, etc.*). Таким образом, остальные 30 случаев рассмотренного употребления имени существительного *fragrance* — это примеры его функционирования для обозначения неприятных и нейтральных запахов.

Авторитетные словари [2, 6, 13] не указывают на **интенсивность** обонятельного ощущения, выраженного субстантивом *fragrance*. В проанализированном же материале почти в двух третях контекстов — это описания запахов **насыщенных, интенсивных**. Например, на страницах проанализированных произведений довольно часто встречались словосочетания типа: *deep fragrance, pungent fragrance, strong fragrance, heavy fragrance, etc.* В альбоме «Идеальный дом», посвященном ландшафтному дизайну, было отмечено упо-

ребление исследуемой единицы в следующем контексте: *Sweet Williams produce a powerful fragrance that can be detected from some distance...* [11: с. 36]. Здесь насыщенность передаваемого аромата подчеркивается атрибутом *powerful*, употребленным в качестве спецификатора к анализируемому субстантиву.

Тем не менее, оставшаяся треть проанализированных контекстов (кроме одного) использования имени существительного *fragrance* иллюстрирует его возможность употребляться для номинации слабых запахов. Таким образом, в рамках проанализированного материала соотношение количества контекстов, в которых имя существительное *fragrance* употребляется для выражения запахов сильных, к числу проанализированных примеров, в которых оно обозначает слабый запах, равно 3:2. Так, например, типичными сочетаниями в этом случае являются атрибутивные комплексы типа: *a light fragrance of the wine, the elusive fragrance of a flower, a faint fragrance of the shrub rose* и др.

Проанализированный материал убедительно показывает, что субстантив *fragrance* весьма частотен в дескрипциях приятных запахов, исходящих от растений (61% от общего количества проанализированных примеров). Например: *the fragrance of the grapes, the fragrance of the garden, the fragrance of clover*, etc. При этом чаще всего это запах цветов (более 60% от числа употреблений субстантива *fragrance* для обозначения приятных запахов растений). Например: *the fragrance of flowers, a full violet fragrance, the fragrance of lilies, a lily-of-the-valley fragrance*, etc.

Проанализированный материал также выявляет, что самым распространенным источником цветочного запаха, который описывается субстантивом *fragrance*, являются розы (около 30% от общего числа проанализированных случаев употребления имени существительного *fragrance* для описания аромата цветов). Например: *English roses fill the air with fragrance, the fragrance of Rosa Damascene, a fragrance of Provence rose, the fragrance of China roses, the fragrance of Elizabethan rose*.

Немаловажным в этой связи представляется тот факт, что имя существительное *fragrance* в таких случаях номинирует запах конкретного сорта роз (*a shrub rose, the Damask rose*), а не некий «абстрактный», «собираТЕЛЬный» аромат этих цветов. При этом почти во всех подобных примерах речь идет о **сильном, насыщенном** аромате [3]. Таковым, например, является запах роз сорта *Zephirine Drouhin*. Дело в том, что из информации, приведенной в сентябрьском номере журнала «Цветы» за 2002 год, следует, что розы этого сорта обладают сильным сладким ароматом, и, следовательно, упоминание в контексте запаха роз данного сорта, естественно, наводит читателя на мысль о насыщенном, концентрированном запахе: *From the pillars of the Victorian verandah the fragrance of Zephirine Drouhin roses pervades the house* [8: с. 74].

Однако среди проанализированных контекстов, в которых имя существительное *fragrance* употребляется для обозначения запахов растений, помимо описаний цветочных запахов весьма частотны также примеры, в которых описываются запахи, издаваемые и другими представителями флоры. В частно-

сти, довольно часто в рамках рассмотренного дискурса субстантив *fragrance* употребляется для описания запахов целебных трав (*the fragrance of herbs*), листвы и цветов деревьев (*the fragrance of leaves, the fragrance of blossoms*), плодов цитрусовых растений (*the fragrance of citrus, the fragrance of lemon, the fragrance of orange*), специй (*the fragrance of spices, the fragrance of rosemary*) и т.д. При этом, как показывает проведенный дискурсивный анализ, функционируя для обозначения запахов различных представителей флоры, имя существительное *fragrance* тяготеет к наименованию насыщенных запахов, часто имеющих специфические характеристики (ср.: запахи апельсинов, мандаринов и иных цитрусовых).

Например, в романе И. Стоуна «*Passions of Mind*» молодой доктор Фрейд дарит своему учителю букет цветущих веточек липы. Когда учитель получает букет, он первым делом ощущает резкий, терпкий запах соцветий: *He took the branch, buried his nose in its tart fragrance* [14: с. 47]. Информация о насыщенности аромата, описываемого в данном примере, вводится в повествование посредством употребления прилагательного *tart* (терпкий) перед рассматриваемым именем существительным.

Хотя в рамках проанализированного материала было выявлено всего 5% примеров от общего числа контекстов, в которых имя существительное *fragrance* употребляется для обозначения приятного запаха, исходящего от пищи, такие словосочетания, как *the fragrance of Darjeeling tea while it is simmering; the sweet fragrance of roast duck and meat pies; the fragrance of fresh-ground coffee* явно указывают на возможность употребления имени существительного *fragrance* для номинации таких запахов. При этом можно заметить, что субстантив *fragrance* в них употребляется для обозначения насыщенных, специфических, часто пряных ароматов. Действительно, утка и мясные пироги готовятся с добавлением большого количества специй; запах чая *Darjeeling*, кипящего на медленном огне, также является специфическим и пряным, а свежемолотый кофе источает насыщенный специфический аромат.

В определениях референтов запаха, выражаемого именем существительным *fragrance*, в кулинарных и садоводческих справочниках [1, 3, 4, 5, 8, 9] их аромат описывается сложными по морфемной структуре, но гештальтными по описываемому концепту дериватами (*grassy, spicy, camphorous, balsamic, citrus-like, smoky, woody*). Очевидно, разложить подобные запахи на составляющие их элементы возможно только для специалистов, а для обывателя вполне достаточной оказывается информация о том, что тот или иной объект обладает дымным, пряным, цитрусовым и т.д. запахом.

Необходимо также подчеркнуть, что имя существительное *fragrance* может употребляться для обозначения запахов, исходящих от косметики. Например, в августе 2003 года читателям журнала «Космополитен» было предложено высказать свое мнение относительно нового шампуня «Теско». Одна из читательниц журнала написала в своем отзыве о шампуне, что ей нравится его цветочный запах: *I loved the flowery fragrance* [12: с. 232].

Данные, полученные в результате анализа конкретного материала, позволяют сделать вывод о том, что использование имени существительного *fragrance* для обозначения запаха **неприятного** является также возможным, хотя подобные случаи в дискурсе отмечаются значительно реже. В пределах проанализированного материала были отмечены следующие примеры подобного функционирования субстантива *fragrance*: *the bitter fragrance of ablated chromium steel*, *the fragrance of white tobacco plant* (Растение имеет неприятный, тяжелый запах [www.botanik.ru]), *the fragrance of acid, air-freshener improving the fragrance in toilet blocks*, *the fragrance of honey and shit in the streets*. Несмотря на разнообразие представленных контекстов, назвать данное употребление исследуемого имени существительного типичным вряд ли представляется возможным. Так, из 408 проанализированных примеров использования имени существительного *fragrance* в рассмотренном материале только в 12 случаях было отмечено его употребление для обозначения запахов неприятных.

Например, в романе Д. и Л. Эддинг «Polagra the Sorceress» приводится описание жилища одного из самых достойных воинов клана Алорнов; *Frankly, the odor of the place was almost overpowering — a fragrance comprised of spilled beer, assorted open cesspools, rank bear-hides, unwashed and un-housebroken hunting dogs, and rancid armpits* [7: с. 126]. В данном примере имя существительное *fragrance* употребляется для обозначения неприятного запаха, исходящего от разлитого пива, открытых выгребных ям, засаленных медвежьих шкур, невымытых охотничьих собак и смердящих подмышек.

Ранее на страницах этого же романа отмечается, что Полагра решает прогулять вдоль берега моря, а когда ее приглашают на бал, она отвечает, что и так слишком много времени провела на виду у публики, кроме того, ей не очень приятен запах стальных доспехов: *Surely I have displayed myself enough for one morning, and I do not much care for the fragrance emanating from this suit of steel* [7: с. 91]. Возможно предположить, что в данном примере героиня употребляет субстантив *fragrance* в качестве эвфемизма к словам, обозначающим неприятные запахи, таким образом, не желая обидеть людей, которые гордятся своими доспехами.

Всего в одном примере данный субстантив употребляется для описания запахов нейтральных. Так, в романе Д. Хилла «The Fraxilly Fracas» приведено описание аппарата для нейтрализации буйных пациентов психиатрических клиник. *It was called Frag, and it would be giving off enough psychochemical fragrance into their nostrils to keep their minds dislocated for a week* [10: с. 154]. В этом примере имя существительное *fragrance* употребляется для обозначения обонятельной характеристики вещества относительно его функции, без указания ее конкретных качеств.

В результате проведенного дискурсивного и лексикографического анализов субстантива *fragrance* можно сделать следующие выводы:

1) прототипическим использованием имени существительного *fragrance* является его употребление для обозначения запахов **приятных**. При этом ре-

ферентом таких запахов могут выступать всевозможные растения, пища, парфюмерные и косметические средства и т.д. Отличительной чертой приятных запахов, обозначенных в контексте именем существительным *fragrance*, является их специфический, знакомый каждому человеку или зафиксированный в специальной литературе, характер;

2) имя существительное *fragrance* чаще всего употребляется для передачи приятных **насыщенных, сильных** запахов;

3) тем не менее, можно отметить достаточно многочисленные случаи, в которых данный субстантив используется для описания **тонких, нежных** ароматов;

4) в рамках проанализированного материала субстантив *fragrance* фактически никогда не употребляется для наименования **нейтральных** запахов;

5) имя существительное *fragrance* начинает использоваться для выражения запахов **неприятных**. При этом референтами анализируемого субстантива могут выступать запахи растений, помещений, химических соединений. И, несмотря на то, что подобные контексты весьма немногочисленны в проанализированном материале, тем не менее, они позволяют указать на появление тенденции использования имени существительного *fragrance* для обозначения неприятных запахов.

Литература

1. Мой прекрасный сад. – М., 2002. – Декабрь.
2. НБАРС. – Новый большой англо-русский словарь: В 3-х тт. / Под общ. рук.: Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. – 6-е изд. – Т. 3. – М., 2001.
3. Садовая жизнь. – М., 2006. – Сентябрь.
4. Флора. – М., 2001. – Март / апрель.
5. Цветы. – М., 2002. – Сентябрь.
6. CMGSRW. — Cassell's Modern Guide to Synonyms and Related Words / S. Hayakawa. – London, 1971.
7. *Eddings D. L. Polagra the Sorceress.* – London, 1997.
8. *Gardeners' World.* – London, 1991.
9. *Good Food.* – London, 2007. – March.
10. *Hill D. The Fraxilly Fracas.* – London, 1989.
11. *Ideal Home.* – London, 1991.
12. *Kurtz I. Ask Irma // Cosmopolitan.* – London, 2003. – August.
13. LEA. – Longman Essential Activator. – Harlow., 2006.
14. *Stone I. The Passions of Mind; a Novel of Sigmund Freud.* – New York, 1971.

А.С. Данилов

Мифологическое имя *Surtr* «Черный» в «Старшей Эдде», «Младшей Эдде» и сагах об исландцах

The article deals with various representations of the mythological character *Surtr* “The Black One” in medieval Icelandic literature. Emphasis is given to investigating the semantics of the name by applying the methods of contextual analysis and etymological analysis, which enables us to suggest that the name of the fiery giant *Surtr* was originally determined by associations with residual products of burning (e.g. soot), rather than influenced by the purely mythopoeic notion of the character’s relation to the dark chthonic realms of Eddaic cosmology.

Цветообозначение *svartur* «черный» является в древнеисландском языке вершиной крупного словообразовательного гнезда, ср. *sortna* «становиться черным», *sverta / sorta* «окрашивать в черный цвет», *sverta / sorta* «черная краска», *sorti* «мгла, густой туман», *Svertingr* «Черныш» (родовое имя). Среди производных от *svartur* большой интерес вызывает мифологическое имя *Surtr*. Об огненном великане, одном из центральных действующих лиц древнегерманского эсхатологического мифа, в «Младшей Эдде» сообщается следующее: *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er Múspell heitir; hann er ljóss ok heitr — sú átt er logandi ok brennandi — ok ófærr þeim, er þar eru útlendir ok eigi eigu þar óðul. Sá er Surtr nefndr, er þar sitr á landz-enda til landvarnar; hann hefir loganda sverð, ok í enda veraldar mun hann fara ok herja ok sigra öll goðin ok brenna allan heim með eldi.* «Всего раньше была страна на юге, имя ей Муспелль. Это светлая и жаркая страна, все в ней горит и пылает. И нет туда доступа тем, кто там не живет и не ведет оттуда свой род. Суртом называют того, кто сидит на краю Муспелля и его защищает. В руке у него пылающий меч, и, когда настанет конец мира, он пойдет войною на богов и всех их победит, и сожжет в пламени весь мир» [5: кн. 2, гл. 3; перевод цит. по 9: с. 15–16].

Стоит обратить внимание на положение Сурта в мифологическом пространстве: *á landsenda* «на границе». Именно этим обстоятельством, по-видимому, объясняется «чернота» Сурта, отличающая его от «свелящихся» (*ljóss, heidr*) субъектов Муспелльсхейма (солнце, луна, Сыны Муспелля). Если Муспелльсхейм — это вместилище субстанциального огня, то пространство за его пределами наполнено материей, называемой в «Младшей Эдде» *hrím*, сущность и свойства которой не очевидны из непосредственного контекста. Как полагает

Ф.Б. Успенский, в языке «Младшей Эдды» дифференцированы два значения слова *hrím*: 1) «иней», «изморозь», «лед» (в этом значении Снорри, вероятно, употребляет слово *hrím*, когда описывает самое начало творения мира); 2) «сажа» (черное порошкообразное вещество, уносимое вверх дымом или оседающее на какой-либо поверхности) [3: с. 127]. *Hrím*, как указывает Ф.Б. Успенский, восходит к и.-е. **grei* «касаться». Первоначальное значение *hrím*, исходя из этого, можно восстановить как «тонкий слой, налет» [3: с. 128].

Конечно, в условиях, когда пространство мыслится как наполненное «субстанциальным пламенем», рождающимся «из самого себя», возникновение сажи или пепла не представляется возможным. *Hrím* — «сажа» как все-ленская субстанция — образуется в результате контакта Муспелля с внешней средой, т.е. в результате сгорания внешней материи. Можно предположить следующее: Сурт «черен» оттого, что предстает в мифологическом сознании покрытым «черным порошкообразным веществом», сажей. Таким образом, семантика имени *Surtr* изначально связана с измаранностью субъекта сажей, золой как продуктами горения, но не с онтологической принадлежностью этого субъекта «субстанциальной тьме» германского мифа (ср. *inn dökkvi hrafn* «мрачный ворон», *inn dimmi dreki* «темный дракон»).

Многое могут прояснить «этимологические» ассоциации, которые, как нам представляется вероятным, проявляются в имени *Surtr*. У. Леманн возводит др. исл. *svartr* к и.-е. **sworto-s* «черный», «грязный», откуда лат. *sordes* «грязь», *sordidus* «грязный», *sordeo* «пачкаться» [2: с. 333]. Характерно, что в древних германских языках слова из и.-е. **sworto-s* связаны преимущественно со свойством «поверхностной испачканности», «зачерненности». Так, отметим гот. *swartizl* «тушь, чернила» от гот. **swarts* «черный», а также др. исл. *sorta* «черная краска», *sorta* «красить в черный цвет», *svartaðr* «выкрашенный в черный цвет»¹. В структуре значения *svartr*, таким образом, с большой долей вероятности присутствует семантический признак «наружной окрашенности денотата темным пигментом», что придает достоверности мифопоэтическому объяснению имени *Surtr* (покрытый сажей первичной Вселенной).

Добавим, что древнеисландское цветообозначение *svartr* обнаруживает определенные ассоциативные связи с семантикой горения и с остаточными продуктами горения. Стоит рассмотреть глаголы со значением «гаснуть», «догорать», которые мы встречаем в «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде»: *slokna* (...*hverir gáða æsir // eignom goða, / þá er slocnar Surtar logi?* «Кто наследьем богов // завладеет, когда / пламя Сурта погаснет?» [4: строфа 50; перевод цит. по 8: с. 34]) и *sortna* (*Sól mun sortna* «солнцу суждено погаснуть» [5: кн. 2, гл. 51; перевод цит. по 9: с. 53]). В «Старшей Эдде» и в «Младшей Эдде» строки, в которых рассказывается о жизни богов после гибели мира, представлены с одним расхождением: *Víðarr oc Váli / byggja vé goða, // þá er slocnar Surtar logi*. «Видар и Вали / будут жить в святилище богов, // когда по-

¹ Отметим, что совр. нем. *schwarz* «черный» употребляется также в значении «грязный» (ср. *sich schwarz machen* «испачкаться, замараться»).

гаснет Сурта пламя» [4: строфа 51; перевод цит. по 8: с. 34]; *Víðart ok Váli / byggva vé goða, // þá es sortnar Surta logi* «Видар и Вали / будут жить в святилище богов, // когда <сделается черным> Сурта пламя» (т.е., всего вероятнее, «когда останется одна зола») [5: кн. 2, гл. 52; перевод цит. по 9: с. 55].

Достоверности предположению о связи древнеисландского обозначения черного цвета с концептом горения добавляют случаи употребления *svarttr* в композитах с именами угля и соли: *kolsvarttr* «черный, как уголь» и *svartasalt* «черная соль». В словаре Клисби-Вигфуссона [1: с. 510] указано, что исландцы делали различие между *hvítasalt* («белой солью») и *svartasalt* («черной солью»). Для добычи *svartasalt* на берегу моря разводили костер, в котором сжигали водоросли и, таким образом, *svartasalt* фактически добывали из золы.

Представления, связанные с Суртом на исландской почве, несомненно, вырастают из ассоциаций с огнем и остаточными продуктами горения. *Surtarbrandr* «пламя Сурта» — распространенное в Исландии название гагата, или черного янтаря. Как отмечено в словаре Клисби-Вигфуссона, этот случай тем интересен, что имя мифического огненного великана, разрушителя Вселенной, соотнесено с доисторическим огнем в своего рода языческом геологическом термине [1: с. 605]. Неясно, назывался ли гагат «пламенем Сурта» потому, что это горючий черный материал (вид древесного угля большой плотности), или же потому, что гагат воспринимался исландцами как минерал, возникший в результате вулканической активности.

Несомненно, однако, что имя *Surttr* непосредственно связывалось исландцами с «доисторическим огнем» и порождаемыми им геологическими процессами. Черные лавовые поля и черный вулканический песок окружали человека во внутренней области Исландии. Выплески подземного огня явно считались манифестациями скрытой до времени деятельности Сурта, о чем можно судить по названию одной из весьма протяженных вулканических пещер (1970 м.) — *Surtarhellir* «Пещера Сурта». В «Книге о занятии земли» сказано: «Торвальд Хвастун [...] однажды осенью пришел в Торвальдов Двор к Смиджелю и некоторое время жил там. Потом он поднялся в пещеру Сурта (*þá fór hann upp til hellisins Surts*) и сказал там драпу, которую сложил о великане, обитавшем в пещере. После этого он взял в жены дочь Смиджеля...» [6: кн. III, гл. 64; перевод мой. — А.Д.].

Вероятнее всего, образ эсхатологического великана Сурта принадлежал к слою древних континентальных космологических представлений, однако на исландской почве произошла вторичная его мифологизация, своеобразное «слияние мифа с ландшафтом». Соседство с Суртом стало для исландских поселенцев чертой обыденности, и не исключено, что в видении, описанном в «Саге о Ньяле», мы можем уловить отдаленное эхо этого «геологического мифа»: «В Дымах, на Поприще, жил Рунольв, сын Торстейна. Его сына звали Хильдиглум. В ночь на воскресенье, за двенадцать недель до зимы, Хильдиглум вышел из дому и услышал сильный грохот. Ему показалось, что земля и небо трясутся. Хильдиглум посмотрел на запад и увидел там огненный круг

и в нем человека на сером коне. Этот человек скакал во весь опор и быстро пронесся мимо. В руках у него была пылающая головня. Он проехал так близко от Хильдиглума, что тот мог хорошо рассмотреть его. Он был *черен как смола* (*svartr sem bik*). Он сказал громким голосом такую вису: «Скачет мой конь — / Влажная челка, // Иней на гриве, / Зло я несу. // Горит головня, / Отравы полна. // Козни Флоси — / Огонь на ветру. // Козни Флоси — / Огонь на ветру».

Хильдиглуму показалось, что он бросил головню на восток, в горы, и там вспыхнул такой большой пожар, что гор не стало видно. Хильдиглуму показалось затем, что он поскакал на восток, в огонь, и там исчез» [7: гл. 125; перевод цит. по 10: с. 269–270].

Представления о Сурте, хранимые в древнеисландской литературе, по сей день не стерлись из памяти исландцев. В 1963 г. у южного побережья Исландии произошло извержение подводного вулкана, сопровождавшееся выбросами магмы, пепла и черного дыма. Из атлантических вод появился новый остров, названный исландцами *Surtsey* — «Остров Сурта».

Литература

1. *Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary / Init. by R. Cleasby, revised, enlarged and completed by G. Vigfusson. – 2-nd ed. – Oxford, 1957.
2. *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3-d ed. of *Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache* by S. Feist. – Leiden, 1986.
3. *Uspenskij F.* Towards Further Interpretation of the Primordial Cow *Auðhumla* // *Scripta Islandica. Isländska sällskapetets årsbok* 51. – Uppsala, 2000. – P. 119–132.
4. *Vafþrúðnismál // Edda.* Die Lieder von Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. 5. verbesserte Auflage von H. Kuhn. – Heidelberg, 1983. – P. 45–55.
5. *Snorri Sturluson.* Edda. / Udg. af Finnur Jónsson. 2 udg. – København, 1966.
6. *Landnámabók* / Ed. by Jakob Benediktsson // *Íslenzk fornrit*, 1. – Reykjavík, 1968. – P. 29–397.
7. *Brennu-Njáls saga* / Ed. by Einar Ól. Sveinsson. // *Íslenzk fornrit*, 12. – Reykjavík, 1954.
8. Речи Вафтруднира // Старшая Эдда / Пер. А.И. Корсуна, ред. и комм. М.И. Стеблин-Каменского. – Л., 1963. – С. 30–35.
9. Младшая Эдда / Пер. О.А. Смирницкой, ред. и комм. М.И. Стеблин-Каменского. – Л., 1970.
10. *Saga о Ньяле* // *Исландские саги: В 2-х тт.* / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. – Т. 2. – СПб., 1999. – С. 47–371.

А.Л. Лось

«Фокус эмпатии» в художественном повествовании на примере романа Даниэлы Стил «Закат в Сан-Тропе»

The article pays attention to the problem of empathy focus in the works of romantic fiction. The selected passages from the novel of American writer D. Steel «Sunset in St Tropez» marked by the phenomenon of empathy focus shift are analyzed. The effect of the given phenomenon on the reader's perception of the novel is emphasized.

За последние полвека лингвистами было проведено много исследований, касающихся коммуникативных отношений. Работы, посвященные данной проблематике, отражают различные аспекты языка и подчеркивают важность коммуникантов определенного высказывания. Как отмечают многие исследователи [1: с. 87; 3: с. 30; 4: с. 4], информационная структура предложения или связанного текста представлена, в сущности, одинаково: говорящий, излагая какое-либо событие, распределяет роли между его участниками таким образом, что один из них является наиболее значимым (центральным) пунктом высказывания. Одним из понятий, непосредственно отражающих коммуникативные отношения, является **фокус эмпатии**.

Фокус эмпатии так или иначе используются для обозначения наиболее значимой информации в высказывании говорящего.

Согласно наблюдениям некоторых исследователей [1: с. 88; 2: с. 52] эмпатия играет также «функциональную роль в формировании связанной речи», а, следовательно, и в восприятии текста читающим (слушающим). В фокус эмпатии попадает участник (или объект), которого говорящий (или, иными словами, автор высказывания) считает наиболее значимым в рассматриваемой ситуации. Этот участник оказывается в коммуникативном фокусе, в то время как другие участники остаются вне фокуса. Таким образом, фокус эмпатии непосредственно отражает коммуникативные отношения. Внезапная смена фокуса или, напротив, неоправданный повтор приводят к нарушению связного «течения» речи, логической и смысловой связи событий, что, в свою очередь, ведет к неполноте восприятия произведения и, в ряде случаев, даже к коммуникационному провалу.

Так, если в следующем высказывании заменить последнее предложение на сходное по смыслу, но содержащее другой фокус эмпатии, то связанность этого высказывания нарушится.

1. *Джон не любит Мэри. Он очень плохо к ней относится. Однажды он даже ударил ее.*

2. *Джон не любит Мэри. Он очень плохо к ней относится. Однажды ее муж даже ударил ее* (Примеры взяты из [4: с. 9]).

Высказывание 2 не ощущается как единое целое, с этой точки зрения оно менее естественно, чем высказывание 1. Связь между предложениями в высказывании 2 нарушена из-за резкого переключения сознания говорящего с одного объекта на другой. Центром высказывания в первых двух предложениях является Джон, наиболее же значимый участник, т.е. центр значимости последнего предложения — Мэри. Для того чтобы «объединить» это высказывание, необходимо, вероятно, как минимум еще одно предложение, выступающее в качестве связующего элемента между первыми двумя предложениями и последним, например:

3. *Джон не любит Мэри. Он очень плохо к ней относится. (Из-за этого) бедняжка очень сильно страдает. Однажды ее муж даже ударил ее.*

Необходимо отметить, что наличие фокуса эмпатии в некотором смысле отражает смысловую структуру предложения или связного текста. Внезапное перемещение фокуса с одного участника (объекта) на другой вызывает нарушение смысловой структуры и связности текста. При этом происходит неполнота восприятия данного высказывания (текста).

Рассмотрим, каким образом смена фокуса может вызвать неполноту восприятия произведения или даже коммуникативный провал на примере художественного повествования. Для этого представим отрывок из романа американской писательницы Даниэлы Стил «Закат в Сан-Тропе» [5], который, по нашему мнению, характеризуется резкой сменой фокуса эмпатии.

‘What do you want to do tomorrow?’ he asked as she slipped into bed beside him in a blue flannel nightgown. She was a handsome woman, not beautiful, but distinguished, elegant, and fine. And in some ways, he thought her even more attractive than he had when they were first married. She had the kind of looks that improved with time. She had worn well as his lifetime companion...

«Что ты собираешься делать завтра?» — спросил он, когда она скользнула к нему в постель во фланелевой ночной рубашке. Она была статной женщиной, не очень красивой, но изысканной, элегантной и утонченной. В некоторых отношениях он считал ее теперь даже более привлекательной, чем в то время, когда они только поженились. У нее была такая внешность, которая с годами становится только лучше. По сравнению с ним она выглядела моложе.

В данном отрывке непонятно, в связи с чем упоминается внешний вид женщины, ее элегантность. После того как задается вопрос «Что ты собираешься делать завтра?» — спросил он..., предполагается услышать на него ответ, а затем, прежде чем описывать внешность женщины, вероятно, следует

перевести внимание читателя на описываемую героиню, тем самым плавно перемещая фокус восприятия читателя на другого участника. Тем не менее, Д. Стил вводит в данном отрывке описание внешности женщины. По всей видимости, внезапный перевод внимания читателя на внешность героини неуместен и только затрудняет «гладкое» последовательное восприятие цепи описаний и событий. Перед первым и вторым предложением, возможно, отсутствует одно или даже два предложения (а скорее всего, целый абзац). По этой причине данный отрывок лишается целостности при восприятии. Попробуем немного изменить первое предложение данного отрывка, например, следующим образом:

«Что ты собираешься делать завтра?» — спросил он, когда она вошла в комнату. Она была статной женщиной, не очень красивой, но изысканной, элегантной и утонченной. В некоторых отношениях он считал ее теперь даже более привлекательной, чем в то время, когда они только поженились. У нее была такая внешность, которая с годами становится только лучше. По сравнению с ним она выглядела моложе.

В этом случае, вероятно, смена акцента будет более плавной и не повлечет за собой, соответственно, резкую смену фокуса восприятия.

Необъяснимые переносы внимания читателя с одного объекта / события на другой вызывают неполноту восприятия некоторых отрывков романа Д. Стил. Вероятно, центр внимания читателя перемещается слишком резко по сравнению с его возможностью успешно воспринимать логическую и смысловую связь событий. Читатель не может уловить эту связь, так как она оказывается нарушенной из-за наличия резких неоправданных переносов внимания читателя на другое событие/объект, который, кажется, не относится к делу.

Подобное смещение акцентов восприятия наглядно иллюстрирует важную роль фокуса эмпатии в смысловой структуре высказывания, а его внезапная смена вызывает неполное восприятие отрывка произведения, в котором данная смена обнаруживается.

Таким образом, в некоторых отрывках романа имеет место резкий неоправданный перенос внимания читателя с одного события на другое, при полном отсутствии тесной смысловой связи между ними. Это обуславливает внезапный скачкообразный переход внимания читателя на совершенно новый объект / событие. Читатель оказывается в трудном положении: он чувствует либо незаконченность мысли, либо ее избыточность, которая заключается в упоминании событий, не относящихся к делу. Такое несоответствие вызывает дискомфорт и непонимание при чтении. Немотивированная смена фокуса восприятия заставляет читателя прилагать некоторые усилия и внезапно «переключаться» на другой вектор восприятия, и это, несомненно, вызывает у него раздражение.

По всей видимости, наблюдаемое явление резкой смены фокуса восприятия в ряде отрывков романа Д. Стил объясняется не художественным замыслом автора, а некоторыми специфическими особенностями женской логики повествования.

Литература

1. Горлина А.С. Фокус контраста // Лингвистический вестник. – Вып. 2. – Ижевск, 2000. – С. 83–90.
2. Жалагина Т.А. Коммуникативный фокус в английской диалогической речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1988.
3. Кибрик А.Е. Проблемы синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.11. – М., 1982. – С. 5–36.
4. Шерстобитов С.В. «Центр значимости» как компонент анализа субъективного смысла высказывания. – М., 2000.
5. Steel D. Sunset in St. Tropez. – London, 2002.

К.О. Миттельман

Короткий рассказ как объект лингвистического и литературоведческого анализа

This article is devoted to linguistic and stylistic analysis of short stories, particularly short stories by Roald Dahl. In this article we dwell upon peculiarities of a short story and its features. We give a brief interpretation of 4 stories by Roald Dahl and on its grounds we draw our conclusions.

Текст как объект лингвистического, стилистического и литературоведческого анализа детально изучается учеными давно. Особый интерес вызывает художественный текст, так как именно он позволяет выявить все типы информации, содержащиеся в нем [1, 3, 5, 6].

В современном мире — системе огромных объемов информации, скоростей, стрессов и нехватки времени — у людей остается все меньше возможностей прочитывать и анализировать большие романы. Все больше востребованы малые и доступные формы литературы, особенно лирической и романтической направленности [1, 3, 4].

Жанр короткого рассказа в последнее время привлекает все больше внимание исследователей, — как лингвистов, так и литературоведов. Некоторые американские теоретики в области литературных жанров, а вслед за ними и некоторые российские лингвисты [3], выделяют жанр короткого рассказа (short story), где основной параметр, адекватно отображающий особенности этих произведений, — их малый размер, краткость. Размер текста короткого рассказа непосредственно соотносится с заключенным в нем объемом всех типов информации. Однако, учитывая некоторую расплывчатость семантики «story», можно сказать: то, что называется у зарубежных лингвистов жанром «short story», переводится как «рассказ», а поджанр «короткий рассказ», требует детального анализа и определения, доселе несуществующего.

Рассказ — один из самых мобильных жанров литературы, берущий свое начало от незатейливого анекдота и устного повествования о каком-либо случае [3]. Ему свойственны глубина мысли, четкость замысла и его воплощения, законченность и совершенство формы при краткости изложения. Собственно, это и отличает рассказ от крупных прозаических жанров.

Выделяются основные параметры короткого рассказа:

- целостное художественное воспроизведение жизни с помощью совокупности таких средств, как тема, характеры, действие, содержащее конфликт, обстановка и стиль;
- преимущественно изображение одного эпизода с ограниченным числом персонажей;
- малый объем, заставляющий автора структурно и композиционно концентрировать выразительно-изобразительные средства языка;
- единство, целостность впечатления.

Избыточная информация в тексте короткого рассказа практически отсутствует. Сюжет с заключенной в нем интригой является оптимальной формой для привлечения внимания и возбуждения интереса читателя. Даже небольшой намек на интригу может рассматриваться читателем как основа ожидания разрешения конфликта. Именно намеки заставляют читателя с напряжением следить за развитием событий, рождают в его сознании идею, которая опровергается или подтверждается в конце рассказа.

На первый план в тексте короткого рассказа многие лингвисты выводят такие характеристики, как категория информативности и категория континуума. Континуум определяется как логическая связь в цепи отдельных предложений, сверхфразовых единств, абзацев и более крупных единиц произведения, когда место действия локализовано, время дано в его последовательном течении [5: с. 87].

Главное в восприятии читателем короткого рассказа — мощное эмоциональное впечатление. основополагающим является логичное построение композиции произведения и подбор адекватных художественных средств, которые наилучшим способом служат созданию этого эффекта. Каждая деталь играет огромную роль и ни одной нельзя пренебрегать.

Подтверждением вышесказанного может служить рассказ Роальда Дала «Lamb to the Slaughter», где в названии автор использует символ — «без вины убиенный», подчеркивая основную мысль рассказа. Читатель понимает, что в рассказе пойдет речь о безвинной жертве. В данной заглавии используется усеченная фразеологическая единица: *like the lamb (sheep) led to the slaughter* (как овечка, которую ведут на заклание). Источник данной фразеологической единицы — Библия. Именно поэтому при появлении в рассказе главной героини Мэри Мэлони возникает предположение, что такой жертвой станет именно эта женщина. Автор описывает ее как кроткую, покорную, любящую жену, готовую во всем угождать своему мужу, — полицейскому, который очень много времени проводит на работе. И действительно, когда муж объявляет Мэри, что уходит к другой женщине, оставляя ее, беременную, без помощи и поддержки, читатель убеждается в своей правоте. Однако по прочтении рассказа до конца можно понять, что жертвенная овечка — это не тот персонаж, которому он сочувствовал в начале рассказа. На самом деле — это Патрик Мэлони, которого Мэри убивает. В названии рассказа реализуется стилистический прием эффекта обманутого ожидания: предполагаемая жерт-

ва становится убийцей, а палач становится жертвой. Этот эффект усиливается автором за счет того, что он вводит необычное орудие убийства — «баранью ногу», подчеркивая неожиданный характер совершенного преступления. Интересна и содержательно-подтекстовая информация данного рассказа: «овечка» бывает и не столь невинна, какой она кажется в случае с Мэри Мэлони: изображая горе и принимая соболезнования от друзей мужа, полицейских, она угощает их главной уликой — запеченным орудием убийства. При этом она не испытывает никакого раскаяния и даже находит ситуацию забавной:

«The woman stayed where she was, listening to them through the open door and she could hear them speaking among themselves, their voices thick and sloppy because their mouths were full of meat. «Have some more, Charlie?» «No, better not finish it» «She wants us to finish it. She said so. Be doing her a favour ...» «That's the hell of a big club the guy must've used to hit poor Patrick», one of them was saying. «The doctor says his skull was smashed all to pieces just like from a sledgehammer. That's why it ought to be easy to find. Exactly what I say. Whoever done it, they are not going to be carrying a thing like that around with them for a long time. Personally I think it's right here on the premises. Probably right under our noses. What do you think, Jack?» And in the other room Mary Maloney giggled» [7: с. 35].

Так как в коротком рассказе крайне важно создать у читателя сильное эмоциональное впечатление, особую роль играют композиция произведения и подбор художественных средств, которые наилучшим образом служат созданию этого эффекта. Все виды членения в тексте рассказа взаимосвязаны и взаимообусловлены. Неожиданные драматические развязки у авторов коротких рассказов, таких, например, как Роальд Дал, вызывают эмоциональный отклик читателей, заставляя последних вновь и вновь возвращаться к подтекстовой информации.

Вспомним рассказ Роальда Дала «Parson's Pleasure». На первый взгляд, данный рассказ легко понять и интерпретировать, содержательно-фактуальная информация — ясная, четкая. Некий господин Боггис ездит по маленьким деревушкам и скупает антикварные вещи у населения за бесценок, часто прибегая к обману. Он представляется священником, якобы собирающим предметы мебели для некоего Лондонского общества, а в действительности он продает ее на аукционе. Благодаря двойственному смыслу заглавия (с одной стороны, словосочетание «Parson's Pleasure» можно трактовать как *удовольствие священника*; с другой, автор применяет стилистический прием игры слов: «Parson's Pleasure» — открытый мужской плавательный бассейн при Оксфордском университете, где купаются без купальных костюмов и получают огромное удовольствие), внимание читателя приковано к деталям в тексте рассказа: поведению мистера Боггиса, его манере вести переговоры, хитрым уловкам, которые он использует при общении с сельскими жителями:

«They had seen him stop and gasp, and stare, and they must have seen his face turning red, or maybe it was white, but anyway they had seen enough to spoil the whole goddam business... In flash, Mr. Boggis clasped one hand over his heart, staggered to the nearest chair and collapsed into it, breathing heavily» [7: с. 22].

Такое яркое описание помогает выявить кульминационный момент в рассказе, наивысшую точку эмоционального напряжения. Читатель ожидает, что должно произойти нечто важное. Развязка, однако, происходит лишь в самом конце рассказа. Необразованные жители решают разломать бесценный антикварный комод на несколько частей, так как, по словам мистера Боггиса, ему необходимы лишь ножки комода, за которые он готов заплатить небольшую сумму денег. Читатель понимает, что лжесвященник наказан за нечестную игру, которую он ведет.

Возвращаясь к тексту рассказа после первого прочтения, можно понять содержательно-подтекстовую информацию, а именно: любое удовольствие заканчивается, в конце концов приходится столкнуться с реальностью. Содержательно-подтекстовую информацию данного рассказа можно представить в виде морального вывода: если будешь все время обманывать людей, то неизбежно наступит расплата. Герой рассказа, пытаясь перехитрить простодушных людей, попадает в собственные сети: он лишен возможности заполучить антикварный комод и обрести славу коллекционера. Добродетель торжествует, а порок наказан. Собирая и связывая воедино детали повествования, читатель приходит к пониманию авторского замысла, который и является отправным пунктом сюжетной линии.

Еще одной особенностью современного короткого сюжетного рассказа (a plot story) является то, что развязка в нем не всегда носит окончательный характер. Это можно объяснить тем, что в реальной жизни ситуации с концовкой «и жили они долго и счастливо» крайне редки, о чем свидетельствуют большинство рассказов Роальда Дала.

В тексте короткого рассказа началу и концу повествования отводится особая роль: они являются главными опорными пунктами во внутренней организации художественного произведения. Заголовок, будучи начальным элементом художественного текста, готовит читателя к тому, что будет происходить в рассказе. Очень часто автор направляет своего читателя по ложному пути, стараясь привлечь максимальное внимание последнего к фабуле, заставить его задуматься об описываемых в рассказе событиях, а по прочтении вернуться к заголовку и проанализировать текст и всю информацию, которая в нем содержится. Примером этого может служить заглавие рассказа Роальда Дала «Dip in the Pool», которое благодаря своей неоднозначной трактовке (*pool* — 1) бассейн, 2) совокупность ставок; *dip* — 1) окунаться, нырять и 2) обворовывать, обчищать) направляет ожидание читателя сразу по нескольким возможным линиям развития сюжета, лишь одна из которых оказывается верной.

Начало и конец текста связаны непосредственно с работой читателя над фабулой текста. Фабула, в рассуждениях У. Эко [7: с. 35], — это результат непрерывного ряда догадок, производимых по ходу чтения. В отличие от сюжета, который в понимании У. Эко является историей в том виде, как она действительно повествуется, и совпадает с дискурсивной структурой текста, фабула во многом зависит от сотворческой инициативы читателя.

Сюжет в таком случае можно толковать как заговор, использующий все средства, чтобы вызвать у читателя заинтересованное ожидание на уровне фабулы. По мнению У. Эко, по мере движения фабулы читатель включается в сотрудничество, пытаясь предугадать предстоящие события и состояния. Например, в рассказе Роальда Дала «A Man from the South» главные персонажи заключают пари, ставками которого являются машина марки «Кадиллак» и мизинец одного из героев. Когда мужчина заносит нож над пальцем юноши, читатель ожидает, что тот сейчас лишится своего мизинца. Этот прогноз совершается на уровне фабулы и опровергается лишь в самом конце текста. На создание данной гипотезы читатель был подвигнут множеством прежде прочитанных им повествовательных ситуаций (интертекстуальных фреймов), а быть может, и собственным жизненным опытом. И чтобы найти такие фреймы, читатель должен совершить «инференциальную прогулку (вылазку) за пределы текста — в поисках интертекстуальной поддержки» [6: с. 63]. Подобные «вылазки» — необходимый компонент в процессе создания фабулы.

Окончание текста не только подтверждает или опровергает предсказания событий, возникающие у читателя по мере прочтения текста рассказа, но еще и суммирует общую систему гипотез, которая складывается относительно конечной ситуации фабулы. Например, в рассказе Роальда Дала «A Man from the South» финал опровергает предсказание событий, на которое направлял автор читателя. Пари внезапно прерывается появлением жены пожилого мужчины, поставившего на кон «Кадиллак». Женщина объявляет, что ее муж — нищий, давно проигравший все свое состояние, и что на самом деле владелицей машины является она. Но тем не менее, развязка рассказа подтверждает общую систему гипотез относительно конечной ситуации фабулы: человек не будет рисковать своим имуществом и ставить его на кон, если не получит равноценного в ответ. Данная гипотеза помогает трактовать содержательно-подтекстовую информацию, заложенную автором: никогда не совершай необдуманных поступков.

На основании проведенного анализа четырех рассказов Роальда Дала, подтверждается рабочая гипотеза статьи:

1) Основными параметрами короткого рассказа являются:

– целостное художественное воспроизведение жизни с помощью совокупности таких средств, как тема, характеры, действие, содержащее конфликт, обстановка и стиль;

– преимущественное изображение одного эпизода с ограниченным числом персонажей;

– малый объем, заставляющий автора структурно и композиционно концентрировать выразительно-образительные средства языка;

– единство, целостность впечатления.

2) На первый план в коротком рассказе ставится создание у читателя мощного эмоционального впечатления.

3) Началу и окончанию текста короткого рассказа отводится большая роль. Они непосредственно связаны с работой читателя над фабулой и интерпретацией текста.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – М., 2002.
2. Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики в интерпретации художественного текста. – СПб., 1995.
3. Варенина Л.П. Логико-семантическая и риторическая организация текста: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998.
4. Васильев Л.Г. Текст и его понимание: учебное пособие. – Тверь, 1991.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2007.
6. Эко У. Роль Читателя. Исследование по семиотике текста. – М., 2005.
7. Dahl R. The Best of Roald Dahl. – London, 1990.
8. Dahl R. You never know. – М., 2001.

П.Ю. Новичков

Метафоризация как актуальная задача современной лингвистики¹

The article considers mechanisms of metaphorization as a practical linguistic tool of studying lexical semantics i.e. uncovering and analyzing figurative meanings of words which at times differ greatly from their literal meanings. All theoretical deliberations are facilitated by examples of English and Russian verbs with the common figurative meaning “to feel/inflict pain”.

Одной из актуальных проблем, рассматриваемых в современной лингвистике, являются механизмы метафоризации. Под метафоризацией обычно подразумевается употребление слова в переносном значении, возникшем на основе ассоциаций по сходству (ср.: *круги под глазами*). Что же происходит при метафоризации, например глагола? Каждый глагол, как и любое слово, имеет прямое значение, которое формируется определенным таксономическим классом слов, употребляемых с данным глаголом. Например, глагол *ставить* имеет прямое значение «помещать в стоячем положении», ср.: *Василий Петрович поставил мешок картошки на землю*. В приведенном примере у глагола *ставить* три аргумента: субъект *Василий Петрович*, прямое дополнение *мешок*, обстоятельство места *на землю*. Но когда мы говорим: *Василий Петрович поставил Феде двойку*, мы выражаем совсем другую мысль. Согласно тому же словарю, это значение глагола *ставить* гласит: «изображать письменно, писать» [3].

Заметим, что значение трансформируется за счет изменения таксономического класса аргументов данного глагола: ясно, что *двойка* — объект, принадлежащий другому таксономическому классу, чем *мешок*, и *ставить* ее в значении «помещать в стоячем положении» невозможно. Новый таксономический статус имени требует нового значения глагола.

Применим теперь то же рассуждение, например, к английскому глаголу *feel*. В своем прямом употреблении это переходный глагол со значением «трогать, осязать». В качестве дополнения используется конкретный предмет внешнего мира: *The blind felt the letters in the book* (*Слепой осязал буквы в книге*). Употребления типа *I feel music* (*Я чувствую музыку*) или *He felt the truth of what was said* (*Он сознавал правильность сказанного*) осмысляются как метафорические, потому что описывают не физическое, а ментальное действие

¹ Автор благодарит Хэлэн Гарфорт, Тома Диснея, Эстер Дэниелс и Алекса Луни за верификацию примеров, приведенных в данной статье.

и в качестве прямого дополнения имеют уже не конкретный, а абстрактный объект. Смена таксономического класса опять диктует смену значения. Метафора может маркироваться и синтаксически: например, в контекстах типа *to feel well / unwell* со значением «быть в каком-либо состоянии, чувствовать себя» данный глагол является непереходным и не имеет объектной валентности (нельзя сказать **I feel myself well*).

Семантическое поле английских глаголов боли представляет собой весьма интересный объект лингвистического описания. Для начала необходимо определить рамки данного семантического поля. По определению Международной ассоциации по изучению боли (International Association for the Study of Pain), **боль** — неприятное физиологическое и эмоциональное ощущение, связанное с актуальным или потенциальным повреждением тканей или описываемое в терминах, соответствующих повреждениям такого рода [8].

Проведенный анализ большого числа примеров, полученных из электронных баз данных (British National Corpus), справочных изданий и опросов информантов, позволяет нам получить интересные данные о значении и функционировании болевых глаголов.

Наше исследование свидетельствует о том, что языки мира устроены так, что в них очень мало (обычно один-два) собственно болевых глагола — таких, как русское *болеть (нога болит)*. В английском языке фактически существует только три основных глагола болевой семантики в прямом значении: *hurt, ache, pain*. Для того же, чтобы выразить более детальные противопоставления, английский, как и другие языки, заимствует глаголы из других семантических полей [2].

Основными заимствованиями такого рода в английском языке являются глаголы **горения** (*burn, sear etc*), **звука** (*buzz, click etc*), **движения** (*surge, run etc*), **воздействия инструментом** (*cane, bite etc*), глаголы **мягкой деформации** (*pull, lock etc*). Обращает на себя внимание то, что в русском поле глаголов боли наблюдаются аналогичные процессы, причем заимствования осуществляются из тех же семантических полей — **горения** (*в боку жжет, голове печет* и т.д.), **звука** (*ноги гудят, в голове гудит* и т.д.), **движения** (*живот крутит*), **воздействия инструментом** (*колет в боку, стучит в висках* и т.д.), **мягкой деформации** (*давит грудь*) и другие.

Если разбить русские и английские глаголы на пары по схожести их значения, создается обманчивое впечатление, что английские слова, эквивалентные русским, являются их полными синонимами. Однако при ближайшем рассмотрении все оказывается намного сложнее.

В качестве примера рассмотрим зону болевых ощущений для так называемых «инструментальных» глаголов. В ней выделяется интересная подгруппа, в которую попадают глаголы, выражающие процессы, совершаемые настоящим инструментом (*резать* или *пилить*), а также частями тела животного или человека — когтями, зубами, клювом, жалом (*царапать, клевать, кусать, жалить*). Употребляя такие глаголы (их можно было бы назвать «квазиинструментальными») в их переносном «болевом» значе-

нии, по-русски мы говорим: *дерет горло* или *носки кусают*, описывая зону болевых ощущений.

В английском языке можно выделить несколько квазиинструментальных глаголов, приобретающих семантику боли в своих не прямых значениях: *sting* (жалить), *bite* (кусать ус), *gnaw* (глодать), *scar* (царапать) и *nibble* (щипать, покусывать). Самые частотные из них *sting* и *bite*. Именно их мы рассмотрим в качестве примера.

Анализируя исходные значения русских *жалить* и *кусать* и английских *sting* и *bite* как сопряженные пары, можно проследить различия и сходства их значений. Рассмотрим субъект действия, обозначенного интересующими нас глаголами. На первый взгляд, здесь легко провести границу: это или «зубастый» зверь (например, собака), или ядовитое насекомое (например, оса, пчела, скорпион и подобные им). Действительно, в обоих языках собака (и ей подобные) *кусают* — *bite*, а оса *жалит* — *sting*. Однако по-русски про осу можно сказать не только *оса жалит*, но и *кусают*, тогда как в английском использование глагола *bite* будет некорректно. Оказывается, между русским и английским в этой зоне есть существенные расхождения: существительное *змея*, которое в русском языке употребляется с глаголами *кусать* и *жалить* (как и существительное *оса*), в английском семантически сочетается только с глаголом *bite*. То есть в английском языке лексема строится на том, что по совершаемому действию змея больше напоминает осу, чем собаку.

Если исходить из известной гипотезы о мотивированности языкового поведения лексики [5, 6], то такого рода сочетаемостные различия обусловлены различиями семантическими: значит, есть разница между русским *кусать* и английским *to bite*, с одной стороны, и русским *жалить* и английским *sting*, с другой. Тогда интересно было бы построить семантическую модель этих лексем. Ниже следует один из вариантов такой модели.

Для английского *sting*, в отличие от русского *жалить*, важно, каким инструментом наносят повреждение, — это специальное жало в форме шипа, которое прокалывает часть тела, поэтому в английском *змея* будет только *кусать* (*bite*), а оса только жалить (*sting*). В русском же языке в фокусе нашего внимания оказывается идея внесения в организм яда, а не воздействие острым орудием — так что в русском *жалить* «может» и *змея*, а не только *оса*.

Следует также заметить, что в русской языковой картине мира лексически противопоставлена идея введения яда в организм живого существа в целом (*жалить*) причинению ущерба конкретному фрагменту его тела (*кусать*). По-русски мы говорим: *меня ужалила оса*. Однако в русском недоступно: **оса ужалила (мне) руку* (ср. более приемлемое: *ужалила меня в руку*) и вообще невозможно **ужалила мою руку*: *ужалить* требует в качестве прямого дополнения существительное, обозначающее живое существо, и не допускает существительные со значением «часть тела». Это еще одно косвенное свидетельство в пользу того, что глагол *жалить* значит «вводить яд в живой организм вообще».

У английского *sting* не возникает такого ограничения на объект, как у русского *жалить*: по-английски можно сказать как *a bee stung me* (пчела ужа-

лила **меня**), так и *a bee stung my leg*, (букв.: пчела ужалила **мою ногу**). Дело в том, что помимо идеи «ввести яд», *sting* имеет еще один, более сильный, компонент значения: «проткнуть жалом» — именно он обеспечивает эту возможность для *sting*.

Теперь обратимся к переносным значениям этих глаголов, которые связаны с болевыми ощущениями человека. Здесь русский и английский отличаются очень сильно. Русская метафорическая система рассматриваемых глаголов очень бедна: *жалить* вообще не обозначает болевых ощущений, а *кусать* описывает слабые неприятные ощущения на теле от грубого (обычно шерстяного) материала, ср. *носки кусают*.

Английская система гораздо богаче выражения болевого значения, богаче прежде всего за счет глагола *sting*; глагол *bite* имеет меньшую частотность в этом значении и обычно синонимичен *sting*.

Чаще всего болевое ощущение, описываемое этим глаголом, вызвано не грубой материей, а агрессивной средой — едкими жидкостями:

(1) *This antiseptic stings a little* (Этот антисептик немного **щиплет / колет**) [7].

(2) *Chopping onions makes my eyes sting* (Мне **щиплет/колет** глаза, когда я режу лук) [7].

(3) *The wound on your leg will start stinging if you go swimming in the sea* (Если пойдешь купаться в море, рана у тебя на ноге начнет **щипать / колоть**) [7].

Любопытно, что ощущения, которые возникают у человека в ситуациях, описанных в данных примерах, хотя и передаются лучше всего на русском языке, по-видимому, глаголом *щипать*, очень похожи на покалывание. Это, в принципе, соответствует высказанной в предыдущем разделе идее о том, что «протыкание»/«прокалывание» (жалом) является главным в семантике английского *sting*.

Другая группа метафорического употребления связана с неприятными болевыми ощущениями, вызванными проявлениями непогоды: сильным дождем, градом, ветром:

(1) *My bare feet felt like blocks of ice in the mud, and the rain was stinging my face (in the sharpening wind)* (Ноги мои были холодные как ледышки, а дождь **жалил / щипал / колол** лицо) [7].

(2) *The wind was stinging my eyes and the tears were freezing on my face as I hiked down to a village.* (Ветер **колол** [как будто бы **жалил**] глаза, и слезы замерзли на лице, пока я спускался к деревне) [7].

Здесь возникает параллель с русским, в котором такого рода «колющий» ветер описывается прилагательным *пронизывающий*, а снег — *колючий*. Как кажется, это прилагательное может дать ключ к пониманию переносного значения глагола *sting* в английском: «жаля», ветер, прежде всего «пронзает» (или «пронизывает») человека насквозь, как бы протыкает жалом, — этот в каком-то смысле механический компонент болевого значения данного глагола является главным для *sting*. Сравни с английским выражением *stinging*

wind: *They set off through the **stinging** wind.* (Они отправились в путешествие наперекор **пронизывающему** ветру) [7].

Буквальная картина сопоставления русского и английского дает не вполне совпадающий результат: русская метафора неприятных, почти болевых ощущений от сильного ветра берет начало только из собственно инструментальных глаголов: в исходном значении *пронзать* или *пронзить нечто* или *кого-либо* может только человек, используя для этого кинжал, копьё, нож и подобные им острые предметы. Английский же язык предлагает еще и метафору из иного источника: исходной для нее является квази-инструментная ситуация использования жала насекомым. Но это расширение круга источников становится возможным потому, что сам глагол *sting* (в отличие от своего русского аналога *жалить*) оказывается семантически не так уж далек от собственно инструментальной зоны. То есть и сходства, и различия в этом фрагменте русской и английской картины мира вполне мотивированы.

Другое косвенное лингвистическое свидетельство сказанному представляют так называемые вторичные метафоры. Под «вторичными» мы понимаем в данном случае переносы «физических» глагольных значений не в («первичную», физиологическую, область — область боли), а в область эмоциональных или ментальных ощущений. Если вернуться к глаголу *sting*, то наиболее частотными являются фразы, где этот глагол употребляется с существительным *words* (слова):

(1) *My father usually didn't let criticism from the media affect him very much, but those words **stung** him* (Мой отец обычно не обращал внимания на обидную критику СМИ, но эти слова **задели** его за живое) [7].

(2) *The words stung because they implied that the immigrant did not truly belong in Britain* (Эти слова **задевали** [его] за живое, потому что под ними подразумевалось, что иммигрантам не было места в Великобритании) [7].

Речь идет о неприятном эмоциональном впечатлении, которое опять-таки на русский можно перевести как *уколоть*. Надо сказать, что русское *жалить*, не имея первичной (болевой), имеет вторичную (ментально-эмоциональную) метафору, ср.: *this thought **stung** me* (букв.: мысль **ужалила** / **пронзила** меня).

Но в этом случае имеется в виду совершенно другая ситуация — не реакции на внешнее раздражение (укол), а более общее внезапно возникшее внутреннее состояние, и по причине внутренних стимулов — собственная мысль, воспоминание и пр.

Однако еще более интересна другая группа вторичных метафор английского глагола *sting*, которые не несут семантической нагрузки «эмоциональная обида», а передают побуждение к действию. Пример: ... *and it seemed as if they had been **stung** into action by the criticism leveled at them* (... и казалось, что критика обрушенная на них побудила [**ужалила**] их к действию) [7].

Обратим внимание, что в этих случаях меняется модель управления: глагол *sting* приобретает новый аргумент, выражающий действие-цель; он вводится предлогом *into*. Интерпретация данной метафоры тоже может служить подтверждением нашей гипотезы о сущности «механической» состав-

ляющей в семантике *sting* — как если бы от какого-нибудь внешнего укола человек вскочил и принялся что-то делать.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть актуальность изучения полисемии и лексической метафоризации с целью получения наиболее адекватного представления о языковой картине мира. С лингвистической точки зрения, глубокий анализ и постоянное контекстуальное сравнение значений соответственных лексических единиц английского и русского языков позволяет более точно установить семантический облик изучаемого языкового материала.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
2. Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. – М., 2007. – С. 76–82.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (С–Я). – http://lib.misto.kiev.ua/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt#1
4. Падучева Е.В. Динамические модели и процессы в языке. – М., 2004.
5. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor, 1985.
6. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. – Amsterdam, 1988.
7. British National Corpus. – <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
8. International Association for the Study of Pain. – <http://www.iasp-pain.org/AM/Template.cfm?Section=Home>

Е.В. Олейник

Особенности употребления терминов *sens* и *signification* во французской когнитивной лингвистике

This article is dedicated to use of the terms *sens* and *signification* in modern franco-phone works in the sphere of cognitive linguistics. An attempt is being made to bring out the confusion of the use of these terms by means of comparison of concepts. The author also compares *sens* and *signification* with the Russian cognitive terms *смысл* and *значение*.

В современном франкоговорящем лингвистическом сообществе когнитивные исследования предполагают обязательность языкового выражения ментальных представлений. Во французской когнитивистике представителем направления, отражающего невербальное выражение концепта и основанного на достижениях психолингвистики, можно считать Ж. Пиаже, согласно которому в основе мышления лежит *сенсомоторный интеллект* (*intelligence sensori-motrice*) [12: с. 10]. Единицами подобного интеллекта являются *схемы* (*schèmes*), представляющие собой обобщенные действия, с которыми соотносятся воспринимаемые впоследствии объекты, ситуации и события [3: с. 133].

Современные французские когнитологи придерживаются мнения о вербальности мышления и исследуют, в основном, языковые средства выражения ментальных представлений. Однако терминологический аппарат французских представителей когнитивной лингвистики отличается от русскоязычного как по составу, так и по изучаемым понятиям.

Для обозначения ментальных представлений о мире во французских когнитивных исследованиях иногда используется термин *concept*, под которым понимается вербализованное обобщенное представление об объектах окружающего мира: «on donne le nom de concept à toute représentation symbolique, de nature verbale» [11: с. 187]. Однако в отличие от русскоязычного когнитивного понятия *концепт* у французского понятия *concept* не отмечаются его ядерные и периферийные составляющие.

Языковое отражение ментальных представлений французский когнитолог Ж.-Ф. Ле Ни отождествляет с понятием *signification*, подразумевая под ним вербализованную единицу мышления, которую некоторые отечественные когнитологи [1] приравнивают к понятию *смысл*.

Во многих французских исследованиях для обозначения ментальных представлений вместо термина *concept* чаще используется термин *catégorie* (*ментальные категории*), под которым понимается совокупность конкрет-

ных или абстрактных образов объектов окружающего мира, объединенных на основе общих признаков [2: с. 37]. По мнению французского когнитолога Ж. Клебера, подобные ментальные категории выражены в языке отдельными словами: «un même mot peut regrouper plusieurs sens différents, c'est-à-dire peut renvoyer à plusieurs types de référents ou de ... catégories» [9: с. 112]. Под термином *sens* ученый подразумевает языковое значение слова, зафиксированное в словаре, на что указывает уточняющее определение — *sens linguistique* [8: с. 16]. Понятие *sens* трактуется Ж. Клебером как ментальная категория, выраженная словом, и как называемый словом объект действительности (референт), что сближает позицию французского когнитолога с идеями некоторых отечественных лингвистов, обозначающих свой подход к ментальным основам языка как «семантико-когнитивный» [4: с. 18].

Значение слова может пониматься французскими когнитологами и как типичный представитель концептуальной категории (*prototun*), т.е. образ объекта, обладающий максимальным количеством признаков, присущих категории [2: с. 37]. Так, значением слова «птица», по словам Ж. Клебера, является воробей как наиболее типичный представитель данной ментальной категории: «le sens prototypique d'oiseau c'est moineau» [8: с. 61]. Определяя языковое значение слова как прототип ментальной категории, ученый включает в него не только содержание, зафиксированное в словаре, но и все концептуальные признаки, вызываемые словом в сознании носителя языка: «La sémantique du prototype [...] permet de réintégrer dans le sens d'un mot des propriétés [...] jugées comme connaissances encyclopédiques, c'est-à-dire non linguistiques» [8: с. 18]. Таким образом, под термином *sens* французский когнитолог подразумевает совокупность общепринятых и индивидуальных концептуальных признаков слова, для обозначения которой некоторыми отечественными лингвистами предлагается термин «психолингвистическое значение слова» [4: с. 19].

Во франкофонных когнитивных исследованиях распространено понимание зафиксированного в словаре значения слова как «ядерной», общеизвестной части концептуальной категории (или прототипа). Однако общепринятое обозначение подобного понятия отсутствует. Н. Дельбек, как и Ж. Клебер, использует термин *sens prototypique* [5: с. 75]. К. Фукс предпочитает термин *signification typique* [7: с. 170].

Несмотря на различия в выборе термина для обозначения ядерной части ментальной категории, французскими учеными признается существование ее периферийной части. По мнению Б. Виктори, ментальное представление, отраженное в языке в виде совокупности ядерных и периферийных значений слова, можно представить в виде окружности: «le sens du mot est [...] représenté par une région au centre de laquelle se trouvent les meilleurs exemplaires» [13: с. 82]. Подобное определение соответствует принятому в отечественной когнитивной лингвистике мнению о «полевой структуре концепта», упорядоченной по убыванию яркости отдельных компонентов [4: с. 103].

Коммуникативный уровень исследования характерен как для отечественной, так и для французской когнитивной лингвистики. Русскоязычный тер-

мин *смысл* может обозначать категориально-системный концепт, существующий в сознании носителей языка [1; 4], и концепт, актуализированный в речевом высказывании [1]. Во французских исследованиях эти две ипостаси концепта выражаются различными терминами: *sens* для обозначения языкового смысла, *signification* — для речевого смысла. Так, К. Фукс рассматривает модальный глагол *pouvoir* (мочь), вербализующий три концептуальные категории: *la permission* (разрешение), *la capacité* (способность) и *l'éventualité* (возможность). Для обозначения категории, актуализованной данным глаголом в высказывании, ученый использует термин *signification contextuelle* [7: с. 163]. Д. Дюбуа подобным образом разграничивает термины *sens* и *signification*, подразумевая под первым когнитивную структуру, выраженную словом в языке, а под вторым — индивидуальное содержание, выстраиваемое в сознании в процессе коммуникации [6: с. 24]. Ж.-Ф. Ле Ни, напротив, предпочитает термин *sens* для обозначения речевого смысла [10: с. 165].

Подводя итоги, отметим, что исследования современных французских когнитологов сосредоточены не столько на мышлении и способах познания человеком окружающего мира, сколько на языковом выражении мыслительных категорий и их восприятии в процессе коммуникации. В основном постулируется вербализация ментального представления без указания на существование невербальных единиц мышления.

Приведенная ниже таблица 1 отражает различия в употреблении исследуемых в настоящей статье терминов в отечественной и французской когнитивной лингвистике.

Таблица 1

Различия в употреблении терминов *sens* и *signification*

Обозначаемое термином понятие	Термин отечественной когнитивной лингвистики	Термин французской когнитивной лингвистики
Невербализованное ментальное представление (или его часть)	<i>Смысл, концепт</i>	<i>Schémes</i>
Вербализованная единица мышления	<i>Смысл, концепт</i>	<i>Concept, catégorie, signification, sens</i>
Вербализованная часть ментального представления, закреплённая в словаре	<i>Значение, лексикографическое значение</i>	<i>Sens, signification</i>
Вербализованная часть ментального представления, отражающая индивидуальные концептуальные признаки	<i>Смысл, психолингвистическое значение</i>	<i>Sens, signification</i>

Как видно из таблицы 1, у французских когнитивных терминов, в отличие от русскоязычных, отсутствует четкая формулировка обозначаемых понятий. Это можно объяснить следующим образом: при изучении ментальных категорий французские ученые, как и отечественные, опираются на семантический уровень. Однако французские когнитологи нередко концентрируются на языковом и коммуникативном уровнях исследования, исключая уровень когнитивного сознания, что приводит к смешению когнитивных и семантических понятий, обозначенных одними и теми же терминами (*signification* и *sens*). Отсутствие указания, на каком уровне проходит исследование, препятствует правильному пониманию термина.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2000.
2. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке / Отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М., 1994. – С. 32–86.
3. Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка // Семиотика / Сост. и ред. Ю.С. Степанова. – М., 1983. – С. 133–137.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.
5. Delbecq N. Linguistique cognitive: comprendre comment fonctionne le langage. – Bruxelles, 2002.
6. Dubois D. Les catégories sémantiques «naturelles»: prototype et typicalité // Sémantique et cognition: Catégories, prototypes, typicalité / Sous la direction de Daniel Dubois. – Paris, 1993. – P. 15–27.
7. Fuchs C. Polysémie, interprétation et typicalité: l'exemple de «pouvoir» // Sémantique et cognition: Catégories, prototypes, typicalité / Sous la direction de Daniel Dubois. – Paris, 1993. – P. 161–170.
8. Kleiber G. La sémantique du prototype: catégories et sens lexical. – Paris, 1990.
9. Kleiber G. Prototype et prototypes : encore une affaire de famille // Sémantique et cognition: Catégories, prototypes, typicalité / Sous la direction de Daniel Dubois. – Paris, 1993. – P. 103–129.
10. Le Ny J.-F. Eléments de psycholinguistique cognitive: des représentations à la compréhension // La linguistique cognitive / Sous la direction de Catherine Fuchs. – Paris, 2004. – P. 155–170.
11. Otman G. Les représentations sémantiques en terminologie. – Paris, 1996.
12. Piaget J. La psychologie de l'intelligence. – Paris, 1949.
13. Victorri B. Les grammaires cognitives // La linguistique cognitive / Sous la direction de Catherine Fuchs. – Paris, 2004. – P. 73–98.

М.А. Смирнова

Германоязычные лингвистические островки на Севере Италии

The article deals with language interference in Italy. It focuses on six criteria for ‘a linguistic island’. A detailed description of four German language minorities in Italy is suggested. The article provides the survey of the development of mentioned dialects and the current linguistic situation in the country.

Италия — страна, отличающаяся лингвистическим многообразием. На всей территории страны представлено 12 языковых меньшинств, признанных историческими (в противоположность новым иммиграционным потокам) в соответствии с законом Республики Италия № 482 от 15 декабря 1999 г. Среди них выделяются так называемые германоязычные меньшинства, которые расселены вдоль Альпийского горного хребта на Севере Италии и представляют собой изолированные лингвистические группы. С административной точки зрения, ареал их расселения охватывает следующие регионы востока на запад: Фриули — Венеция Джулия, Венето, Трентино — Альто Адидже, Пьемонт и Валь д’Аоста. Это тринадцать населенных пунктов, в которых представлены четыре ветви немецких диалектов: вальсеры, кимбры, мokeny и языковые меньшинства Фриули — Венеция Джулия (так называемые баваро-австрийские группы: муниципалитеты Саппада, Саурис, Тимау и Валь Канале), говорящие на верхненемецких диалектах, близких к каринтским говорам Австрии.

Долгое время считалось, что все эти разрозненные явления принадлежат одной группе, в результате чего им приписывалась общая история. Однако же возможность подобного объединения опровергается лингвистическими фактами, которые доказывают, что возникновение немецкоговорящих островков является результатом различных исторических процессов.

Немецкие лингвисты выделяют шесть параметров, по которым обычно характеризуют «лингвистический остров» и которые являются основным показателем его выделения как такового [4: с. 99]:

1) диалект идентифицируется как местный, локальный («наш язык», мokenский, кимбрский и др.);

2) принадлежность «лингвистического острова» к немецкому языковому и культурному пространству доказана на основании различных документов и соответствующих сопоставительных исследовательских работ;

3) местными жителями языковая общность с литературным немецким не осознается как данность;

4) сообщение с соседними немецкими анклавами не было возможным;

5) владение тем или иным вариантом немецкого не создало эффекта «моста» между немецкоязычными анклавами, так как литературный / официальный немецкий отсутствует в функции языка-крыши;

6) несформировавшееся этническое самосознание и различное грамматическое оформление диалектов воспрепятствовало созданию историко-культурной и лингвистической общности (даже в условиях принадлежности к одной и той же административной единице).

Обратимся к каждому языковому меньшинству¹.

Вальсеры

Язык вальсеров принадлежит к германской ветви языков, к немецкой подгруппе и определяется исследователями как алеманнский альпийский говор [2: с. 22]. Это язык переселенцев XII века (алеманны из местности Валлезе, современная Швейцария). Самоназвание языка — *töitschu, tittschu*. Язык вальсеров распространен в регионах Пьемонт и Валь д'Аоста. При этом в первом случае отмечается прогрессирующее забвение языка, в то время как в Валь д'Аоста местные говоры сохраняют достаточное распространение среди населения и жизнеспособность наравне с франкопровансальским патуа. В Пьемонте функцию языка-крыши выполняет немецкий [7: с. 929].

Кимбры

Кимбрский язык принадлежит к германской ветви языков, к его немецкой подгруппе, и представляет собой вариант баваро-австрийских диалектов. Он был принесен на современную территорию распространения в результате ее заселения около 1000 г. баварскими колониями. Наибольшее число носителей проживает в муниципалитете Лузерна в провинции Трентино, а также в муниципалитетах Виченцы и Вероны (Венето) [3: с. 150–153]. Самоназвание — *tzimbarn*, однако при определении собственного языка большинство говорит о *tautsch*, то есть немецком. По последним данным, число активных носителей в разных регионах колеблется от 50 до 74%.

Мокены

В XIII веке в Валь Ферсина (Трентино — Альто Адидже) с севера начинают переселяться целые семьи. В данном случае речь идет о миграционных волнах из высокогорья Фольгария и Лавароне в Тироле. В документах того времени говорится об «алеманнах» и «тевтонцах». Основываясь уже на этих данных, можно утверждать, что их язык представлял собой вариант древне-немецкого языка. Мокенский, как и язык кимбров, оказывается близким баваро-австрийским диалектам. Самоназвание — *mocheni* — происходит, по одной из версий, от местного произношения глагола «делать» — [‘*moxn*’], нем. *ma-*

¹ Наименования *язык / диалект / говор* предлагается, с некоторой поправкой, рассматривать как синонимы.

chen. Данных о современной лингвистической ситуации и количестве носителей выявить не удалось.

Баваро-австрийские и пуостеро-каринтские группы

Говоря о баваро-австрийских диалектах, некоторые исследователи имеют в виду кимбрские и мокенские говоры [8: с. 929–930], которые не признаются ими в качестве самостоятельных языков и рассматриваются как местные диалектальные варианты немецкого. Такой подход распространен достаточно широко в современной лингвистике, но принимается далеко не всеми учеными. Противоположная точка зрения находит отражение во многих работах, посвященных этой тематике (M. Bruniera, G. Piller Puicher, G. Francescato, I. Geyer, E. Steinicke, G. Magri, G.P. Nimis), а также подкреплена заключением Единого комитета исторических немецких языковых меньшинств в Италии.

К пуостеро-каринтской группе (определяемой так по совокупности мест происхождения немецкоязычного населения) относятся четыре муниципалитета: Саппада (Венето), Саурис, Тимау и Валь Канале (Фриули — Венеция Джулия). Их объединяют приблизительно совпадающее время миграционных волн (XIII–XIV вв.) и одинаковые социальные слои переселенцев. В каждом из муниципалитетов сложилась особая мультилингвистическая система интеграции и взаимодействия языков (немецкого и местного итальянского диалектов, литературного итальянского, фриульского языка), что во многом обуславливает особый статус этих лингвистических образований.

Немецкие языковые исторические меньшинства издавна являются предметом дискуссий: от законодательного признания их этнического своеобразия и права на автономность до вопросов сохранения и развития уникальных говоров этих миноритарных групп населения. Ни первая, ни вторая проблемы не могут быть решены в отдельности от исследований структуры самих наречий, которые только и могут выявить, идет ли речь об определенных диалектальных группах немецкого языка, или же есть основания для того, чтобы признать их самостоятельными языками.

Проблема миноритарных языков и сопряженные с ней проблемы интерференции, то есть процесса перенесения норм одного языка на другой и результата контакта двух и более языков, и интеграции — продукта интерференции в речи говорящего — как никогда актуальны для современной Италии, так же как и для многих других стран в нашем многоязычном мире, что находит живейших отклик в работах лингвистов последних лет. Они показывают, что любой миноритарный язык, находящийся в окружении языков, типологически относящихся к иной лингвистической группе, может развиваться в двух направлениях: быть подверженным постепенному вымиранию под воздействием чужой, функционально и социально более укрепившейся лингвистической традиции, или мимикрировать таким образом, чтобы обновляться и обогащаться за счет элементов другого языка. Первый случай можно наблюдать в языке вальсеров и в южнотирольских диалектах, практически вытесненных помимо итальянского литературным немецким и французским

языками. Для выживания немногочисленный язык вынужден изменяться: такой путь избрали кимбрский язык и немецкие диалекты, распространенные в регионе Фриули — Венеция Джулия.

Литература

1. *Чельшева И.И.* Современное лингвистическое законодательство Италии // Решение национальных языковых вопросов в современном мире: сборник статей / Институт языкознания РАН; под ред. Е.П. Чельшева. – СПб., 2003. – С. 161–169.
2. *Bauen M.* Sprachgemischer Mundartausdruck in Rimella Valsesia (Piemont). — Bern und Stuttgart, 1978.
3. *Bonato S.* Roana: comunità cimbra della provincia di Vicenza // Isole di cultura: saggi sulle minoranze storiche germaniche in Italia / a cura di Christian Prezzi. – Luserna, 2004. – С. 150–153.
4. *Geyer I.* Sprachinselmentalität im Spannungsfeld zwischen Tradition und Innovation. Beobachtungen in der deutschen Mundart der Sprachinsel Tischelwang / Timau in Oberitalien // Pabst, Christiane M. (Hrsg.), Sprache als System und Prozess. Festschrift für Günter Lipold zum 60. Geburtstag. – Wien, 2005. – S. 97–117.
5. *Hutterer C.J.* Grundsätzliches zur Sprachinselforschung. // BGdSL 85. – Halle, 1963. – S. 177–196.
6. *Rapelli G.* XIII Comuni Veronesi: comunità cimbra della provincia di Verona // Isole di cultura: saggi sulle minoranze storiche germaniche in Italia / a cura di Christian Prezzi. – Luserna, 2004. – С. 178–181.
7. *Telmon T.* Le colonie «walser» // Aspetti sociolinguistici delle eteroglossie in Italia / Serianni L., Trifone P. (a cura di) Storia della lingua Italiana. – Vol. III. – Torino, 1994. – С. 929.
8. *Telmon T.* Gli arcipelagi del gruppo bavaro-austriaco // Aspetti sociolinguistici delle eteroglossie in Italia / Serianni L., Trifone P. (a cura di) Storia della lingua Italiana. – Vol. III. – Torino, 1994. – С. 929–930.

А.А. Фетисова

Ассоциограмма как способ расширения объема словарного запаса учащихся

The article deals with the problems of developing, strengthening and enriching vocabulary knowledge including semantic mapping and webbing.

В настоящее время социальный заказ в образовательной области «иностранный язык» предполагает владение иностранным языком как средством межкультурного и профессионального общения. В условиях высшего учебного заведения это находит свое отражение в формулировке цели обучения — формирование и развитие у учащихся коммуникативной компетенции. В данной статье мы хотели бы рассмотреть вопросы, контекстно связанные с одним из важнейших компонентов коммуникативной компетенции, а именно: ее языковой составляющей.

В практике обучения иностранным языкам преподаватели склонны уделять внимание, в первую очередь, грамматической нормативности речи. Однако относительно недавно многие лингвисты (J. S. De Carrico, M. Lewis, J.R. Nattinger, П.В. Чесноков, Н.Д. Арутюнова) пересмотрели свои взгляды на структурный подход в изучении языковых единиц, в соответствии с положениями которого лексические единицы служили лишь своеобразным наполнителем грамматических структур. Более того, в связи с развитием теории коммуникации ученые рассматривают новую модель языка, где основное внимание сосредоточено на языке как на средстве общения, а не как на своде грамматических правил. В связи с этим особый интерес представляют слова, обеспечивающие оптимальное решение коммуникативных задач (W. Reily, Е.А. Селиванова), а проблема формирования лексических навыков представляется актуальной как для общеобразовательной, так и для высшей профессиональной школы.

Исходя из того, что лексика в системе языковых средств является важным компонентом всех видов речевой деятельности, можно с уверенностью сказать, что качественно сформированные лексические навыки — залог успешной речевой деятельности человека. Но для того, чтобы успешно осуществлять общение на иностранном языке, необходимо владеть достаточно большим объемом словарного запаса.

Наличие такого индивидуального словаря открывает перед человеком новые горизонты возможностей, позволяя ему более точно формулировать свои мысли, передавать тончайшие оттенки эмоций и переживаний, улавли-

вать стилистически окрашенное настроение собеседника, используя для этих целей все многообразие языковых (в частности, лексических) средств и, тем самым, повышая свою успешность в роли коммуниканта. Для будущего учителя иностранного языка овладение большим словарным запасом приобретает особую значимость: искусное оперирование большим объемом лексических единиц выступает обязательным условием осуществления его преподавательской деятельности и служит гарантом достижения высокого уровня профессионализма, что соответствует требованиям нормативных документов к уровню подготовки выпускника вуза.

По данным лексикографов, на сегодняшний день словарный запас современного английского языка равен приблизительно 750 тысячам слов¹. Однако в рамках любого учебного курса, исходя из вполне объективных причин, не представляется возможным овладеть всем существующим словарем. При подготовке учителей иностранного языка следует вести речь о проведении работы по расширению и обогащению имеющегося у студентов активного лексического запаса.

Как известно, молодое поколение в силу своих возрастных психологических особенностей наиболее восприимчиво к новым социальным веяниям и изменениям. Сегодня именно на долю этой возрастной категории приходится наибольший процент использования технических средств для коммуникативных целей. Как следствие, сокращается сфера устных форм полноценного общения, чтения и письменной речи, и в результате снижается грамотность и культура общения населения. Расширение сферы влияния экранной культуры негативно сказывается и на словарном запасе молодого человека, который можно охарактеризовать как ограниченный, скудный, выполняющий лишь информативную функцию. Это выражается в частой повторяемости одних и тех же слов, использовании маловыразительной, стилистически нейтральной лексики, неумении оперировать образительными средствами языка для более полного раскрытия смысла личностного высказывания и т.д.

С другой стороны, осуществление учебной деятельности в университете, окружающая социальная среда, чтение книг и журналов, а также просмотр телепередач обогащают знания студентов, расширяют их кругозор, что, как следствие, влечет за собой приток незнакомой или малопонятной лексики. Без понимания и запоминания новых слов усвоение знаний невозможно. Владение большим словарным запасом способно обеспечить лучшее понимание предлагаемого материала и возможность осуществлять коммуникацию в различных ситуациях общения. Обозначенные явления особенно ярко проявляются в процессе обучения иностранному языку, поскольку в силу специфики предмета преподаватель должен обращать особое внимание на те средства выражения мыслей, которые учащиеся используют в своей речи.

¹ Данные об объеме словарного запаса английского языка прозвучали в устной форме в лекции G. Fox «A Dictionary at Your Fingertips», на которой автор статьи присутствовала в рамках 9-ой Выставки Британского Образования (Education UK) 29 сентября 2007 г.

Нам представляется, что расширению словарного запаса учащихся будут способствовать факторы, повышающие образовательную ценность предлагаемого материала и увеличивающие эффективность его усвоения:

- апеллирование к личному опыту,
- создание ситуаций, раскрывающих способности выражения собственной мысли, воплощения задуманного в той речевой форме, которая соответствует особенностям личности,
- указание на практическую ценность использования языковых явлений, встречающихся в процессе обучения.

Существует немало способов расширения и обогащения словарного запаса учащихся. Многие исследователи в своих работах предлагают методики, основанные на системных группировках лексических единиц:

- тематических групп (Н.М. Мухаева, О.Н. Лапшина),
- лексико-семантических групп (Л.Н. Григорьева),
- словообразовательных гнезд (А.Р. Джиева),
- ассоциативно-семантических (Ю.Г. Давыдова, А.Ю. Рябова) и функционально-семантических полей (Ю.Г. Седелкина),
- семантических связей (синонимических (Е.Н. Пронченко, С.С. Семёнова), антонимических (Н.В. Кузнецова, Л.В. Артешина), гиперо-гипонимических и деривационных цепочек (С.Л. Оленников).

Зачастую для обогащения и расширения объема словарного запаса применяются всевозможные способы расположения лексических единиц с помощью элементов графики для повышения эффективности запоминания и установления ассоциативных связей. Сюда можно отнести и различные виды ассоциограмм, которые служат для визуального раскрытия значения понятия путем восстановления ассоциативных связей.

К сожалению, на сегодняшний момент в методической литературе не удалось обнаружить сложившейся классификации видов ассоциограмм. Однако в зарубежных изданиях можно встретить достаточно большой спектр названий: *mind-maps*, *word-webs*, *word-trees*, *spidergraphs*, *spidergrams*. В качестве русских эквивалентов термина в литературе можно встретить следующие варианты: *карты памяти*, *карты ума*, *карты разума*, *интеллект-карты*, и даже простое калькирование — *майнд-мэпы*. В основе их построения лежит единый принцип — уделять первостепенное внимание значению слова, так как «значение, непосредственно присущее слову, служит источником образования ассоциации — связи мыслительного содержания, когда возникновение восприятий, представлений или понятий ведет к репродукции связанных с ними иных восприятий или понятий» [3: с. 58].

На сегодняшний день в преподавании иностранного языка особой популярностью при организации ознакомления с лексическими единицами пользуется разработанный Т. Бьюзенем прием составления ментальных карт (*mind-maps*). Эта техника применяется для визуализации мышления, т.е. для фиксации, анализа и упорядочивания информации и для создания новых идей.

Ментальные карты связывают два процесса — процесс памяти и творчества — воедино и представляют собой своеобразное выражение неоспоримой связи между эффективным мышлением и эффективным запоминанием, что особенно важно для организации процесса обучения иностранному языку.

В качестве основы ассоциогаммы может выступать лексическая или речевая единица, фраза из изучаемого текста, а также рисунок, пиктограмма — словом, все то, что способно вызвать у учащихся чувства, эмоции по предложенной проблеме. Зачастую инициированным ассоциациям и воспоминаниям могут сопутствовать вопросы преподавателя о том, какими средствами, с помощью каких единиц и оборотов возможна их передача на иностранном языке.

Психолингвистами и психологами (П.И. Зинченко, С.Л. Рубинштейн) установлено, что та информация, которая предоставляется в момент, когда в ней ощущается острая потребность, т.е. создается напряжение «речевой потребности» (термин А.А. Леонтьева), запоминается быстрее и удерживается в памяти дольше, чем при других условиях и обстоятельствах. Удовлетворение этой потребности обеспечивает «импринтинг», запечатление, чему наилучшим образом соответствуют условия живого общения. При этом ассоциативная память, которая обеспечивает запоминание предложенного материала, позволяет сконцентрировать все внимание учащихся на самом материале, а не на проблеме его удерживания в памяти. Запоминание происходит произвольно, а такой способ оказывается гораздо эффективнее, чем путь постановки перед учениками специальной задачи на произвольное запоминание [2: с. 134].

Рациональность ассоциогамм заключается в том, что, как известно, большинство людей воспринимает информацию, главным образом, через зрительный канал (визуалы). Применение графических опор в учебном процессе может помочь структурировать и наглядно представлять ту информацию, которая содержится в изучаемом рассказе, объявлении, описании, и, одновременно, соединить ранее приобретенные знания с новыми. С помощью таких графических опор мы создаем своеобразный скелет, остов, на который накладываются две сущности — языка и мышления [4: с. 131–141].

При организации ознакомления с лексическими единицами составление ассоциогамм (самостоятельно или под руководством преподавателя) требует от учащихся проведения собственных исследований лексического материала и способствует проникновению в суть того или иного языкового явления. В этом случае применение ассоциогамм позволяет перенести акцент с доминирующей роли преподавателя при традиционном подходе к организации учебного процесса на активную деятельность учащихся. Помимо указанных преимуществ, такой процесс организации формирования и совершенствования лексических навыков учащихся может стимулировать желание студентов мыслить, и мыслить творчески, а не пассивно воспринимать сумму знаний, предоставляемую преподавателем. Составление ассоциогамм помогает получить представление о системе языка в целом, позволяет воспринимать единицы во всем их многообразии использования в различных ситуациях обще-

ния, а также повысить мотивацию учащихся к восприятию нового материала и вызвать личностное отношение к предмету обсуждения.

Уникальность ассоциограмм выражается не только в их использовании при семантизации нового материала, но и для активизации уже известных учащимся знаний по теме (в частности, лексических единиц). Очевидным преимуществом использования ассоциограмм при организации тренировки является возможность установления ассоциаций с ранее изученными лексическими единицами, что способствует постоянной ротации учебного материала и препятствует его быстрому забыванию.

Следовательно, использование ассоциограмм в учебном процессе с целью формирования и совершенствования лексических навыков позволяет сделать процесс обогащения словарного запаса не только целенаправленным и творческим, но и личностно значимым для учащихся. Поскольку решить задачу обогащения словаря за один урок и даже за цикл уроков не представляется возможным, работа в этом направлении должна проводиться постоянно.

Литература

1. *Давыдова Ю.Г.* Совершенствование лексических навыков студентов третьего курса языкового вуза на основе семантических полей: Дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2003.
2. *Китайгородская Г.А.* Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика. – М., 1992.
3. *Миллер Е.Н.* Антонимия номинативных единиц в современном немецком языке. – Куйбышев, 1985.
4. *Brewester J., Ellis G., Girard D.* The Primary English Teacher's Guide. – L., 2004.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Энциклопедический словарь
сюрреализма / Ред. кол.: Т.В. Балашова,
Е.Д. Гальцова (отв. редакторы),
А.Б. Базилевский, А.Ф. Кофман,
Л.И. Тананаева. – М.: ИМЛИ РАН,
2007. – 584 с.**

Существует русская пословица: «Иван долго запрягает да быстро скачет». Создание словаря сюрреализма растянулось на долгие годы, в течение которых происходили перемены не только в стране, но и в литературоведении: были, наконец, выпущены издания, о которых прежде можно было только мечтать, в частности, изданы популярные переводы иностранных словарей сюрреализма (*Ален и Одетт Вирмо. Мэтры сюрреализма.* — СПб., 1996), появились и серьезные издания, посвященные истории сюрреализма: тексты сюрреалистов, драма и поэзия (*Антология французского сюрреализма 1920-х гг.* — М., 1994; *Поэзия французского сюрреализма. Антология.* — СПб., 2003; *Стихи французских поэтов для детей.* — М., 2005).

Рецензируемое издание расходуется очень быстро, хотя есть мнение, что академические издания всегда распространяются медленно. Специалистов, литературоведов радует сам факт выхода такого словаря, он наполняет нас мыслями о некоем законченном этапе, вершине, он успокаивает души тех, кто любит широкий охват, широкий кругозор и порядок. Ведь только в таком случае можно полнее ухватить «истину» и постичь закономерность.

Авторы словаря отказались от чрезмерной нарративности в описании сюрреалистических понятий, но сумели выдвинуть специфические концепты: *авторское письмо, объективная случайность, черный юмор, сюрреалистический объект, конвульсивная красота* и т.п. Они внушили нам, что созданный сюрреалистами образ, связанный с галлюцинациями, снами, эротикой, грезами, разрушает монотонность логики здравого смысла, и современники уже почувствовали, что сюрреалистический образ — огромная преобразующая метафора реального мира.

Сюрреалисты настаивают на незыблемости художника в сюрреалистическом акте творчества, на вербальном и графическом автоматическом письме. Художник стремится овладеть самим собой, он истинный художник и пото-

му находится в великолепной оппозиции множеству имитаторов западноевропейского искусства и русской литературы. Сделанные по готовой модели, вылепленные, выстроенные, подражательные романы кажутся нам после их прочтения еще более искусственной, коммерческой продукцией.

Когда в ИМЛИ РАН десять лет тому назад состоялся коллоквиум, посвященный сюрреализму, то принимавшие в нем участие литературоведы, искусствоведы, музыковеды с недоумением смотрели друг на друга. Неужели то, что было в табели о рангах советского периода на последнем месте, может неожиданно занять первое место, и главное, может быть выполнено с академическим размахом и тщательностью? Новый словарь сюрреализма буквально кишит знакомыми и, в особенности, незнакомыми именами участников сюрреалистических групп и движений, разнообразными идеями, источниками далеко не общего пользования, которые непременно разовьют уже раз прозвучавшие идеи, кредо, мысли.

На первом коллоквиуме будущих авторов сюрреалистического словаря выступал, в частности, Жан-Пьер Арманго с докладом «Музыкальный русский авангард 20-х годов и сюрреализм». Он попытался доказать, что общепринятое мнение о том, что сюрреализм никогда музыкой не интересовался и являлся прежде всего литературным движением не есть абсолютно верное. Ввиду того, что сюрреалистическая поэтика неотделима от языка, ему доверяется интерпретация снов, фантазмов, мифов. Музыка сама себя не объясняет, но случалось, что иногда и музыку называли сюрреалистической: так отзывались о балетах Эрика Сати и об опере «Нос» Д. Шостаковича. С точки зрения Ж.-П. Арманго, любое музыкальное выражение сюрреалистично, поскольку оно не стремится постичь только логику этого мира или его объективность. Оно пытается выразить «грезы, случайность, автоматизм, свободные ассоциации образов» и делает это посредством звуковой конструкции, которая сталкивает абстрактную условность музыкального языка с естественными резонансами вибрирующего тела.

Музыка есть блуждание смысла, которое происходит одновременно от мира математики, от шума звуков леса, природы и пророческого зеркала, отражающего грядущий мир... Музыка нарочито слепа по отношению к смыслу, к индивидуальному или коллективному ритуалу, она не может себя назвать. По мысли Арманго, музыка — это сюрреалистический дух, но ей не хватает буквы, слова, семантического ритуала. Музыковед дополнил свое устное выступление концертом, состоявшимся в музее Скрябина, где он исполнил произведения русских композиторов — авангардистов Лурье, Мосолова и Рославца. С его точки зрения, музыка Лурье очень близка сюрреалистическому жесту благодаря кощунственному сопоставлению нескольких музыкальных атмосфер, странности и одержимости его гармоний. Николай Рославец замыкает свою музыку в последовательность сложных, в высшей степени символических аккордов, где чистая абстракция звукового построения встречается с выражением тяжелого и иррационального воображаемого. Подвергнутая критике и осуждению в 1930-х гг. в Советском Союзе, такая музыка свидетельствовала о взрыве музыкального иррационализма.

К сожалению, создателям словаря в целях достижения известной стройности текста пришлось отказаться от музыкальных «вкраплений» в энциклопедию, однако контакт с музыковедами запомнился надолго. Ведь мы знаем, что любые авангардисты, будучи современниками прогресса наук, часто предвосхищают открытия лингвистов. Многие писатели и художники, будучи увлеченными успехами точных наук, нередко стремятся извлечь эпистемологические импликации, применимые в их собственной технике письма или живописи. Авангардизм и сюрреализм, если не увлекаются сомнительными идеологиями, указывают на необходимость быть вместе, чтобы продемонстрировать пример общего опыта и необходимость сильного самосознания «Я».

Во Франции сюрреализм опирается на новое открытие «вдохновения» с помощью автоматических технических средств («Магнитные поля», 1919). Так продуцируется изобилие образов, а метафора сразу начинает рассматриваться как детонатор многочисленных метаморфоз: «Каждый образ вынуждает вас постоянно пересматривать Универсум. И каждый человек должен найти образ, способный уничтожить весь мир» (Арагон, 1924). Но существует также и объективная случайность, когда слова набирают силу, как, например, в стихотворении «Подсолнух», написанном Андре Бретоном. Более строгая теория образа вдохновляла теорию и «письмо» Пьера Реверди, который обыгрывал паратекст и заимствовал из заведомо ограниченного состава слов самые простые, отвечающие нашим тонким впечатлениям: «Вот так мы можем воскресить мир и его ауру».

В современной Франции сюрреализм — мифологизированная узаконенная форма социальной игры и приключения. Сюрреалистический опыт сегодня не эпатаж и не порочная заумь, а необходимое условие самоосознания личности. Своей популярностью сегодня сюрреализм обязан постмодернизму. Писателям-постмодернистам сюрреализм дорог радикальным расширением производства вымысла. Создание сюрреалистических объектов связано с галлюцинациями и мечтами, а значит, в конечном итоге и с поиском новых культурных территорий. Искусство приобретает исключительную социальную и метафорическую нагрузку.

Фантастический новояз Оруэлла был придуман для того, чтобы искоренить любую ортодоксальную идею, изгнав даже слова, которые могли бы стать ее носителем. Слова в таком языке становятся своими собственными референтами, а языковое поведение, буквально «означающими», т.е. производящим знаки. В отличие от символа, знак связан с референтом (с миром предметов и понятий) такой связью, какой нельзя найти сколь угодно рациональное оправдание. Знак основывается на обычном соглашении и усваивается как некая конвенция. Усвоение знаков происходит быстро и прочно. Языковой знак принадлежит сфере понятийного мышления. Парадокс, громко прозвучавший в рецензируемой книге, где собраны разные концепции сюрреализма — это наличие у казалось бы космополитичного направления множества национальных оттенков, появляющихся там, где меньше всего предполагаешь их увидеть.

Нерациональные, импульсивные отношения с миром истолковываются в сюрреализме со знаком плюс, что есть верное доказательство его жизненности. Жиль Делёз часто повторяет, что литература — это бред, а смысл высвечивается на границе самого языка. Однако то, на что набредёт язык, невозможно предугадать.

Существенным моментом данного издания следует считать размещение статей о русском движении обэриутов, и в частности заметок о Д. Хармсе, А. Введенском, Я. Друскине, Л. Липавском. «Обэриу» («Объединение реального искусства») — авангардное течение в русской культуре, некоторые черты которого аналогичны сюрреализму. Как и в сюрреализме, литературное творчество обэриутов призвано исследовать некий трансцендентальный опыт — опыт бытия-смерти, переживания времени, опыт пребывания в неантропоморфном универсуме; при этом художественное творчество осмысливается как магическая, эзотерическая практика. Язык должен утратить свою самоценность, сгущенность, телесность, свою непрозрачность, на которой настаивали авангардисты предшествующего поколения. Как и сюрреалистическое письмо, письмо обэриутов выступает проводником чего-то находящегося по ту сторону языка — принципиально невербализуемого. Оно анализирует агрегатные состояния слова, произносимого в бытовой манере, поющего, скандируемого в сопровождении задающих ритм музыкальных инструментов или же написанных на выставленных на сцене плакатах.

Жаль, однако, что, рассказав о современной группе КЛИПО — «Ключ к потенциальной литературе» (60-е гг. XX в.), авторы словаря упустили такую русскую группу (или даже целое движение), как СМОГ («Самое Молодое Общество Гениев» или «Смелость. Мысль. Образ. Глубина»). СМОГ не стал ни литературным направлением, ни обособленной группой со своей дисциплиной, с непреложными установками, с целой программой, но, по мнению самих участников группы, оставался молодой когортой энергичных современников, изначально (по образованию) художников или теоретиков искусства, таких как Леонид Губанов или Владимир Алейников. Стихи последнего знала вся Москва шестидесятых годов. Неистовые фантазеры, они устраивали выставки, сюрреалистические действия, читали необыкновенные стихи и способствовали созданию необыкновенной прозы, такой как проза Саши Соколова.

Отметив некоторые опущения и упущения в Энциклопедическом словаре сюрреализма, еще раз хочется подчеркнуть необычайный размах и глубину исследования в той мере, в какой это было возможно, при всегда ограниченном объеме подобных трудов.

О.В. Тимашева

**Избранные труды преподавателе
Института иностранных
языков ГОУ ВПО МГПУ,
опубликованные в 2007 году**

Монографии

Горлова Н.А. Радость семейного общения : пособие для родителей / Н.А. Горлова. – М. : МГПУ, 2007. – 53 с.

Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках / М.М. Маковский; под ред. В.И. Шаховского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЛКИ, 2007. – 208 с.

Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика: Опыт топологической стратификации языковых структур / М.М. Маковский. – 3-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 232 с.

Маковский М.М. Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология / М.М. Маковский. – 3-е изд. – М. : ЛКИ, 2007. – 168 с.

Учебники и учебные пособия для вузов

Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка = English Lexicology : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. – 7-е изд., стер. – М. : Дрофа, 2007. – 287 с.

Вострикова О.В. Пособие по домашнему чтению по книге Jerome K. Jerome «Three Men in a Boat to Say Nothing of The Dog» / О.В. Вострикова. – М. : МГПУ, 2007. – 35 с.

Ионина А.А. Английская грамматика в схемах и таблицах : учебное пособие / А.А. Ионина, А.С. Саакян. – М. : Проспект: ТК Велби, 2007. – 157 с.

Истомина Е.А. Английская грамматика = English Grammar / Е.А. Истомина, А.С. Саакян. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Айрис-пресс, 2007. – 268 с.

Мирианашвили М.Г. Лингвострановедение Германии = Linguolandeskunde Deutschlands : учебное пособие для студентов лингв. фак. вузов / М.Г. Мирианашвили, Н.Ю. Северова. – М. : Academia, 2007. – 224 с. : ил.

Стрижак У.П. Грамматический справочник по японскому языку (для продолжающих) / У.П. Стрижак. – М. : Педагогика, 2007. – 45 с.

Твердохлебова И.П. Учебное пособие по практической фонетике для студентов английской филологии, 1 курс [«Phonetic Smile!»] / И.П. Твердохлебова, С.Ю. Хованова. — М. : МГПУ, 2007. — 193 с.

Твердохлебова И.П. Рабочая тетрадь к учебному пособию по практической фонетике “Phonetic Smile!” / И.П. Твердохлебова, С.Ю. Хованова. – М. : МГПУ, 2007. – 83 с.

Твердохлебова И.П. Сборник учебных материалов по практической фонетике для студентов 3 курса факультета английской филологии / И.П. Твердохлебова, Е.И. Михалева. – М. : МГПУ, 2007. – 133 с.

Языкова Н.В. Иностранные языки: Теория и методика обучения. Ч. 3 : учебное пособие / Н. В. Языкова. – Улан-Удэ. : изд-во Бурятского госун-та, 2007.

Программы и учебно-методические пособия для вузов

Бартош Д.К. Формирование профессиональных умений в ходе педагогической практики студентов : (учебно-метод. пособие) / Д.К. Бартош, О.Л. Захарова, Э.В. Нерсесова. – М. : МГПУ, 2007. – 75 с.

Введение в языкознание : прогр. курса и тематика семин. занятий: специальность: 100219 — Общее языкознание / авт.-сост.: Ю.В. Трушкова. – М. : МГПУ, 2007. – 37 с. – (Учебные программы).

Горлова Н.А. Концепция обучения иностранным языкам в начальной школе. – М. : МГПУ, 2007.

Огуречникова Н.Л. Лексикология английского языка : учеб. прогр. / Н.Л. Огуречникова. – М. : МИЛ, 2007. – 19 с.

Огуречникова Н.Л. Практикум по культуре речевого общения : учеб. прогр. / Н.Л. Огуречникова. – М. : МИЛ, 2007. – 23 с.

Остапенко А.А. Cinquante exercices sur l’emploi du Subjonctif = Пятьдесят упражнений на употребление сослагательного наклонения : методические указания по курсу «Практ. грамматика фр. яз.» / А.А. Остапенко. – М.: МГПУ, 2007. – 51 с. – (Учебные программы).

Программы дисциплин подготовки магистра филологического образования : «540306М Методические технологии в филологическом образовании» / [под общ. ред. А.В. Щепиловой]. – М. : МГПУ, 2007. – 185 с. – (Учебные программы).

Программы дисциплин подготовки магистра филологического образования : «540301М Языковое образование» / [под общ. ред. О.А. Радченко]. – М. : МГПУ, 2007. – 205 с. – (Учебные программы).

Учебники и учебные пособия для школ, гимназий, лицеев

Афанасьева О.В. Английский язык : УМК по англ. яз. для 4 кл. шк. с углубл. изучением англ. яз. / О.В. Афанасьева, И.Н. Верещагина. – М. : Просвещение, 2007.

Афанасьева О. В. Английский язык : УМК по англ. яз. для 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 кл. шк. с углубл. изучением англ. яз. / О.В. Афанасьева, И.В. Михеева, К.М. Баранова, Ю.Е. Ваулина. – М. : Просвещение, 2007.

В УМК серии: «Английский язык для шк. с углубл. изучением англ. яз.» изд-ва «Просвещение» входят: учебник, рабочая тетрадь, книга для учителя, книга для чтения, набор кассет звукозаписи.

Афанасьева О. В. Новый курс английского языка для российских школ : УМК для 5, 6, 7, 9 кл. / О.В. Афанасьева, И.В. Михеева, К.М. Баранова, Ю.Е. Ваулина. — М. : Дрофа, 2007.

В УМК серии: «Новый курс англ. яз. для российских школ» изд-ва «Дрофа» входят: учебник, рабочая тетрадь, книга для учителя, книга для чтения, набор кассет звукозаписи.

Эванс В. Английский в фокусе : учебник для 7 кл. общеобразоват. учреждений / В. Эванс, Д. Дули, Ю.Е. Ваулина, О.Е. Подоляка. — М. : Просвещение: ЦентрКом, 2007.

В УМК серии: «Английский в фокусе» изд-ва «Просвещение», «ЦентрКом» входят: учебник, рабочая тетрадь, книга для чтения, книга для учителя, контр. задания, языковой портфель, аудиоприложение, видеоприложение, раздаточный материал, доп. упражнения на сайте.

Радченко О.А. Alles Klar! : УМК для 7, 8 кл. общеобразоват. учреждений / О.А. Радченко, Г. Хебелер. — М. : Дрофа, 2007.

В УМК серии: «Alles Klar!» изд-ва «Дрофа» входят: учебник, книга для учителя, книга для чтения, рабочая тетрадь, сборник упражнений, аудиозаписи.

Сборники научных статей

Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания английского языка: сб. науч. ст. / [сост. Н.А. Спичко; авт. О.В. Вострикова, С.В. Мичугина, А.С. Джанумов и др.]. — М. : МГПУ, 2007. — 153 с. — (Аракинские чтения).

Перспективы развития языкового образования в свете требований Болонских реформ : межвуз. сб. науч. трудов. Ч. 1 / [отв. ред. Н.А. Горлова; науч. ред. А.В. Щепилова; ред. кол. : О.А. Радченко, О.А. Сулейманова, И.Н. Сулханишвили, Д.К. Бартош]. — М. : МГПУ, 2007. — 225с. — (Гумбольдтовские чтения).

Перспективы развития языкового образования в свете требований Болонских реформ: межвуз. сб. науч. трудов. Ч. 2 / [отв. ред. Н.А. Горлова; науч. ред. А.В. Щепилова; ред. кол. : О.А. Радченко, О.А. Сулейманова, И.Н. Сулханишвили, Д.К. Бартош]. — М. : МГПУ, 2007. — 352с. — (Гумбольдтовские чтения).

Список публикаций подготовили:
зав. филиалом биб-ки ИИЯ МГПУ **И.В. Гургенашвили**,
зав. справочно-библиографическим отделом ФБ МГПУ **Л.В. Харламова**

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Поздравляем с юбилеем Наталью Витальевну Языкову!

27 июля 2008 года — знаменательная дата для методической общественности России: юбилей Натальи Витальевны Языковой. Имя доктора педагогических наук, профессора Н.В. Языковой хорошо известно в нашей стране. Крупный ученый, талантливый организатор и Учитель с большой буквы, Наталья Витальевна внесла большой вклад в развитие методики обучения иностранным языкам в нашей стране.

Окончив в 1965 году факультет английского языка Московского государственного института им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков», уже через пять лет Наталья Витальевна успешно защищает диссертацию на звание кандидата педагогических наук по специальности 13.00.02 «Теория и методика обучения иностранным языкам» под руководством профессора Г.В. Роговой. С этого времени ее жизнь неразрывно связана с методической наукой. Докторская диссертация Натальи Витальевны, посвященная актуальным проблемам профессиональной подготовки преподавателей иностранных языков, была высоко оценена методической общественностью России. Ее учебники и учебные пособия широко используются во многих педагогических университетах нашей страны.

Наталья Витальевна отдала много лет работе в Бурятском государственном университете им. Д. Банзарова: на протяжении 30 лет возглавляла кафедру английского языка, затем факультет иностранных языков, стала одним из основателей созданного в университете Института педагогического образования. В течение десяти лет она параллельно с педагогической деятельностью осуществляла руководство данным институтом, являясь его директором. В настоящее время Наталья Витальевна продолжает работу в этом университете в качестве заместителя председателя диссертационного совета при Бурятском государственном университете.

Научные достижения Натальи Витальевны, ее успешная педагогическая деятельность сочетаются с большим талантом организатора науки. Она входила в оргкомитеты более 40 научно-практических конференций международного, российского и регионального уровней.

В настоящее время Наталья Витальевна продолжает активную научную и педагогическую работу в качестве профессора и заведующей кафедрой ан-

глийского языка и СТО факультета английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. Н.В. Языкова читает курс лекций по теории и методике обучения иностранным языкам, ведет спецкурс «Лингвокультурологический подход к обучению иностранным языкам в средней школе», руководит курсовыми и дипломными работами, осуществляет руководство аспирантами.

Наталье Витальевне Языковой принадлежит особая заслуга в повышении научно-методического уровня преподавания, широкого внедрения научно-исследовательских приемов в обучение студентов. Она является автором более 70 научных работ, в числе которых монографии, учебные пособия, программы курсов для вузов. В период с 1990 по 2008 годы ею подготовлено к защите 12 кандидатов педагогических наук. Огромной популярностью пользуются ее лекции, читаемые для аспирантов, стажеров и молодых преподавателей.

Деятельность профессора Н.В. Языковой отмечена правительственной наградой — орденом «Знак Почета» (1981), званиями «Заслуженный учитель школы Республики Бурятия» и «Заслуженный работник образования Республики Бурятия» (1993), многочисленными знаками и грамотами Министерства образования СССР и РФ.

В октябре – мае 2005–2006 годов Наталья Витальевна находилась на научной стажировке в США в Иллинойском университете в качестве победителя конкурса Фулбрайт для ученых России, в ходе которой был проведен сбор материала для словаря-справочника «US Education. Linguocultural Reference book», который готовится к печати.

Полная творческих сил и замыслов, в окружении многочисленных учеников и последователей Наталья Витальевна встречает свой юбилей.

Желая замечательному Ученому, прекрасному Человеку, удивительной Женщине дальнейших творческих успехов, крепкого здоровья и долгих лет жизни, ее ученики и коллеги от всего сердца поздравляют Наталью Витальевну со знаменательной датой и надеются, что еще долгие-долгие годы она будет влюблять студентов и аспирантов в дорогую ее сердцу науку, готовя будущих учителей английского языка, бакалавров и магистров лингвистики.

От имени коллег, последователей и учеников
доктор филологических наук,
профессор **О.В. Афанасьева**,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
английского языка и СТО **С.В. Мичугина**,
ассистент и аспирант кафедры английского
языка и СТО **И.Н. Столярова**

Поздравляем с юбилеем Ольгу Васильевну Афанасьеву!

В ноябре 2008 года отмечает свой юбилейный день рождения Ольга Васильевна Афанасьева, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГПУ, лауреат Премии Правительства РФ в области образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, четырежды лауреат конкурса «Грант Москвы» в области наук и технологий в сфере образования, член редколлегии журнала «Иностранные языки в школе».

Ольга Васильевна — талантливый филолог и методист, автор около 200 научных и методических публикаций по лексикологии, грамматике, типологии английского языка, когнитивной лингвистике.

Ольга Васильевна Афанасьева — один из основателей факультета английской филологии ИИЯ МГПУ. С 1995 года она является деканом факультета английской филологии и заведующей кафедрой английской филологии. На протяжении многих лет она руководила лабораторией «Содержание новых технологий обучения иностранным языкам».

Под руководством Ольги Васильевны Афанасьевой на кафедре и в лаборатории разрабатывается, в качестве одного из основных, научно-методическое направление — создание новых технологий, учебников и учебных пособий для средних общеобразовательных учреждений. В результате этой работы появились: серия учебно-методических комплектов по английскому языку «English» для школ с углублённым изучением языка для 4–11 классов (в соавторстве с И.Н. Верещагиной и И.В. Михеевой), получившая Гриф Министерства образования РФ и Премию Правительства Российской Федерации в области образования; серия учебно-методических комплектов «Новый курс английского языка для российских школ» для общеобразовательных средних учебных заведений РФ (в соавторстве с И.В. Михеевой и К.М. Барановой). Эти современные УМК сделали ее имя известным по всей России — тысячи учеников языковых и общеобразовательных школ изучают английский язык по этим учебникам. В настоящее время разрабатывается международный проект — принципиально новые учебно-методические комплекты серии «Spotlight. Английский в фокусе» в издательствах «Express Publishing» и «Просвещение» для 5–11 классов. О.В. Афанасьева выступает в нем как один из соавторов.

О.В. Афанасьева часто проводит консультации и мастер-классы с учителями российских школ, участвует в международных симпозиумах, конференциях и проектах.

Ольга Васильевна — необыкновенно компетентный, неравнодушный, интеллигентный и человечный организатор и руководитель. Она непосредственно участвует во всех событиях факультета и Института иностранных языков. Двери ее кабинета всегда не по-начальственному

открыты для посетителей, а сердце — для проблем и радостей окружающих ее, от абитуриентов до профессоров.

Мы все, коллеги, друзья, аспиранты и ученики (многие причисляют себя сразу к нескольким категориям), испытываем гордость и глубокое уважение к блестящему профессионализму и достижениям Ольги Васильевны. Мы благодарны ей за богатый научный и методический опыт, которым она щедро делится.

За ее умение поддержать и дать совет в любых ситуациях, за не-боязнь быть близким человеком, мы искренне ценим и любим ее.

От всей души поздравляя Ольгу Васильевну, мы желаем ей счастья, здоровья, никогда не покидающих элегантности, бодрости, оптимизма, творческого вдохновения, неизменных успехов во всех начинаниях и продолжениях.

По поручению сотрудников и учащихся факультета
профессор кафедры английской филологии ГОУ ВПО МГПУ,
кандидат филологических наук **Ю.Е. Ваулина**,
профессор кафедры английской филологии ГОУ ВПО МГПУ,
кандидат филологических наук **И.В. Михеева**,
доцент кафедры английской филологии ГОУ ВПО МГПУ,
кандидат филологических наук **О.В. Вострикова**.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
2008, № 2 (27)**

Баранова Ксения Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

Галлерт Дарья Николаевна — старший преподаватель общеуниверситетской кафедры иностранных языков ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

Гургеншвили Ирина Владимировна — заведующая филиалом библиотеки ИИЯ МГПУ.

Данилов Андрей Сергеевич — старший преподаватель кафедры германской филологии ИИЯ МГПУ.

Джанумов Александр Сейранович — старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

Ионина Анна Альбертовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

Клейменова Н.М. — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

Лось Александра Львовна — соискатель кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ, старший преподаватель Московского института электронной техники.

Маковский Марк Михайлович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ГОУ ВПО МГПУ.

Михалёва Елена Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

Новичков Павел Юрьевич — аспирант кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ, учитель английского языка ГОУ СОШ № 57.

Олейник Елена Валерьевна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ, старший преподаватель кафедры романской филологии и методики ГОУ ВПО МГПИ.

Рыжова Людмила Павловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Тверской государственный университет.

Смирнова Мария Александровна — ассистент и аспирант кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Тимашева Оксана Владимировна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романских языков ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ

Фетисова Анастасия Александровна — ассистент и аспирант кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

Фурманова София Львовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

Харламова Лариса Викторовна — заведующая справочно-библиографическим отделом Фундаментальной Библиотеки ГОУ ВПО МГПУ.

Хованова Светлана Юрьевна, — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики английского языка ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

Яковлев Григорий Юрьевич — кандидат филологических наук, докторант, кафедра дальневосточных языков, факультет иностранных языков Военного университета (г. Москва).

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 2 (27), 2008

Главный редактор:
доктор филологических наук, профессор,
директор Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
проректор ГОУ ВПО МГПУ ***О.А. Радченко***

Главный редактор выпуска:
Т.П. Веденеева
Редактор:
М.В. Чудова
Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: .10.2008 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем усл.: 8 п.л. Тираж 1 000 экз.